

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

1 (48)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 1 (48), 2021

Научный журнал. Издается с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Готов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

1 (48)
the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 1 (48), 2021

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Березин Я.Б., Лычагин А.В.</i> Сарматские погребения курганного могильника Фазанный – 1 на Ставрополье	7
<i>Тубаев М.А.</i> Возобновление и развитие археологических исследований в Кабардино-Балкарии после Великой Отечественной войны (1946–1968 гг.)	23

ФИЛОЛОГИЯ

<i>АфІэунэ (Токъу) А.А.</i> Адыгэ лексикографир зэрызэфІэувар (XVII лІэщІыгъуэ – XX лІэщІыгъуэм и япэ Іыхъэ)	31
<i>Шэру Н.Гь.</i> ЩІыпІэ къэзыгъэлыагъуэ лыабжъэпэхэр (превербхэр) адыгэбзэм къызэрыщыгъэлыэгъуа щІыкІэхэр	37
<i>Жылэтеж Хь. Ч.</i> ГъэзэщІакІуэр псалъэухам и пкъыгъуэ нэхъыщхъэхэм ящыщ зыуэ адыгэбзэм зэрыщытыр	49
<i>Токмакъ М.Х.</i> Лексикэм и зэхэтыкІэ джыныр (адыгэбзэм ехъэлІауэ)	56
<i>Алхасова С.М.</i> Идейно-эстетические парадигмы поэзии Инны Кашежевой в период «Оттепели»	63
<i>Сарбашиланы А.М.</i> Теммоланы Хамит эм жазма малкъар адабиятны айныуу ...	69

ЭТНОПУБЛИЦИСТИКА

<i>Алоев Т.Х.</i> Черкесский язык в контексте институциональной интервенции	74
--	----

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

<i>Прасолов Д.Н.</i> «Высочайшее пожалование» Александра III от 21 мая 1889 г. в общественной жизни кабардинцев и балкарцев	83
---	----

ИНТЕРВЬЮ

<i>Михаил Медведев:</i> «Адыгская тема вошла в золотой фонд российской геральдики»	91
--	----

ЮБИЛЕИ

<i>Махийланы Л.Х., Локияланы Ж.</i> Улакъланы Махтиге – 70 жыл	107
--	-----

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Berezin Y.B., Lychagin A.V.</i> Sarmatian burials of the Kurgan burial ground Phazanny – 1 in Stavropol region	7
<i>Tubaev M.A.</i> Renewal and development of archaeological research in Kabardino-Balkaria after the Great Patriotic war (1946–1968)	23

PHILOLOGY

<i>Afaunova A.A.</i> Formation of the adyg lexicography (XVII – first half of XX centuries)	31
<i>Sherieva N.G.</i> Main types of local verb prefixes (prefixes) of the kabardino-cherkassian language	37
<i>Zhiletezhiev H.C.</i> Subject as one of the main members of a sentence in the kabardino-circassian language	49
<i>Tokmakova M.H.</i> The problem of vocabulary system (On the material of the kabardino-cherkess language)	56
<i>Alkhasova S.M.</i> Ideological and aesthetic paradigms of Inna Kashezheva's poetry during the «Thaw»	63
<i>Sarbasheva A.M.</i> Khamit Temmoev and the formation of balkar literature	69

ETHNOPUBLICISM

<i>Aloev T.H.</i> Circassian language in the context of institutional intervention	74
--	----

DOCUMENTS AND MATERIALS

<i>Prasolov D.N.</i> «The highest gift» of Alexander III of may 21, 1889 in the public life of kabardinians and balkars	83
--	----

INTERVIEW

Mikhail Medvedev: «Circassian motives are integrated into the golden fund of Russian heraldry»	91
---	----

ANNIVERSARIES

<i>Mahieva L.H., Lokyaeva J.M.</i> Mahti Zeitunovich Ulakov – 70 years	107
--	-----

УДК 902.(470.63)

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-7-22

САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ФАЗАННЫЙ – 1 НА СТАВРОПОЛЬЕ*

Березин Яков Борисович, научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ,
г. Москва, yakov_berezin@mail.ru

Лычагин Арсений Владимирович, кандидат исторических наук, главный научный
сотрудник ООО «НИИ «Севкавархеология», expert.culture@mail.ru

В статье публикуются результаты раскопок группы сарматских погребений, обнаруженных в 2007 году археологической экспедицией ГУП «Наследие» (г. Ставрополь) в кургане 3 курганного могильника «Фазанный – 1». Умершие захоронены вытянуто на спине, в простых грунтовых ямах с преобладанием широтной ориентировки. Среди инвентаря керамическая посуда, ножи, мелкие стеклянные и металлические украшения. Датируются погребения в рамках II в. до н.э. – I в. н.э. Захоронения близки хронологически, объединены однородным погребальным обрядом и представляют, возможно, родственную группу. Они связаны с культурой сарматских племен, предположительно, сиракского союза, контролировавших степное Предкавказье в данный период.

Ключевые слова: Ставропольский край, река Золка, река Кума, курган, погребение, ритуальный комплекс, сарматское время, сираки.

В 2007 году археологическая экспедиция ГУП «Наследие» (г. Ставрополь) проводила охранные раскопки курганного могильника «Фазанный – 1». Держателем Открытого листа и руководителем работ являлся А.В. Лычагин, активное участие в раскопках принимал сотрудник ГУП «Наследие» В.А. Бабенко.

Курганный могильник находится к северу от пос. Фазанный Кировского района, на мысу, выдающемся в пойму левого берега р. Золка, правого притока Кумы (рис. 1). Могильник насчитывает 6 курганных насыпей, из которых была раскопана одна – курган № 3, сильно поврежденный газопроводом и сопутствующими коммуникациями. Это наиболее крупный курган могильника, его высота достигала 2,09 м, диаметр 40 м. Первая насыпь кургана была сделана над погребением майкопской культуры периода ранней бронзы, курган достраивался в эпоху средней бронзы. Четыре впускных захоронения (№№ 1, 3, 5, 6), а также ритуальные комплексы 1 и 2 относятся к сарматскому времени и являются предметом рассмотрения данной статьи [Лычагин 2008: 71–83]**.

Ритуальный комплекс-1. Представляет собой остатки тризны, возможно, сопровождавшей одно или несколько сарматских захоронений в районе репера южной бровки. Он мог относиться к любому из погребений №№ 3, 5, 6 (рис. 2). Состоял из разрозненных фрагментов нескольких сероглиняных сосудов, форма и профиль которых не восстанавливаются. Сосуды изготовлены из плотного звонкого теста с добавлением небольшого количества измельченного кварцевого песка.

* Работа выполнена в рамках гостемы: «Наследие Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) в Московском университете: музейные фонды и документы (Номер ЦИТИС: 121041500329-0)».

** Авторы благодарны Д.Г. Полковскому за компьютерную верстку иллюстраций к статье.

1. Фрагмент стенки сосуда (рис. 3). В нижней части нанесены двойные косые полосы. В верхней части нанесен орнаментальный пояс в виде 4 горизонтальных линий и зигзагов между ними. Размеры: высота – 6 см.

2. Фрагмент горловины сосуда с рифленой шейкой и сливом в форме носика, незначительно возвышающегося над венчиком (рис. 3). Размеры сохранившейся части: высота – 6,5 см, высота шейки – 4 см, высота венчика – 2,5 см.

3. Фрагмент стенки сосуда, аналогичного рис. 2;1, с прямыми и волнистыми прочерченными линиями (рис. 3). Размеры: высота – 13 см.

Орнамент вертикальными и наклонными прочерченными и пролощенными линиями, как и «змейкой», является одним из наиболее характерных типов орнамента для керамики сарматского времени в Центральном Предкавказье [Абрамова 1993: рис. 8, 9, 11, 13 и др.].

Он наносился на самые различные типы сосудов (кувшины, миски, кружки и проч.), при этом наибольшей пышности эти орнаменты достигали в III–I вв. до н.э., а после рубежа эр они становятся более скудными [Абрамова 1993: рис. 51, 52, 61, 63], хотя и продолжают встречаться. Кувшины с рифленой горловиной и выраженным носиком – сливом также более характерны для раннего этапа сарматской эпохи [Абрамова 1993: рис. 8: 3, 4, 6, 10].

Следует, впрочем, отметить, что подобные орнаменты известны в Предкавказье и позже, в эпоху раннего средневековья [напр. Малашев 2001: рис. 1: 7, 9: 5, 17: 2 и др.]. Однако, учитывая, что погребений этого времени в кургане нет, следует отнести ритуальный комплекс 1 к сарматскому времени, возможно, к III–I вв. до н.э.

Ритуальный комплекс-2. Мы приводим название данного объекта так, как оно использовано в отчете. Вместе с тем, очень вероятно, что это фрагмент сильно разрушенного погребения (рис. 2). Его яма, предположительно, имела подпрямоугольную форму и была ориентирована длинной осью по линии северо-запад – юго-восток (рис. 4). Длина сохранившейся части около 1,20 м, ширина – 1,10 м. От инвентаря частично сохранился один предмет.

1. Кружка чернолощенная, плоскодонная (рис. 5). Сосуд изготовлен из теста с большим содержанием измельченной дресвы и кварцевого песка. Внешняя поверхность сосуда покрыта черным лощением плохой сохранности. В нижней части плечиков пролощено 3 горизонтальные полосы шириной около 6 мм. Высота – 12,7 см, диаметр дна – 6,8 см, диаметр венчика – 9,4 см.

Кружка относится к типу 2 (кружки с широким приземистым туловом), выделенным М.П. Абрамовой для кружек III–I вв. до н.э. [Абрамова 1993: 47–48, рис. 13: 20–27]. Наибольшее сходство она обнаруживает с кружкой из погребения 73 Чегемского кургана – кладбища [Керефов 1985: рис. 14: 9]. Б.М. Керефов, на основании сочетания меча с кольцевидным навершием и зеркала с плоским диском и отверстиями для крепления ручки, относит это погребение к II – I вв. до н.э. [Керефов 1985: 195–195, 207].

Погребение 1. Впускное, находилось в центральной части кургана (рис. 2). Контуры могильной ямы в заполнении основного погребения 2 не прослежены. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток-юго-восток (рис. 6). В 0,1 м к югу от черепа стоял раздавленный кувшин (нах. 1). Руки вытянуты вдоль туловища, ноги погребенного также вытянуты. К югу от левой руки погребенного выявлен бок животного, положенный поверх миски (нах. 2) таким образом, что ребра полностью перекрыли венчик миски. Поверх ребер лежал нож железный (нах. 4). К востоку от миски были положены кости передних конечностей.

1. Кувшин чернолощенный (рис. 7). Имеет плоское дно, грушевидное тулово и слабо отогнутый наружу венчик. К нижней части плечиков и венчику крепится петлевидная ручка подпрямоугольного сечения. Кувшин изготовлен из теста с большим содержанием дресвы и кварцевого песка. Черепок в изломе серо-коричневый. На сохранившейся части сосуда имеется две зоны с вертикальным лощением по 5 полос

шириной около 4 мм, на поверхности шейки прослеживается 3 горизонтальные полосы. Высота сосуда – 18,2 см, диаметр дна – 8,8 см, диаметр венчика – 11,1 см.

2. Миска чернолощеная (рис. 8: 1). Имеет плоское, вогнутое дно, и загнутый внутрь венчик. Высота – 9,5 см, диаметр дна – 11,7 см, максимальный диаметр тулова – 28 см, диаметр венчика – 26,3 см.

3. Нож железный, черешковый (рис. 8: 2). Имеет короткий черешок и выгнутую спинку. Лезвие деформировано, острие отсутствует. Сохранившаяся длина 8 см, максимальная ширина 2,2 см. Сохранившаяся длина – 8 см, длина черешка – 2 см, ширина лезвия – 1,7–2,2 см.

Кувшины, подобные обнаруженному в погребении 1, М.П. Абрамова относит к типу 3 своей классификации кувшинов III – I вв. до н.э. [Абрамова 1993: 40, рис. 8: 5–12]. Наиболее близки к нашему сосуду в подборке М.П. Абрамовой кувшины из Куларов в Чечне и погр. 7 кург. 10 Моздокского курганного могильника [Абрамова 1993: рис. 8: 5, 9]. Кувшин из Куларов был найден А.А. Бобринским в 1888 г, при исследовании разрушенного грабителями кургана [Доклад о действиях 1891: CCLX–VII–CCLXX]. Описание погребения, как, вероятно, и проведенные раскопки, довольно сумбурное, однако В.Б. Виноградов предлагает датировать его последними веками до н.э. [Виноградов 1963: 49]. К этому же времени он относит погр. 7 кург. 10 Моздокского могильника [Виноградов 1963: 47–48], в котором, среди прочего, была обнаружена миска, очень близкая к нашей [Виноградов 1963: 192, рис. 14: 5].

Очень близкий по пропорциям и несколько отличающийся только по форме венчика кувшин был обнаружен в погр. 34 кург. 1 курганного могильника Белый Уголь 2 [Березин 2007: 74, рис. 26]. Погребение довольно уверенно датируется около II в. до н.э. [Березин 2007: 75]. Железный нож не противоречит указанной датировке.

С погр. 7 кург. 10 Моздокского могильника связана любопытная ситуация. Кувшин из этого погребения опубликован в 1963 г. В.Б. Виноградовым [Виноградов 1963: 192, рис. 14: 4] и позже, в 1993 году, в сводной таблице, М.П. Абрамовой [Абрамова 1993: 40, рис. 8: 9]. При сравнении рисунков видно, что они существенно отличаются один от другого. В публикации 1963 г. сосуд значительно стройнее, поразному оформлен венчик, орнаментальный пояс в одном случае расположен в верхней трети корпуса (1993 г.), в другом – в нижней (1963 г.). Высота сосуда по В.Б. Виноградову 15,5 см, М.П. Абрамовой – 25 см. Наверное, сейчас уже невозможно выяснить причины этих разночтений. Учитывая, что В.Б. Виноградов в 1961 г. работал непосредственно с коллекциями и архивными данными раскопок 1933, 1935 и 1936 г. [Виноградов, 1963, с. 192, с. 46], мы склонны более доверять его данным.

Погребение 3. Впускное. Погребение сильно разрушено, сохранилась его северная часть (рис. 2). Погребение совершено в грунтовой яме подпрямоугольной формы, ориентированной длинной осью по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Вдоль линии фаса бровки сохранились кружка глиняная (нах. 1) и фрагмент плечевой кости в сочленении с костями предплечья. Судя по пропорциям сохранившейся части ямы и расположению фрагментов костей человеческой руки, погребенный лежал по линии запад-восток, головой на запад (рис. 9).

1. Кружка чернолощеная (рис. 10). Имеет плоское дно, низкое тулово, и вертикальный венчик. К верхней части плечиков прикреплен уплощенный ручка подовальной формы и овального сечения. Кружка изготовлена из теста с большим содержанием измельченной дресвы и кварцевого песка. Черепок в изломе имеет коричневатый цвет. Поверхность сосуда покрыта лощением черного цвета, на поверхности плечиков имеется 7 зон в виде 6 пролощенных линий шириной около 3 мм. Высота – 14 см, диаметр дна – 11 см, диаметр венчика – 11,2 см.

Керамическая кружка из погребения относится ко второй группе кружек III–I вв. до н.э. по классификации М.П. Абрамовой [Абрамова 1993: 47–49, рис. 13: 20–29]. Наиболее близка к нашей находке кружка из погр. 35 мог. Нижний Джулат, датирующегося I в. до н.э. – I в. н.э. [Абрамова 1972: 51–52, рис. 4: 18]. Очень близкая по форме кружка была обнаружена в погр. 20 кург. 2 курганного могильника

Иноземцево 1 [Березин 2007: 69, рис. 10:2]. Погребение относится к I в. до н.э. – I в.н.э. Несколько кружек похожих форм было найдено Б.М. Керевым в Чегемском кургане – кладбище, погр. №№ 59, 62, 110 [Керев 1985: рис. 22: 7; 23: 38; 25: 19]. Все они отнесены автором к группе погребений I–II вв. н.э. Эти аналогии позволяют датировать погребение 3 в рамках I в. до н.э. – I в. н.э.

Погребение 5. Впускное (рис. 2). Контуры могильной ямы не выявлены. Оно просело в заполнение расположенного ниже погр. 6. Это довольно редкий случай прямой стратиграфии: мы можем уверенно считать погр. 5 более поздним, чем погр. 6.

Скелет располагался вытянуто, на спине, головой на запад-юго-запад (рис. 11). Череп лежал на затылке. Правая рука вытянута вдоль туловища. Левая плечевая кость расположена параллельно туловищу, кости предплечья и кисти не сохранились.

1. Сосуд чернолощенный, фрагментированный (рис. 12: 1). Форма и профиль не восстанавливаются. В наличии имеются фрагменты дна и тулова. В тесто добавлены дресва и кварцевый песок. Внешняя поверхность сосуда была покрыта лощением черного цвета.

2. Амулеты из зубов крупного собачьего хищника (волк?, крупная собака?), 2 шт. (рис. 12: 2). Представляют собой клыки с отверстиями, просверленными в средней части. Размеры: длина 4–4,2 см, ширина 1–1,1 см, толщина 0,6–0,7 см, диаметр отверстий 0,4–0,5 см.

Отнесение погребения к сарматскому времени определяется формой погребального обряда и технологическими особенностями керамики. К сожалению, из-за невозможности реставрации сосуда более детальная датировка невозможна.

Привески – амулеты из клыков хищников, в первую очередь, волка, широко известны у многих земледельческо-скотоводческих народов, самых разных археологических культур. Не вдаваясь в древности эпохи бронзы, можно упомянуть нередкие находки подобных привесок из натурального клыка и их бронзовых имитаций в древностях кобанской культуры [Козенкова 1998: 42–43, табл. XII: 8, 9]. Обнаружены они в погребениях №№ 13 и 98 Нижне-Джуглатского могильника [Абрамова 1972: 48, 59, рис. 2: 42, рис. 25–32]. Оба захоронения М.П. Абрамова относят к периоду I в. до н.э. – I в. н.э. Отдельные следы культа волка сохранялись у северокавказских народов вплоть до самого недавнего времени [Халаева 1977: 51–53].

Погребение 6. Впускное (рис. 2). Погребение совершено в грунтовой яме подпрямоугольной формы, ориентированной длинной осью по линии север-северо-восток – юг-юго-запад. Размеры сохранившейся части ямы: длина сохранившейся части – около 1 м, ширина – 0,98–1,00 м. Погребенный лежал вытянуто, на спине, головой на юг-юго-запад. Руки согнуты в локтевых суставах под острым углом и сложены на животе (рис. 13).

1. Миска чернолощенная (рис. 14: 7). Находилась в 5 см юго-западнее черепа. Имеет плоское дно и загнутый внутрь венчик. Миска изготовлена из звонкого плотного теста с добавками дресвы и кварцевого песка. Высота – 7,7 см, диаметр дна – 9 см, диаметр венчика – 23,4 см.

2. Нож железный, черешковый (рис. 14:1). Находился внутри миски. Имеет прямую спинку и треугольное сечение лезвия и черешка. Длина – 8,3 см в т.ч. черешка – 2,3 см, ширина лезвия – 1,1–1,3 см.

3. Кольца височные (?) серебряные, 2 шт. (рис. 14: 2). Обнаружены у боковых частей черепа. Имеют округлую разомкнутую форму. Изготовлены из круглой в сечении проволоки. Диаметр – 1,8–2,2 см, толщина – 0,1 см.

4. Бусы гагатовые, 3 шт., стеклянные, 2 шт. (рис. 14: 3). Находились у левого плечевого сустава. Гагатовые бусы имеют уплощено-цилиндрическую форму. Длина – 0,4–0,6 см, диаметр – 0,3–0,5 см. Стеклянные бусы имеют бочковидную форму. Длина – 0,3–0,5 см, диаметр – 0,4–0,6 см.

5. Бисер пастовый, 16 шт. (рис. 14: 4). Также обнаружен у левого плеча. Изготовлен из глухого стекла цвета морской волны (12 шт.), серо-зеленого (3 шт.) и темно-голубого (1 шт.) цвета. Диаметр – 0,2–0,4 см.

6. Отщеп кремневый (рис. 14: 5). Найден у левого крыла таза. Частично покрыт корой выветривания. На рабочей части откола кромка без видимых следов доработки. Размеры: 2,5х1,3х0,3 см.

7. Фрагмент керамики (рис. 14: 6). Лежал у левого плечевого сустава. В тесте измельченная дресва и кварцевый песок. Цвет обжига – темно-серый. Размеры – 3,4–2,2–0,7 см.

Керамическая миска из погребения относится, скорее всего, к первому типу мисок, выделенному М.П. Абрамовой для периода III–I вв. до н.э. [Абрамова 1993: 49–47, рис. 14: 1–22]. В тоже время следует отметить, что загиб венчика внутрь выражен очень слабо, а верх венчика срезан горизонтально. Очень близкие формы к нашей находке имеют миски из погр. 20 кург. 2 и погр. 2 кург. 3 курганного могильника Иноземцево 1 у г. Пятигорска [Березин 2007: 83, рис. 10:1, 86, рис. 14]. Оба погребения датируются I в. до н.э. – I в. н.э. [Березин 2007: 69–70]. Остальные предметы не дают сколько-нибудь определенных культурно-хронологических данных. Височные кольца и бусы простейших форм имеют широчайшее распространение, как во времени, так и в пространстве. Также можно сказать о железном ноже.

Датировка погребений колеблется от II в. до н.э. – до I в. н.э., то есть, охватывает достаточно большой период. Однако, учитывая близость погребального обряда рассматриваемой группы захоронений и их компактное расположение в кургане (рис. 2), за исключением погр. 1, можно предполагать их большую хронологическую близость. Размытая датировка, скорее всего, является следствием отсутствия хороших хронологических реперов.

Основные черты погребального обряда данной группы погребений представлены в таблице:

Погребение	Тип могилы	Кол-во погребенных	Ориентация	Дата	Примечания
Рит. комплекс 2	Грунт. яма.	-	-	II–I вв. до н.э.	-
Погр. 1	Грунт яма ?	1	В	II в. до н.э.	-
Погр. 3	Грунт. яма.	1	З	I вв. до н.э. – I в н.э.	-
Погр. 5	Грунт яма ?	1	З	Сарм. время.	-
Погр. 6	Грунт яма ?	1	Ю-Ю-З	I вв. до н.э. – I в н.э.	Руки на животе

? – информация предположительна.

- – информация отсутствует.

Представляемая выборка невелика, однако определенные тенденции в погребальном обряде прослеживаются. Все погребения одиночные, впускные в курган эпохи бронзы, во всех установленных случаях погребенный располагался вытянуто на спине. В трех случаях достоверно зафиксировано погребальное сооружение в форме простой грунтовой ямы, в двух других захоронениях такой вариант наиболее вероятен. Ориентировка погребенных разнообразна: 3 – в западный сектор, 1 – в восточный, 1 – в южный. При этом последнее погребение относится к числу более поздних. Такое распределение ориентировок обычно для сарматов Предкавказья, одному из авторов доводилось писать об этом совсем недавно. То же касается положения одной из рук (иногда обеих) на живот умершего [Березин 2021: 54–55].

В целом обряд захоронений весьма стандартен для степного населения практически всего Предкавказья от Черного моря до Каспийского, в промежутке IV в. до н.э. – I в. н.э. Эти погребения принято связывать с сарматскими племенами сираков, контролировавших указанную территорию в последние века I тыс. до н.э. и в самом начале I тыс. н.э.

Хотелось бы обратить внимание еще на один аспект комплекса сарматских погребений кургана 3 могильника «Фазанный – 1», на наличие в кургане сразу 5-ти впускных сарматских захоронений, образующих достаточно однородную группу. Похожая ситуация зафиксирована в кургане 4 (погр.1, 2, 3, 4, 6) курганного могильника «Птичье-3» на западе Ставрополя [Березин 2021: 44–46] и в кургане 1 (погр. 1, 9, 17, 19, 35) курганного могильника «Бамутский поворот – I» [Бурков, Прокопенко 2008: 21–28]. В тоже время, подавляющее большинство впускных погребений не образует скоплений, в одном кургане обычно находят 1–4 погребения, иногда разнесенные по времени захоронения на несколько веков. Вполне вероятно, что захоронения данного кургана принадлежат родственной (семейной?) группе, избравшей его на какое-то время местом для последнего упокоения своих родичей.

Рис. 1. Местоположение курганного могильника «Фазанный – 1»

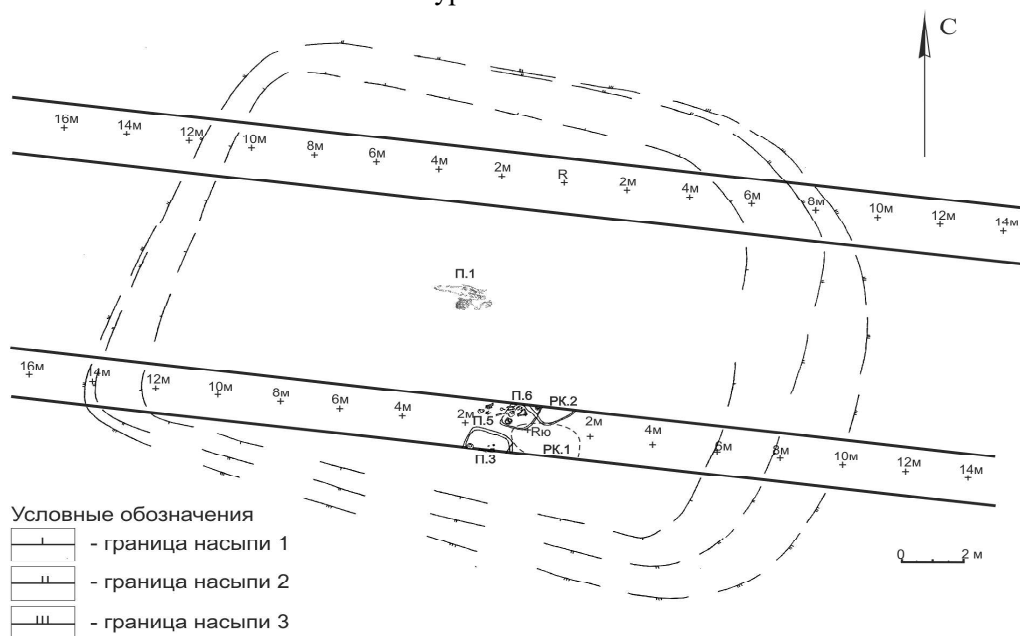

Рис. 2. План расположения сарматских комплексов кургана 3.

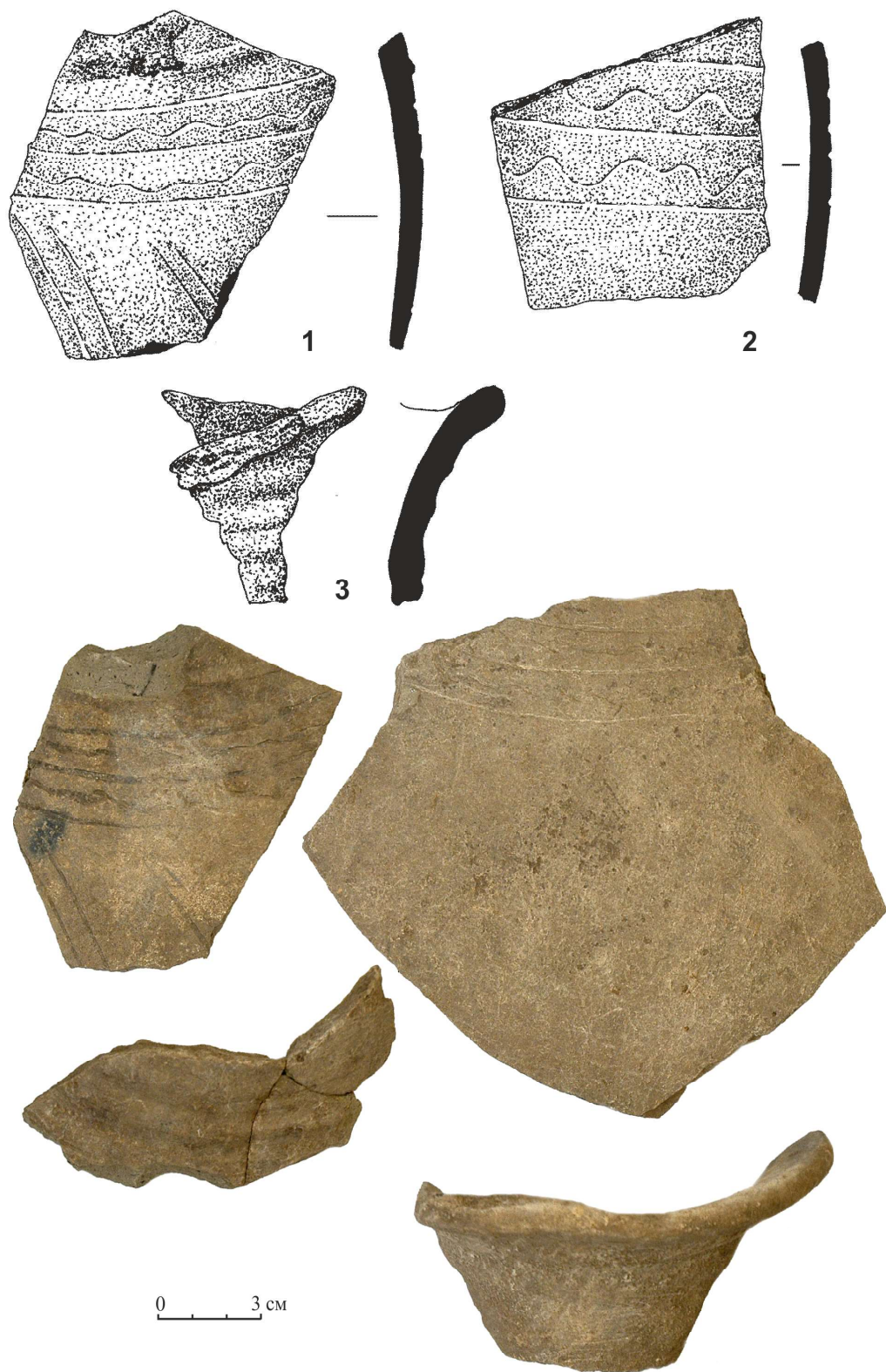

Рис. 3. Ритуальный комплекс 1. Фрагменты сосудов сероглиняных.

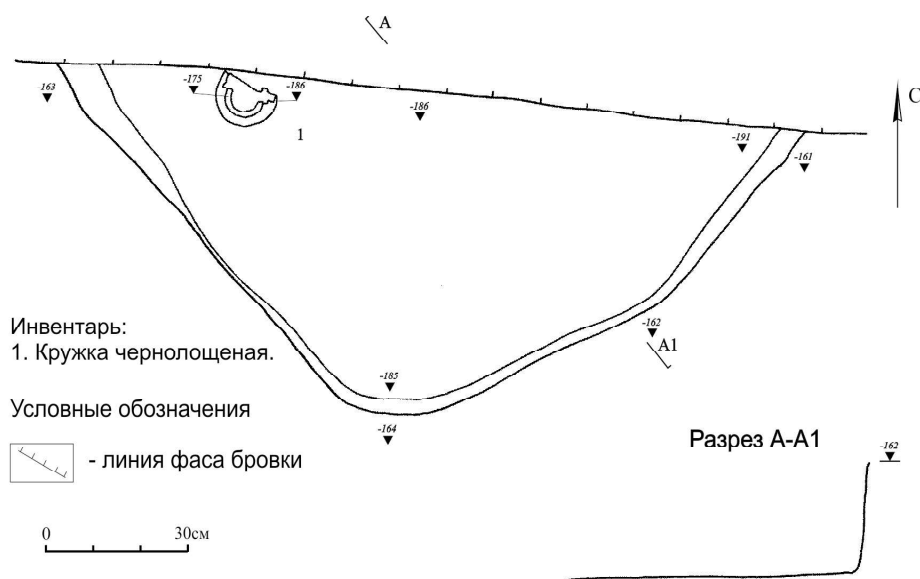

Рис. 4. Ритуальный комплекс 2. План. Разрез.

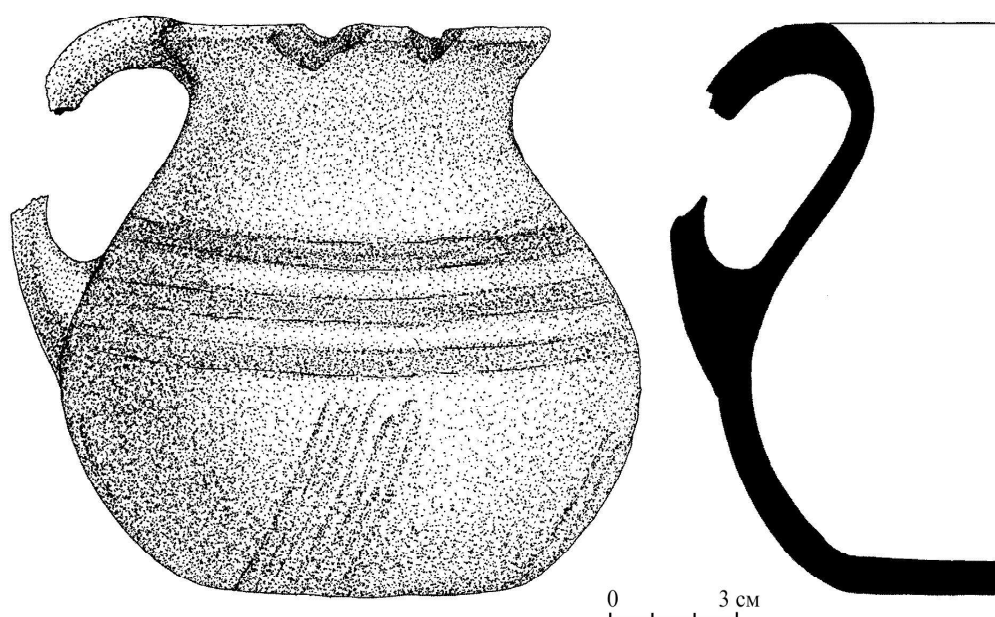

Рис. 5. Ритуальный комплекс 2. Находка 1. Кружка чернолощеная.

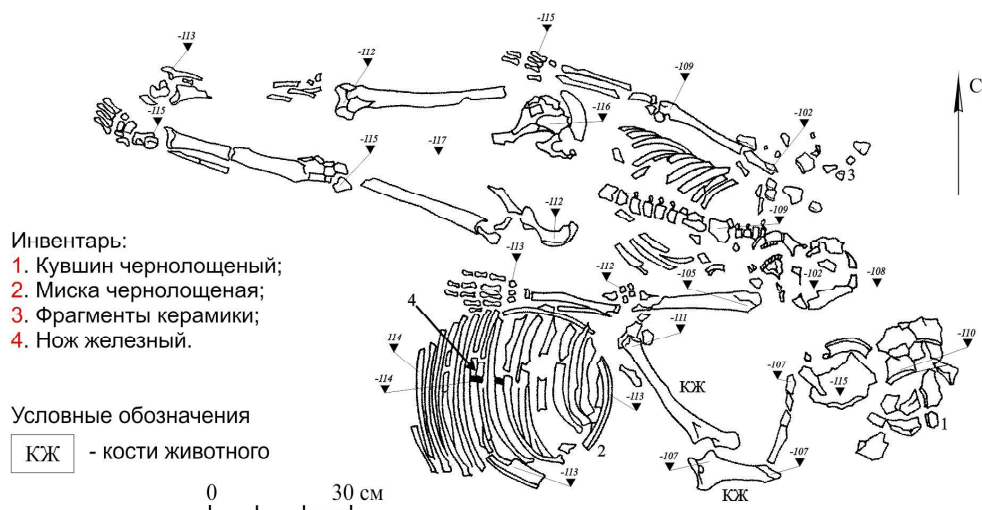

Рис. 6. Погребение 1. План.

Рис. 7. Погребение 1. Кувшин чернолощенный (находка 1).

Рис. 8. Погребение 1. Находки.

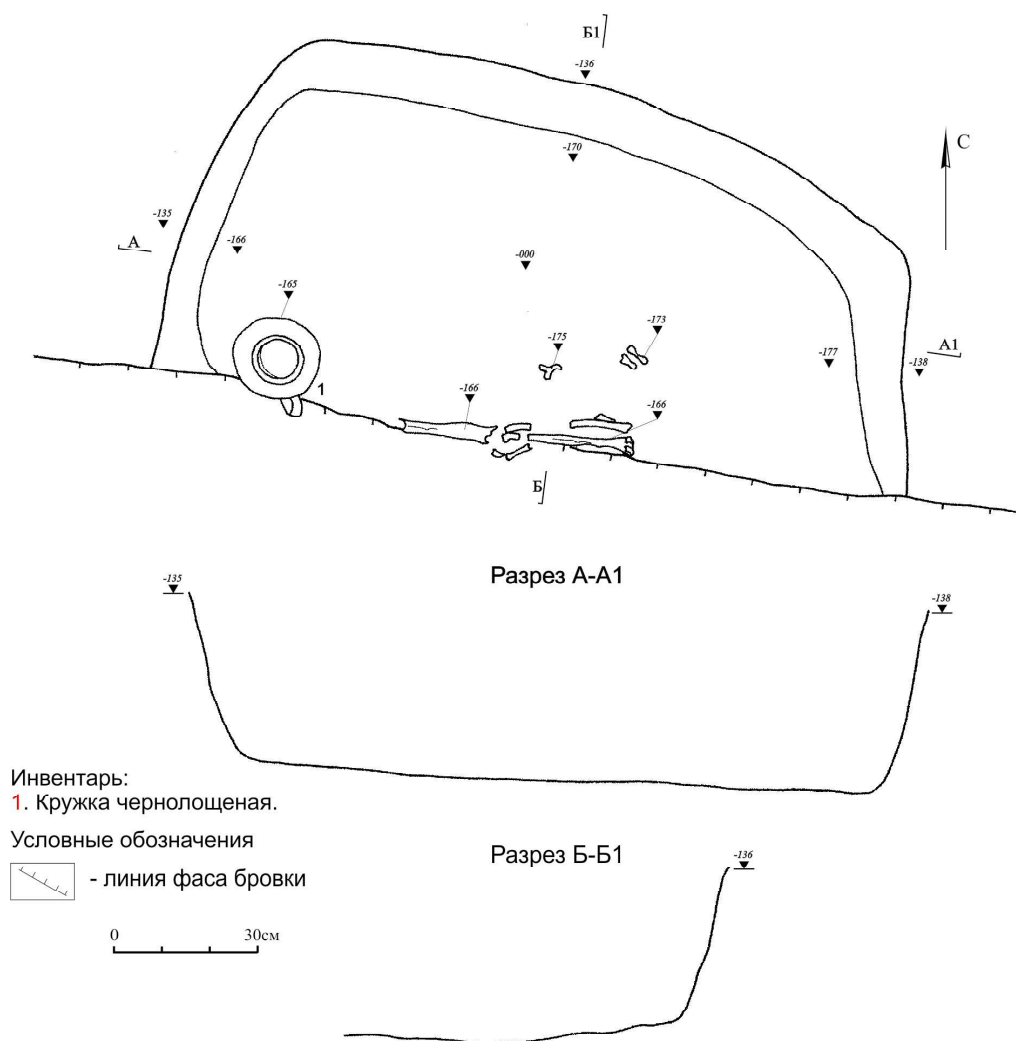

Рис. 9. Погребение 3. План. Разрез.

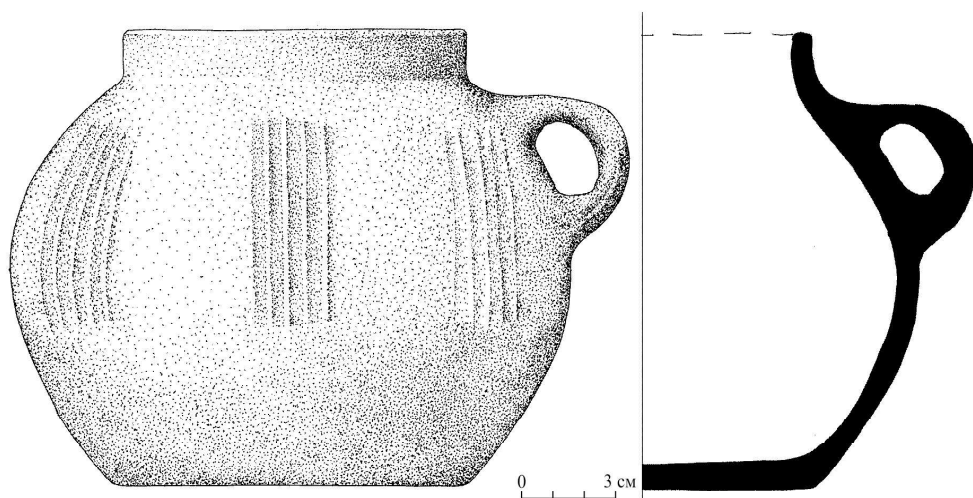

Рис. 10. Погребение 3. Находка 1. Кружка чернолощеная.

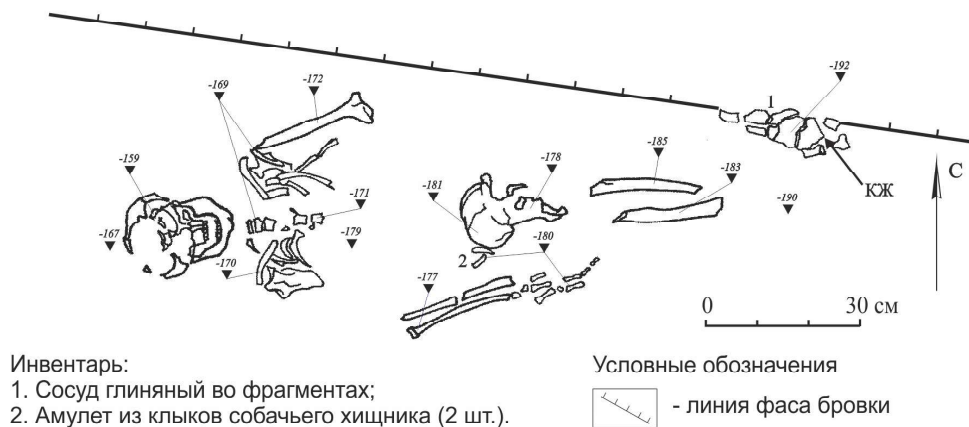

Рис. 11. Погребение 5. План.

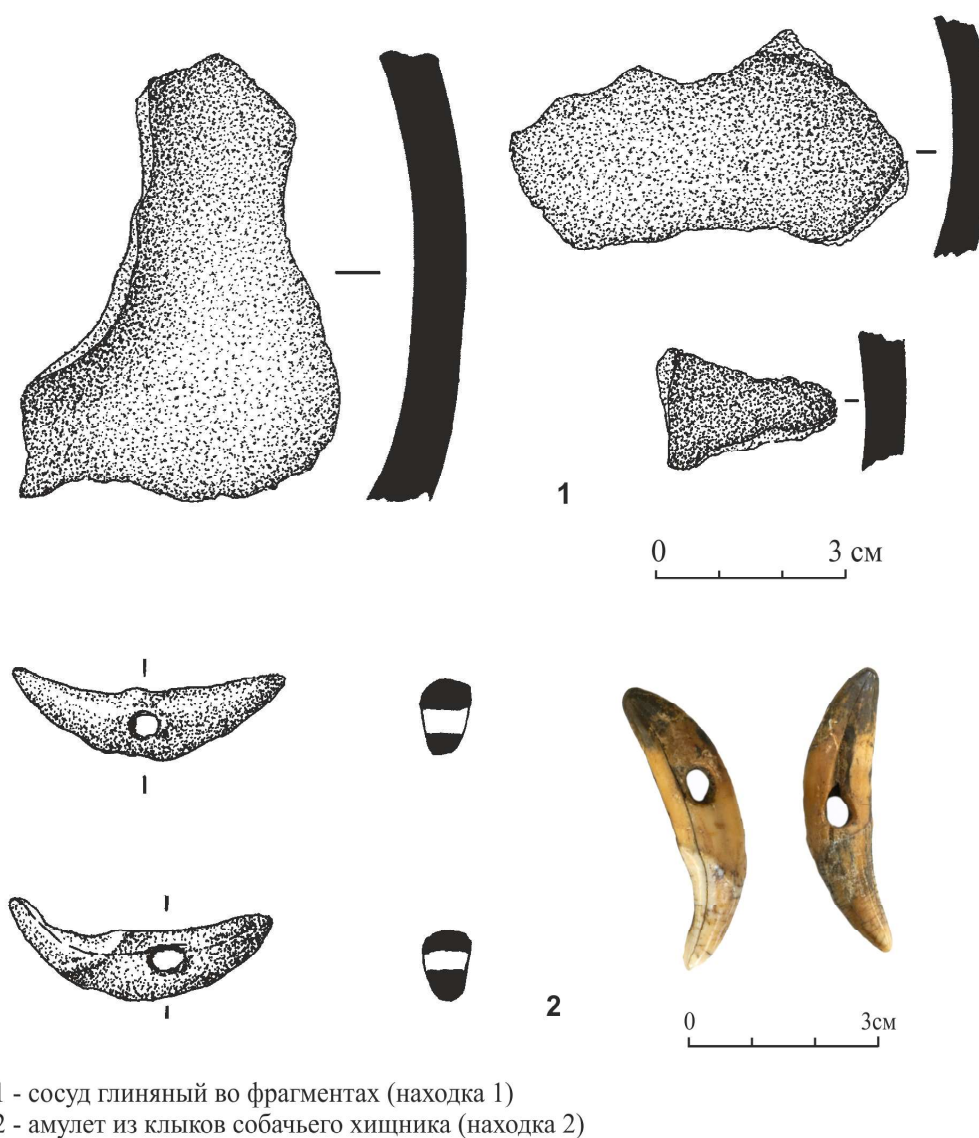

Рис. 12. Погребение 5. Находки.

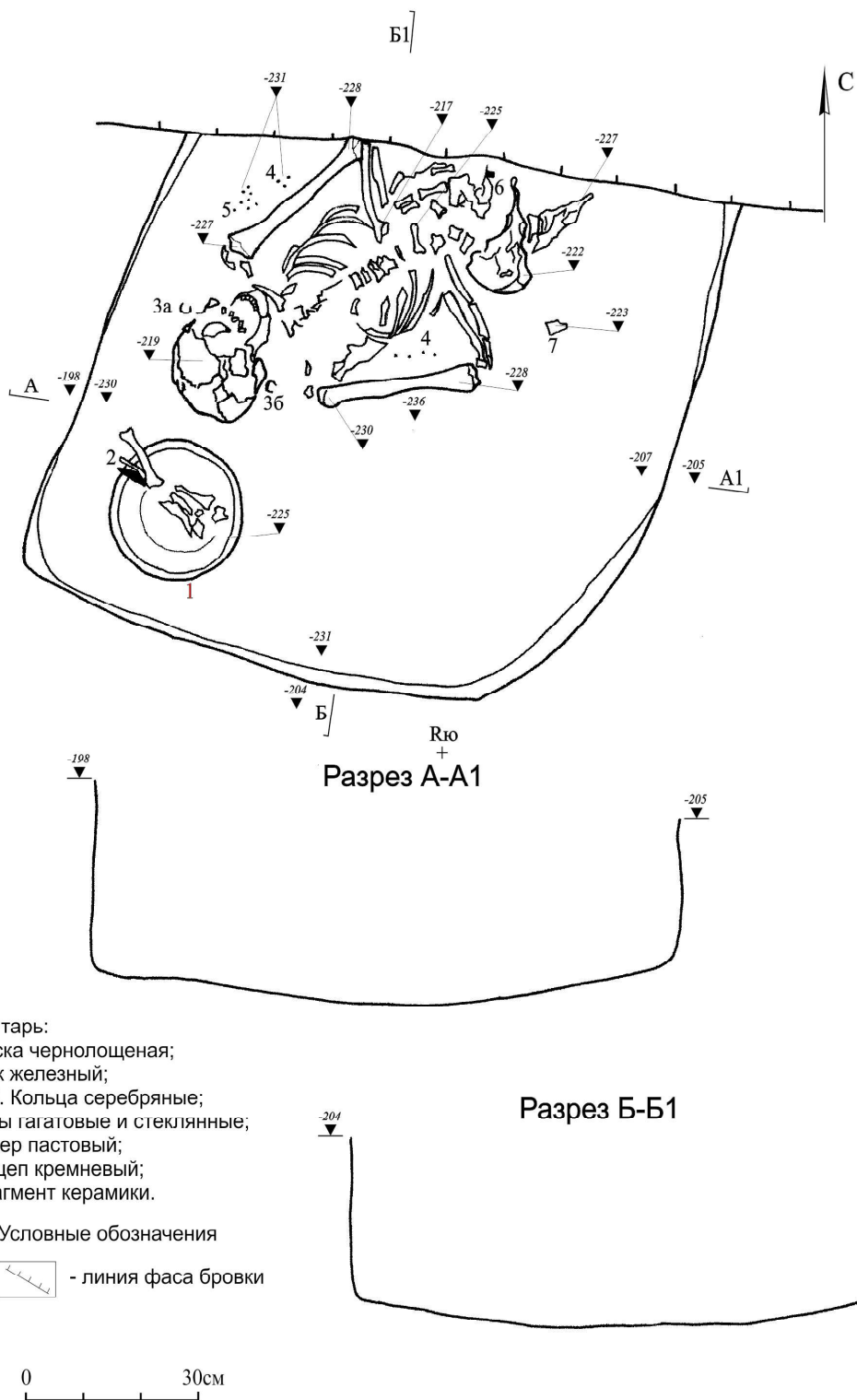

Рис. 13. Погребение 6. План. Разрезы.

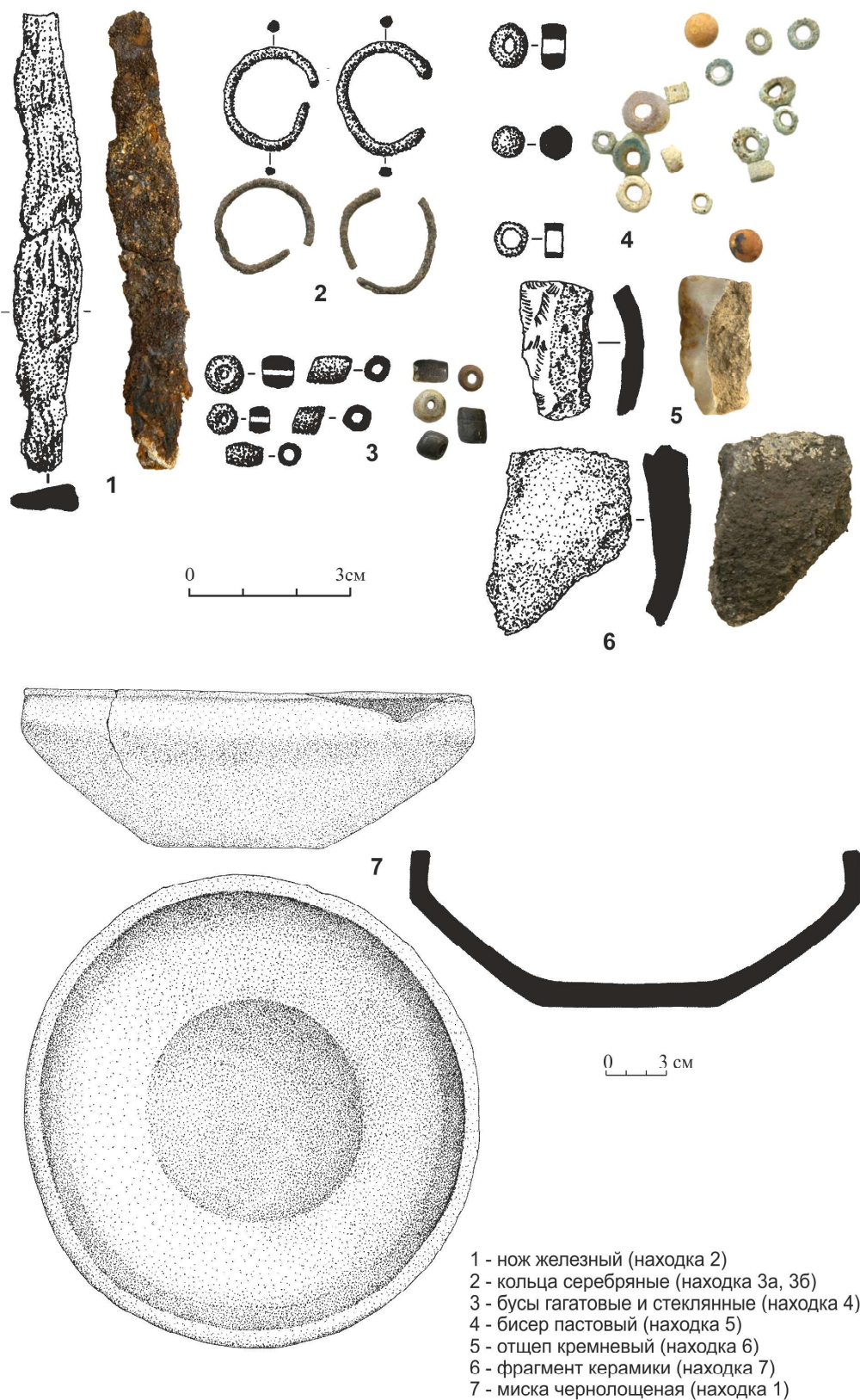

Рис. 14. Погребение 6. Находки.

Источники и литература

1. *Абрамова М.П.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик: Эльбрус, 1972. 76 с.
2. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья, / отв. ред. Г.Е. Афанасьев, Ф. Дайм при участии Д. Кидда. М.: Наука, 1993. Вып. 2. 240 с.
3. *Березин Я.Б.* Сарматские погребения курганного могильника «Птичье – 3» (раскопки ГУП «Наследие») // Археологическое наследие: материалы и интерпретации. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2021. С. 42–78.
4. *Березин Я.Б.* Сарматские погребения с территории Пятигорья (по материалам раскопок ГУП «Наследие») // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: Центр археологических исследований АГПУ, 2007. Вып. 8. С. 67–99.
5. *Бурков С.Б., Прокопенко Ю.А.* Подкурганные погребения раннего железного века – эпохи средневековья с территории предгорной Чечни. Ставрополь: Орион, 2008. 382 с.
6. *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Труды ЧИНИИ. Грозный: ЧИНИИ, 1963. Т. VI. 221 с.
7. *Доклад о действиях* Императорской археологической комиссии в 1888 г. // Отчет Императорской археологической комиссии за 1882–1888 годы. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1891. С. ССП–СССХХХIV.
8. *Керефов Б.М.* Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. / отв. ред. В.И. Марковин. Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 2. С. 135–259.
9. *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. В 2–5. М.: ИА РАН, 1998. 199 с.
10. *Лычагин А.В.* Отчет об охранных раскопках на территории Ставропольского края в 2007 году. Ставрополь, 2008 // Архив ИА РАН, Р-1, № 29279, № 29280.
11. *Малашев В.Ю.* Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН, 2001. 149 с.
12. *Халаева К.Д.* Культ волка у предков чеченцев и ингушей и его изживание // Археология и вопросы атеизма / отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: Изд-во ЧИГУ, 1977. С. 51–53.

Список сокращений

АГПУ – Армавирский государственный педагогический институт.
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
КБИГИ – Кабардино-Балкарский Институт гуманитарных исследований.
САИ – Свод археологических источников.
СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова.
ЧИГУ – Чечено-Ингушский государственный университет имени Л.Н. Толстого.
ЧИНИИ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт при Совете министров ЧИ АССР.

SARMATIAN BURIALS OF THE KURGAN BURIAL GROUND PHAZANNY – 1 IN STAVROPOL REGION

Berezin Yakov Borisovich, Research Fellow at the Lomonosov Moscow State University, Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, yakov_berezin@mail.ru

Lychagin Arseniy Vladimirovich, Leading Research Fellow at «НИИ «Sevkavarcheologia», Ltd. PhD in History, expert.culture@mail.ru

The article is devoted to the publication of a group of Sarmathian burials discovered in 2007 by an archaeological expedition of the State Unitary Enterprise «Nasledie» (Stavropol) in mound number 3 of the burial mound «Fazanny – 1». The deceased were buried stretched out on their backs, in simple ground pits with prevail of the latitudinal orientation. The inventory

includes ceramic dishes, knives, small glass and metal decorations. Burials date back to the 2nd century. BC. – the 1st century AD. The burials are chronologically close, united by a homogeneous burial rite, and possibly represent a related group. They are associated with the culture of the Sarmathian tribes, presumably, of the Sirak union, which controlled the steppe Ciscaucasia during this period.

Keywords: Stavropol district, Zolka river, Kuma river, mound, burial, ritual complex, Sarmathian epoch, Siraks.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-7-22

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1946–1968 гг.)

Тубаев Мухамед Асланович, аспирант Научно-образовательного центра Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», mithunchik9@gmail.com

В статье рассмотрен один из крупных и важных периодов истории археологических исследований на территории Кабардино-Балкарии с середины 40-х по конец 60-х гг. XX в. Охарактеризованы обстоятельства послевоенного возобновления археологических работ и персоналии, активно участвовавшие в становлении региональной археологической науки. В настоящем исследовании говорится о практике подготовки местных специалистов-археологов. Названы основные археологические экспедиции и исследования рассматриваемого периода, охарактеризованы их цели и результаты. Актуальность нашей статьи заключается в том, что история археологического изучения Кабардино-Балкарской Республики и послевоенный этап становления кавказоведения являются важными, сложными и одними из недостаточно разработанных разделов отечественной исторической науки. Автором установлена типологическая характеристика большинства археологических работ, как преимущественно разведочных. Также был выявлен факт того, что цели и задачи послевоенных экспедиций были направлены на формирование научно обоснованной древней и средневековой истории Северного Кавказа и его регионов.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кабардино-Балкария, 40–60-е гг. XX в., история археологического изучения, археологические экспедиции, разведки, раскопки, Е.И. Крупнов, П.Г. Акритас, И.М. Чеченов.

В период Великой Отечественной войны полевые археологические работы в Кабардино-Балкарии, как и в большинстве регионов европейской части СССР, по объективным причинам прекратились. Но, несмотря на это, в стране были сохранены основные исследовательские центры.

Характерной чертой организации и проведения археологических экспедиций на Северном Кавказе в послевоенное время является соединение усилий различных организаций. Так, в 1946 г. Государственный исторический музей (далее ГИМ) совместно с рядом научных учреждений и музеев возобновил регулярные полевые археологические исследования на территории большей части Предкавказья под руководством Е.И. Крупнова.

Евгений Игнатьевич Крупнов (1904–1970) – выдающийся советский археолог, в период с 1946 по 1949 гг. был заведующим сектором археологии Кабардинского НИИ. Евгений Игнатьевич сыграл значительную роль в организации полевых исследовательских работ на территории республики. Обладая «мощным научно-организаторским и научно-педагогическим талантами» [Фоменко В.А. 2018: 146], Е.И. Крупнов, с послевоенных лет и до конца своей жизни фактически возглавлял северокавказскую археологию. Он опубликовал несколько монографий и большое количество статей, посвященных различным аспектам археологии, древней и средневековой истории Центрального и Северо-Восточного Кавказа.

Результатом его полевых исследований в Кабардино-Балкарии явилась монография, полностью посвященная истории республики [Крупнов Е.И. 1957]. Также в числе несомненных заслуг Е.И. Крупнова следует упомянуть создание в 50–60-х гг. «московской школы археологического кавказоведения» [Багаев М.Х. 2012: 182]. После Е.И. Крупнова, должность заведующего сектором археологии Кабардино-Балкарского НИИ (далее КБНИИ) занимали: кандидат исторических наук Акритас Панаит Георгиевич (1954–1960 гг.) и кандидат исторических наук Ионе Гавриил Иосифович (1961–1964 гг.)

Следует отметить, что КБНИИ не был единственной организацией в республике, проводившей археологические работы. Так, Кабардино-Балкарский педагогический институт, получивший в 1957 г. статус университета, явился «кузницей» новых кадров историков и археологов. Преподававшие здесь археологи К.Э. Гриневич, В.И. Горемыкина, Г.И. Ионе и другие внесли большой вклад в профессиональную подготовку местных специалистов. Историческое образование в КБГУ получили И.М. Чеченов, И.М. Мизиев, Р.Ж. Бетров, В.М. Батчаев, А.Х. Нагоев, Б.М. Керевф и другие исследователи [Муратова Е.Г. 2017: 180–184].

Первые послевоенные археологические работы на территории Кабардино-Балкарии были организованы в 1946 г. Так, в этом году П.Г. Акритас исследовал курган с двумя каменными ящиками, разрушенный при проведении дороги у моста через реку Малку [Акритас П.Г. 1947: 311, 312. Рис. 5]. В селении Сармаково Зольского района им же было осмотрено городище на правом берегу Малки, в 1 км восточнее села. Памятник располагался на высоком обособленном холме – части древней речной надпойменной террасы. Площадь холма составляла примерно 30 на 83 м. У местного населения городище имеет название «Инжиха», т.е. могила великана. В 1949 г. данный памятник посетила экспедиция во главе с археологами К.Э. Гриневичем и О.В. Милорадович [Гриневич К.Э. 1949: 22–24, Рис. 52–56а].

В селении Каменномоетском (бывшем Кармово) П.Г. Акритас в 1946 г. исследовал могильник на мысу у слияния рек Малки и Кич-Малки. Восточнее древнего кладбища было расположено городище. Могильное поле занимало площадь более 2000 кв. м. Этот памятник интенсивно разрушался на протяжении десятков лет. Однако, благодаря систематическим исследованиям, начавшимся с 1946 г., к настоящему времени получены материалы более 35 погребений IX–VI вв. до н.э.

В 1947 г. на территории республики работала Северо-Кавказская археологическая экспедиция ГИМ под руководством Е.И. Крупнова. Были исследованы курганные могильники у Старого Лескена и Герменчика, а также проведены работы на городище Нижний Джулат [Крупнов Е.И. 1947].

Северо-Кавказская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры имени Н.Я. Марра (далее ИИМК), возглавляемая Е.И. Крупновым, в 1948 г. работала на памятниках Майского, Терского, Урожайненского, Лескенского и Нагорного районов. Были исследованы курганные группы у селений Верхний и Нижний Акбаш, а также курганы у Старого Уруха. Проводились работы на грунтовом могильнике в урочище Закуты у селения Советское (ныне Кашхатау). В селении Каменномоетском изучались каменные ящики. В этой довольно крупной экспедиции, посетившей территории нескольких северокавказских регионов, приняли участие: ГИМ, Кабардинский НИИ, Грозненский областной институт и Грозненский областной музей краеведения [Крупнов Е.И. 1948].

В 1949 году в селении Залукокоже Зольского района К.Э. Гриневичем были заложены шурфы на древнем поселении (под «аланским» слоем городища «Черная гора»), на левом берегу р. Золка, на восточной окраине селения. Поселение расположено на овально-вытянутом холме размером 85х50 м и высотой 10 м [Гриневич К.Э. 1949: 12–14. Рис. 8а] (Рис. 1). В 1949 г. Константином Эдуардовичем на этом памятнике были заложены разведочная траншея 5х1 м в восточной части холма и раскоп 5х5 м в его центре [Гриневич К.Э. 1949: 12–14, Рис. 86, 10].

Рис. 1. Древнее поселение «Черная гора» на окраине Залукокоаже. Снимок 2015 г.

Кабардинская археологическая экспедиция КНИИ истории, языка и литературы, во главе с К.Э. Гриневичем, в том же 1949 г. обследовала городище на левом берегу реки Баксан, на естественной возвышенности над селением Верхний Баксан [Гриневич К.Э. 1949: 46–47, Рис. 107], а также городище в 2 км северо-восточнее поселка Былым, на высоком взгорье [Гриневич К.Э. 1949: 46–47, Рис. 108, 1–3], по всей видимости, зафиксированное в 30-е годы Б.Е. Деген-Ковалевским под названием «Гацар-кала» [Деген-Ковалевский Б.Е. 1935: 11–28]. Более или менее масштабные раскопки на данных памятниках не проводились.

В 4–5 км восточнее селения Гунделен (левый берег одноименной реки на левой стороне долины Баксана) было обнаружено городище, расположенное на остром горном выступе между двумя ущельями. На ровной площадке отвесной скалы размером 222х70 м зафиксированы остатки валов, повторяющих конфигурацию рва, защищавшего городище с севера. В 1934 г. памятник обследовался А.А. Иессеном [Иессен А.А. 1941: 228, Рис. 60, 56, карта], в 1949 г. экспедицией Кабардино-Балкарского пединститута (К.Э. Гриневич) снят глазомерный план и собраны обломки посуды [Гриневич К.Э. 1949: 45–46, 142, Рис. 104. Л. 143, Рис. 105]. В 1954 г. П.Г. Акритас произвел на городище разведочные работы [Акритас П.Г. 1954].

В 1949 г. О.В. Милорадович и К.Э. Гриневичем напротив селения Заюково Баксанского района, на правом берегу реки Баксан, выявлено и частично или полностью исследовано несколько памятников. Так при раскопках кургана № 1 (VII–VI вв. до н.э.) было обнаружено Заюковское 1 селище [Чеченов И.М. 1969: 25–26], были собраны дополнительные материалы [Гриневич К.Э. 1949: 46] по городищу 1 площадью 35х40х50 м, впервые исследованном в 1934 г. А.А. Иессеном [Иессен А.А. 1941: 221], раскопаны 1 курган и 2 могилы под каменными выкладками могильника 1, расположенного на овальной возвышенности в урочище Мышаго, близ городища 1 [Гриневич К.Э. 1949: 48, 54, 57–58, Рис. 138–139]. Данный могильник впервые был исследован в 1888 г. В.И. Долбежевым [Отчет Императорской археологической комиссии 1891: ССХС].

Также стоит упомянуть два городища, исследованных в 1949 г. К.Э. Гриневичем и О.В. Милорадович у селения Куба Баксанского района. Городище I располагалось на правом берегу реки Малка. Городище II находилось на самом краю правого берега реки Малки, напротив станицы Марьинской. Памятник занимал небольшой холм размером 60х10 м восточнее селения [Гриневич К.Э. 1949].

Далее, судя по сохранившимся архивным материалам тех лет, наблюдается некоторый пробел, свидетельствующий о том, что более или менее значительных археологических исследований в период с 1949 по 1954 гг. на территории республики не проводилось. Позже работа археологических экспедиций возобновляется.

Так, в 1954 году археологическая экспедиция Кабардинского НИИ, Института этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН), ИИМК АН СССР и Нальчикского краеведческого

музея совершила ряд разведочных и раскопочных работ на территории Эльбрусского, Урванского, Нагорного, Лескенского районов (у селений Заюково, Чегем II, Докшукино, Каменноостское, Урвань, Урух, Аушигер) [Акритас П.Г. 1954].

Следует также сказать о раскопках археологическими экспедициями Кабардинского (Кабардино-Балкарского) НИИ мезолитической стоянки в гроте Сосруко в Баксанском районе в 1955 г. [Замятнин С.Н., Акритас П.Г. 1955] и 1958 г. [Акритас П.Г. 1958].

К 1958 году относится экспедиция Кабардино-Балкарского государственного университета, совершившая разведочные работы у селений Светловодское, Дейское и Кызбурун I [Горемыкина В.И. 1958].

Довольно крупную экспедицию в Чегемском ущелье организовали Кабардино-Балкарский НИИ и Институт археологии АН СССР в 1959 г. [Акритас П.Г. 1959]. Параллельно с ней, шла экспедиция Кабардино-Балкарского государственного университета (далее КБГУ) в Терском и Лескенском районах – у селений Терек и Аргудан [Горемыкина В.И. 1959]. Приблизительно в то же время отряд археологической экспедиции Кабардино-Балкарского НИИ произвел разведочные работы по изучению каменных ящиков в Верхней Балкарии [Кузнецов В.А. 1959].

Исследования в Чегемском ущелье в 1960 г. были продолжены археологической экспедицией КБНИИ [Акритас П.Г. 1960] (Рис. 2).

Рис. 2. Раскопки в Чегемском ущелье. 1960 г. Фото размещено на сайте, посвященном археологу И.М. Мизиеву [miziev.ru] (дата обращения 5.03.2021).

Отдельно стоит отметить довольно масштабную экспедицию КБГУ 1960 года в Зольском районе под руководством В.И. Горемыкиной, в ходе которой были произведены следующие работы. Был собран подъемный материал на древнем селище «Желтые кручи» на левом берегу р. Четвертая Золка, в 1 км юго-западнее селения Лесгор [Горемыкина В.И. 1960: 6, Рис. 10–12]. Ранее этот памятник обследовался А.А. Иессеном [Иессен А.А. 1941: 13, Рис. 13]. Осмотрено городище на правом берегу р. Большая Золка близ места слияния ее с Малой Золкой, юго-восточнее селения Шардаково [Горемыкина В.И. 1960: 18–20] (в 1949 г. этот объект был обследован К.Э. Гриневичем [Гриневич К.Э. 1949: 12, 83, Рис. 7а]). Открыто и осмотрено древнее селище на возвышенном месте на левом берегу р. Большая Золка, западнее селения Шардаково [Горемыкина В.И. 1960: 20, 21, Рис. 45–48]. Было обследовано древнее селище на правом берегу р. Четвертая Золка, напротив селения Светловодское [Горемыкина В.И. 1960: 2–5, Рис. 3–9]. Участниками

экспедиции было осмотрено древнее селище на левом берегу р. Мокрая Золка, на юго-восточной окраине селения Псынадаха [Горемыкина В.И. 1960: 25, 26, Рис. 63–65]. Также были осмотрены городище «Святая гора» на левом берегу р. Гнилушки (приток Мокрой Золки), в 3 км юго-западнее селения Зольское [Горемыкина В.И. 1960: 23–25, Рис. 58–62] и расположенное неподалеку древнее поселение [Горемыкина В.И. 1960: 22, 21, Рис. 50], ранее открытое А.А. Иессеном [Иессен А.А. 1941].

Следует кратко остановиться на личности В.И. Горемыкиной, в течение четырех лет (1957–1961 гг.), работавшей в Кабардино-Балкарии, и, внесшей весомый вклад в развитие местной археологии.

Вера Ивановна родилась в 1920 г. в семье крестьянина Ярославской области. В 1945 г. поступила в Ярославский пединститут. Далее там же окончила аспирантуру. Участвовала в археологических экспедициях на Таманском полуострове. После защиты кандидатской диссертации работала преподавателем истории в белорусских вузах. В 1957 г. Вера Ивановна была принята в КБГУ старшим преподавателем кафедры всеобщей истории. Во время своего «нальчикского периода» биографии [Муратова Е.Г., Ортанова Ю.А. 2020: 147] Вера Ивановна, помимо преподавания и профессиональной подготовки студентов в области археологии, активно участвовала в экспедиционной деятельности и составлении археологической карты республики.

Кроме этого, в ходе археологических разведок и раскопок под руководством Веры Ивановны проводилась полевая практика студентов-историков КБГУ, на первое место ставилось непременно соединение теоретических знаний с формированием практических исследовательских навыков у обучающихся. По результатам археологических экспедиций КБГУ были написаны и первые студенческие статьи [Ступников Р.Н. 1961: 17–22].

В 1962 г. В.И. Горемыкина переходит на работу на кафедру всеобщей истории Минского государственного пединститута (ныне – Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка).

К числу значимых археологических исследований 1960 года также следует отнести раскопки грота Кала-Тюбю, поселения Лыгит, средневекового водопровода, храма и грунтовых могильников в районе селения Верхний Чегем, произведенные Г.И. Ионе силами второго отряда Чегемской археологической экспедиции КБНИИ [Ионе Г.И. 1960].

В 1961 г. археологическая экспедиция КБНИИ продолжила раскопки памятников у селения Верхний Чегем, произвела разведочные работы на городище на правом берегу р. Этока, в 2 км южнее одноименного селения (район южного берега озера Тамбукан) [Ионе Г.И., Акритас П.Г. 1961]. Ранее Этокское городище было обследовано К.Э. Гриневичем, О.В. Милорадович (1949 г.) [Гриневич К.Э. 1949: Рис. 11, 66] и В.И. Горемыкиной (1960) [Горемыкина В.И. 1960: 18, Рис. 23–37а].

В 1962 г. КБГУ организует разведочную экспедицию в Эльбрусский район республики под руководством Н.А. Шафиева [Шафиев Н.А. 1962], результатом которой явились крупные раскопки, проводившиеся на памятниках у селения Заюково в следующем году [Шафиев Н.А. 1963: 29]. Также под руководством Н.А. Шафиева в 1964 г. экспедиция университета провела раскопки 23 курганов Староурухского могильника в Лескенском районе [Шафиев Н.А. 1964: 24].

С рубежа 50–60-х гг. XX столетия в Кабардино-Балкарии прослеживается «эпоха экспедиций». Эти полевые исследования были организованы КБНИИ. В 1963 г. Г.И. Ионе проводит разведки и раскопки в Зольском и Терском районах (у селений Камлюко, Хамидие, а также на городище Нижний Джулат) [Ионе Г.И. 1963].

В 1965 г. И.М. Мизиев проводил разведки в Эльбрусском, Урванском, Черекском и Чегемском районах (с. Былым, Ташлы-Тала, Верхняя Балкария, Безенги,

Верхний Чегем, Булунгу, аул Шканти, Мухол, Хулам, Усхур) [Мизиев И.М. 1965: 45]. В том же году в Терском и Урванском районах в с. Хамидие, Терекское, Старый Лескен, Аргудан, Урвань проводит разведки и раскопки И.М. Чеченов [Чеченов И.М. 1969].

В 1966 г. Кабардино-Балкарский НИИ совместно с ГИМ организует раскопки на городище Нижний Джулат в Терском районе [Чеченов И.М., Абрамова М.П. 1966]. На следующий год экспедиция ГИМ проводит работы на Нижне-Джулатском могильнике [Абрамова М. П. 1967], а археологи КБНИИ исследуют «посад» названного выше городища [Чеченов И. М. 1967].

В отличие от довоенного периода, характерной чертой археологических исследований второй половины 40-х – начала 60-х гг., было то, что работы велись, главным образом, местными археологами под руководством таких именитых и известных ученых, как Е.И. Крупнов, Г.И. Ионе, П.Г. Акритас, К.Э. Гриневич, В.И. Горемыкина. А с 60-х гг., благодаря подготовке соответствующих кадров в КБГУ, экспедиции начинают возглавлять местные историки-археологи. Была достигнута значительная устойчивость в работе сектора археологии Кабардино-Балкарского НИИ. В дальнейшем под руководством, возглавившего в середине 60-х гг. сектор КБНИИ, И.М. Чеченова, а также таких высококвалифицированных археологов, как Р.Ж. Бетров, Б.М. Кереев, А.Х. Нагоев, И.М. Мизиев, В.М. Батчаев, проводятся масштабные археологические работы на новостройках.

Археологические экспедиции второй половины 40-х – начала 60-х гг. на территории Кабардино-Балкарии носили, в основном, разведочный характер. Целью большинства экспедиций исследуемого периода была подготовка к написанию научно обоснованной древней и средневековой истории региона, накопление и введение в научный оборот археологического материала. Этот факт нашел отражение и в публикациях того времени, когда можно проследить переход от эмпирического характера исследований к теоретическим обобщениям имеющегося материала, составлению детальной археологической карты и первого свода археологических источников региона.

Источники и литература

1. *Абрамова М.П.* Отчет о раскопках Нижне-Джулатского могильника в 1967 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 3508. 32 л. № 3508а – альбом иллюстраций к отчету, 15 л.
2. *Акритас П.Г.* Археологическая разведка в Кабарде в 1946 году // Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1947. С. 301–318.
3. *Акритас П.Г.* Отчет об археологической работе в Кабарде в 1954 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 981. 79 л.
4. *Акритас П.Г.* Краткий предварительный отчет об археологических раскопках в гроте Сосруко в Баксанском ущелье Кабардино-Балкарской АССР в 1958 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 1702. 8 л.
5. *Акритас П.Г.* Отчет об археологическом исследовании Чегемского ущелья Кабардино-Балкарской АССР в 1959 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 1883. 65 л. Альбомы иллюстраций к отчету: № 1883а – 20 л.; 1883б – 20 л.
6. *Акритас П.Г.* Отчет об археологической экспедиции КБНИИ в Чегемском ущелье летом 1960 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2109. 65 л. Альбомы иллюстраций к отчету: № 2109а – 34 л.; № 2109б – 36 л.; № 2109в – 29 л.
7. *Багаев М.Х.* Древняя и средневековая Чечня в исследованиях археологов-кавказоведов. Хрестоматия. Грозный, 2012. 192 с.
8. *Горемыкина В.И.* Отчет об археологических разведках экспедиции КБГУ на территории Кабардино-Балкарской АССР в 1958 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 1707. 18 л. № 1707а – альбом иллюстраций к отчету, 14 л.

9. Горемыкина В.И. Отчет об археологических работах в 1959 г. на территории Кабардино-Балкарской АССР // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 1873. 42 л. № 1873а – альбом иллюстраций к отчету, 20 л.
10. Горемыкина В.И. Отчет о работе археологической экспедиции Кабардино-Балкарского государственного университета в 1960 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2045. 31 л. № 2045а – альбом иллюстраций к отчету, 22 л.
11. Гриневич К.Э. Отчет об археологических работах 1949 года // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 350. 176 л.
12. Деген-Ковалевский Б.Е. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции: отчет о работах // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 110. С. 53–64.
13. Замятнин С.Н., Акритас П.Г. Раскопки грота Сосруко в 1955 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 1375. 39 л.
14. Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л., 1941. № 3. С. 7–50.
15. Ионе Г.И. Археологические раскопки в 1960 г. в районе села Верхнего Чегема // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2108. 65 л. Альбомы иллюстраций к отчету: № 2108а – 33 л.; № 2108б – 39 л.
16. Ионе Г.И., Акритас П.Г. Отчет об археологических раскопках Кабардино-Балкарского НИИ в 1961 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2306. 88 л. Альбомы иллюстраций к отчету: № 2306а – 38 л.; № 2306б – 37 л.; № 2306в – 40 л.
17. Ионе Г.И. Отчет о полевых археологических работах сектора археологии Кабардино-Балкарского Научно-исследовательского института в 1963 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 3395. 78 л.
18. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 176 с.
19. Крупнов Е.И. Отчет Северо-Кавказской экспедиции 1947 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 163. 149 л. № 164 – альбом иллюстраций к отчету, 28 л.
20. Крупнов Е.И. Полный научный отчет о результатах Северо-Кавказской археологической экспедиции 1948 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 280. 134 л. 18 черт. б.ф. №№ 284, 285 – альбомы иллюстраций к отчету, 50 и 28 л.
21. Кузнецов В.А. Археологические разведки в Балкарии и Кисловодске. Отчет о работе разведочного отряда археологической экспедиции Кабардино-Балкарского НИИ в 1959 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2007. 42 л. № 2007а – альбом иллюстраций к отчету, 20 л.
22. Мизиев И.М. Отчет археологической экспедиции Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института в 1965 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 3127. 45 л. № 3127а – альбом иллюстраций к отчету, 43 л.
23. Муратова Е.Г. У истоков подготовки археологов в Кабардино-Балкарском государственном университете // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии. Чебоксары, 2017. Т. 1. С. 180–184.
24. Муратова Е.Г., Ортанова Ю.А. Советские историки «второго плана»: случай Веры Ивановны Горемыкиной // Кавказология. Нальчик: КБГУ, 2020. № 3. С. 140–153. DOI: 10.31143/2542-212X-2020-3-140-153.
25. Отчет Императорской археологической комиссии за 1882–1888 гг. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1891. CCCXXXIV + 133 с.
26. Ступников Р.Н. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Зольского района и Пятигорья // Сборник студенческих научных работ Кабардино-Балкарского государственного университета. Нальчик, 1961. Вып. 2. С. 17–22.
27. Фоменко В.А. Об актуальных проблемах изучения и сохранения археологического наследия в Кабардино-Балкарии // Кавказология. Нальчик: КБГУ, 2018. № 4. С. 145–160. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-145-160.
28. Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. 150 с.
29. Чеченов И.М. Отчет о раскопках городища Нижний Джулат в 1967 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 3461. 80 л. № 3461а – альбом иллюстраций к отчету, 29 л.
30. Чеченов И.М. Отчет об археологической работе на поселениях Кабардино-Балкарской АССР в 1965 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 3129. 45 л. № 3129а – альбом иллюстраций к отчету, 38 л.

31. Чеченов И.М., Абрамова М.П. Отчет об археологических раскопках городища Нижний Джулат в 1966 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 3280. 106 л. № 3280а – альбом иллюстраций к отчету, 46 л.

32. Шафиев Н.А. Отчет археологической экспедиции КБГУ 1962 г., проведенной в Эльбрусском районе Кабардино-Балкарской АССР // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2475. 52 л.

33. Шафиев Н.А. Отчет археологической экспедиции Кабардино-Балкарского государственного университета за 1963 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2690. 29 л. № 2690а – альбом иллюстраций к отчету, 21 л.

34. Шафиев Н.А. Отчет археологической экспедиции Кабардино-Балкарского государственного университета за 1964 год // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2968. 24 л. № 2968а – альбом иллюстраций к отчету, 18 л.

RENEWAL AND DEVELOPMENT OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN KABARDINO-BALKARIA AFTER THE GREAT PATRIOTIC WAR (1946–1968)

Tubaev Muhamed Aslanovich, PhD student of Scientific and Educational Center of Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»», mithunchik9@gmail.com

The article examines one of the major and important periods in the history of archaeological research in the territory of Kabardino-Balkaria from the mid 40s to the end of the 60s. XX century. The circumstances of the post-war resumption of archaeological work and personalities who actively participated in the formation of regional archaeological science are characterized.

This study deals with the practice of training local archaeologists. The main archaeological expeditions and studies of the period under consideration are named, their goals and results are characterized.

The relevance of our article lies in the fact that the history of archaeological study of the Kabardino-Balkarian Republic and the post-war stage of the formation of Caucasian studies are important, complex and one of the most underdeveloped sections of Russian historical science.

During the research, the author established the typological characteristics of most of the archaeological research, as predominantly exploratory. The fact was also revealed that the goals and objectives of the post-war expeditions were aimed at the formation of a scientifically based ancient and medieval history of the North Caucasus and its regions.

Keywords: North Caucasus, Kabardino-Balkaria, 40–60s. XX century, history of archaeological research, archaeological expeditions, exploration, excavations, E.I. Krupnov, P.G. Akritas, I.M. Chechenov.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-23-30

УДК 811.35

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-31-36

АДЫГЭ ЛЕКСИКОГРАФИЕР ЗЭРЫЗЭФИЗУВАР (XVII лэщыгъуэ – XX лэщыгъуэм и япэ ыхьэ)

Афизунэ (Токъу) Анджелэ Анэтолэ ипхъу, филологие щыныгъэхэмкIэ кандидат, Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет щыныгъэ йуэхушIапIэ «Урысейм щыныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щыныгъэ центр» Федеральнэ щыныгъэ центрым» и филиалым и адыгэбзэ секторым и лэжыакIуэ, martazei@mail.ru

Лэжыгъэм шызэпкърыхаш 1688 гъэм шыщIэдзауэ 1949 гъэм нэс адыгэбзэм щыныгъэлIхэм, дунейплъэхэм хуагъэхъзыра псалъалъэхэр. Статъям дышчытопсэлъыхъ псалъалъэхэм ухуэкIэ яIам, псалъэ бжыгъэу кызызщIаубыдам, кыдэкIыгъуэ къэсыху ехьулIэныгъэрэ шыщIэныгъэу ядэтлэгъуахэм, ахэр бзэщIэныгъэм щхьэпэ зырыхуэхъуам. Псалъалъэ зэхэхуныгъэхэм я мурад нэхьыщхьэщ дяпэкIэ лексикографии кыдэкIыгъэхэр нэхри егъэфIэкIуэныр, ахэр дертыншэ хъуныр, псалъэу бзэм иIэр нэхъ шызу кызызщIэгъуыдэныр, абыхэм я мыхьэнэр нэхъ тэмэму зэхэхуныр, нэгъуэщIыбзэхэмкIи зэдзэкIыныр. Ди къэхутэныгъэр шыхьэт тохъуэ нобэкIэ диIэ хъуа псалъалъэхэр адыгэ лексикографием лъагаплэщIэкIэ зиIэтынымкIэ лъабжъэ, тегъэщIапIэ быдэ зырыхуэхъунум.

Нэщэнэ нэхьыщхьэ дыдэу лэжыгъэм хэлъхэм ящыщ бзэщIэныгъэхэмкIэ доктор БищIо Б.Ч. адыгэбзэм хузэхилъхъа бзэщIэныгъэ фIэщыгъэщIэхэр кызырыщыдгъэсэбпар.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, грамматикэ, лексикографии, псалъалъэ, бзитI псалъалъэ.

Иджырей адыгэбзэ лексикографием зиужьащ, ехьулIэныгъэфIхэр зыIэригъэхьащ. Адыгэбзэм диIэ псалъалъэхэм я нэхьыфIхэр XX–XXI и пэ лэщыгъуэхэрщ дунейм кышчытехьар. Шэч хэмылъу, ахэр я ухуэкIэкIи, къалэн, мыхьэнэ ягъэзащIэкIи, псалъэ бжыгъэ кызызщIаубыдэкIи нэхъ зыхуей хуэгъэзащ. Ауэ апхуэдэ ефIэкIуэныгъэ абыхэм ягъуэтам лъабжъэ хуэхъуащ лексикографием и япэ лъэбакъуэхэр зыча щыныгъэлI цIэрыIуэхэм я IэдакъэщIэкIхэр.

Тхыдэм дриплъэжмэ, япэ дыдэу адыгэбзэм шыщу псалъы-128 1688–1689 гъэхэм нэмыщэ дохутыр Дрешер М. и псалъалъэм иритхауэ шыгтащ. КъышчынэмыщIауэ абы ихуащ осетиньыбзэ псалъэу 71, тыркубзэу 17, хъэрыпыбзэ псалъэхэр, абыхэм шыщу жылэгъуэ 23-р зэрыгъа хъэрфхэр, зыщыщ бзэр зэхэгъэкIыгъуейщ, икIи абы гугъу къещI укъеджэныр я мыхьэнэр кыбгурыIуэныр. Дрешер М. кыгъэсэбпахэр а зэманым нэхьыбэрэ къапсэлъу шыта жылэгъуэхэращ. А авторым и псалъалъэм XVII лэщыгъуэм адыгэбзэм фонетикэкIэ, лексикэкIэ, мыхьэнэкIэ иIа нэщэнэ зыбжанэр, япэм абыхэм яIа шытыкIэр хыболъагъуэж, апхуэдэ щIыкIэкIи бзэм зэрызыхъуэжа щIыкIэри пхузэфIогъуэуэж. Иужьым мы псалъалъэр Голландием шыщ щыныгъэлI Н. Витсен зэридзэкIри 1705 гъэм Амстердам кышчыдыгъэкIащ, «Северная и Восточная Татария» и лэжыгъэм и еIуанэ кыдэкIыгъуэм иту [Витсен 1705].

XVIII лэщыгъуэм и 70 гъэхэм адыгэбзэм елэжъащ Гюльденштедт И.А. Абы игъэхъэзыра псалъалъэр томитI хъууэ 1791 гъэм Паллас П.С. кыдыгъэкIащ.

Гульытэшхуэ хуэщыпхъэщ абы адыгэбзэм щыщу зэхуихъэса псалъэ 284-м. А материалхэр псори хыхъащ «Сравнительные словари всех языков и наречий» тхылъым (1787–1789) [Паллас 1789]. Абы кышыгыгъэлыгъуащ адыгэ псалъэу 500-м нэс. Псалъалъэр зэгъэзхуауэ, гъэбгъуауэ етIуанэу кышыдэкIыжаш Санкт-Петербург 1790–1791 гъэхэм. Гульденштедт И.А. кавказыбзыблым ятеухуауэ кыхъа материалхэм мыхъэнэшхуэ зэриIэм тетыхъащ академик Чикобавэ А.С. Ауэ абы кыттридзар урысыбзэ вариантырщ. Чикобавэ А.С. кызыэригъэлыгъуащи, инэхъыбэм егугъуу кыхъахэ псалъэуха убгъуа е псалъэуха зэхэлъ-зэгъусэхэр гурыIуэгъуэ щхъэхуэхэмрэ абы яхуэкIуэ лексикэмрэ кызыэщIуыбдэн хуэдэу зэхэгъуащ [Чикобава 1962]. Мыбыхэм къагъэлыгъуэ XVIII лIэщIыгъуэм и етIуанэ Iыхъэм фонетикэм, лексикэм, грамматикэм иIа щхъэхуэныгъэхэм бзэм и зыужыкIар джынымкIэ мыхъэнэшхуэ яIэр.

XIX лIэщIыгъуэм и пэщIэдзэхэм Клапорт Г.Ю. кавказыбзэхэр джыным жыджэру пещэ икIи Кавказ Ищхъэрэм и нэгү щыщIэкIахэр томитI хьууэ кыдегъэкI «Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах» (1812–1814) псалъащхъэ иIэу. Лэжыгъэр зэдзэкIауэ 2008 гъэм Налшык кышыдыгъэкIащ Мэлбахъуэ Къэралбий [Клапорт 2008]. Гульденштедт И.А. и лэжыгъэмрэ Клапрот Г.Ю. нэмыцэбзэкIэ кыдыгъэкIамрэ я фIыгъэкIэ дэ адыгэбзэ текстхэм дыкъеджэфащ икIи иджырей тхэкIэм хуэдгъэкIуэжаш.

1832 гъэм венгр щIэныгъэлI Бесс Ж.-Ш. де кыдыгъэкIащ «Путешествие в Крым, Грузию, Армению, Малую Азию и Константинополь в 1829 и 1830 гг.» лэжыгъэр. Абы бжыгъэцIэхэри хэту адыгэбзэ псалъэу 300-м нэблагъэ иту гуэдзэн Iыхъэ дэщIыгъуащ. Апхуэдэ материалхэм уеблэмэ ноби, шэчыншэу, сэбэпынагъышхуэ япылыщ адыгэ бзэщIэныгъэм дежкIэ.

XIX лIэщIыгъуэм и пэщIэдзэхэм, адрей кавказыбзэхэм къадэкIуэу, адыгэбзэр иджаш Шёгрэн А.М. – абы Кърым адыгэхэм я псалъэкIэм щыщу псалъэ 600 итхаш. Революцэм ипэ кыхуэу дунеплъэхэмрэ щIэныгъэлIхэмрэ зэхуахъэса икIи бзэ зэхуэмыдэхэмкIэ тхылъу кыдагъэкIа материалхэр, бзэщIэныгъэлIхэр зыщымыгъуазэхэр, ауэ абыхэм я дежкIэ мыхъэнэшхуэ зилэхэр, япэ дыдэу урысыбзэкIэ кыдагъэкIащ 1974 гъэм [Гарданов 1974].

Адыгэбзэм, адыгэ щэнхабзэм и зыужыныгъэ тхыдэм лъэхъэнэшIэ хуэхъуащ Нэгүмэ Шорэ и лэжыгъэхэр. Абы и цIэм пыщIащ япэрей «Адыгэ-урыс псалъалъэ»-р кыдэкIыри – ар 1830 гъэхэм зэхигъэувэгъащ, ауэ дунейм кышытэхьар 1956 гъэрщ [Ногмов 1956]. Мыр адыгэбзэм и бзэхабзэ зэхэлъхъэнми, псалъалъэ зэхэгъэувэнми я япэ дыдэ екуныгъэ хъуащ. Грамматикэм и гуэдзэн псалъалъэр, тхыпкыльгъэкIэ мыхъуу, тематикэкIэ зэщхъэщыхащ. Нэгүмэм и псалъалъэм хыхъащ псалъэу 4253-рэ, абыхэм щыщу 211-р цIэ унейщ, щIыпIэцIэщ. Апхуэдэ щIыкIэкIэ Нэгүмэм и лэжыгъэр бзитI, е, нэгъуэщIу жыпIэмэ, зэзидзэкI псалъалъэ нэхъ ирикъуу зэхэлъхъа япэрей псалъалъэу зэрыщытым кышынэмышIауэ, адыгэ цIыхуцIэхэр, щIыпIэцIэхэр кызыщыгъэлыгъуа, щызэхуэхъэса япэрей кыдэкIыгъэщ. А Iуэхугъуэм – Нэгүмэм и псалъалъэм адыгэ ономастикэм и псалъэ куэд зэрыхъуам – хуит дыкъешI, языныкъуэ щIэныгъэлIхэм, Нэгүмэ Шорэ игъэхъэзыра псалъалъэм псалъащхъэлъэ хъэзыр кыгъэсэбэпауэ къэзылытэхэм, жалэр яхуэдмьдэну икIи абы и авторыгъэм шэч лъэпкъ кытедмыхъэну, жыджэру псалъалъэм папщIэ псалъэхэр кыхъэхыным зэрелэжбам щыхъэт дытэхъуэну. Урысыбзэ псалъащхъалъэ хъэзыр къэбгъэсэбэп хъунут урыс-адыгэ псалъалъэ зэхигъэувэу щытатэмэ, ауэ Адыгэ-урыс псалъалъэм, урысыбзэ псалъащхъалъэ хъэзыр тегъэщIапIэ щыщIыным ухуимышэнкIэ Iэмал иIэтэкъым адыгэбзэ лексикэр зэблэшауэ къэгъэлыгъуа хъуным. Нэгүмэм и лэжыгъэм мыхъэнэ нэхъыщхъэу хэлтыр ар бзэр зыIурылым, адыгэбзэм кууэ хэзыщIыкIым зэрызэхигъэуварщ. Абы псалъалъэр шэчыншэ ещI икIи сыткIи уи дзыхъ ебгъэз хъунуш. Мыр адыгэ лексикэм и блэкIар кызыэщIуыбдэнымкIэ нэхъ тегъэщIапIэ нэхъыщхъэщ. Псалъалъэм кышыгыгъэлыгъуащ XIX лIэщIыгъуэм и 30 гъэхэм адыгэбзэм лексикэ и

лэныкыуэкIэ илэ зэфIэкIыр. КышынэмыщIауэ авторым наIуэ ищIащ медицинэм, нэгъуэщI щIэныгъэхэм, IэщIагъэхэм епха фIэщыгъэхэр, мыхьэнэ куэд зиIэ, зэмыхьэнэгъуэ псалъэ куэд кызызщIикыуэфаш. Шэчыншэу, Нэгумэм и псалъальэр и тегъэщIапIэу кыэпхутэфынууш ди зэманым жьы хьуа е бзэм хэкIуэдыкIа фонетикэ, лексикэ-мыхьэнэ, псалъэщI, морфологии екIуэкIыкIэхэр. АбыкIэ убзыхуа мэхьу Нэгумэ Шорэ и псалъальэм иIэ бзэщIэныгъэ, щэнхабзэ-тхыдэ мыхьэнэхэр. Нэгумэм щIэныгъэм ехьэлIа е калыкэ, е калыкэ ныкыуэ, е адыгэбзэм и IэмалкIэ езым зэхигъэува терминхэм ящыщ зыбжанэр нобэ кыздэсым убгъуауэ бзэхабзэм кышцагъэсэбп.

Нэгумэ Шорэ и бзэхабзэри и псалъальэ Iэрытхри хьума хьуактым. Турчанинов Г.Ф. и фIыгъэкIэ а лэжыгъэхэр дунейм кышыхтар Нэгумэр дунейм зэрехыжрэ илэси 120-рэ хьуа нэужыщ. Ари академик Шёгрэн А.М. Шорэ и тхыгъэхэм ятритхыкIа копиэхэрщ.

Турчанинов Г.Ф. кызырилтыгэмкIэ, Нэгумэ Шорэ и псалъальэр щызэхигъэувам кыгъэсэбэпаш Iэмал зыбжанэ: урыс псалъэхэр адыгэбзэкIэ щызэримыдзэкIыфым е абыхэм я IукIэщIэ тхыпкыльэр кыгъэсэбэпурэ щызэхимыгъэуэфым, езы урысыбзэ псалъэр кыхьащ; урыс псалъэхэр калыкэ Iэмалым пэгъунэгъуу жыIэгъуэхэмкIэ кыIуэташ; терминхэр адыгэбзэм и Iэмалхэр кыгъэсэбэпурэ зэридзэкIащ. Апажэ М.Л. кызырибжамкIэ, Нэгумэ Шорэ урысыбзэм кыхьащ псалъа-100-м щигъуэ и псалъальэм кышыхьащ. Ар щыхьэт тохьуэ а зэманым щыщIэдзауэ урысыбзэ псалъэхэр адыгэхэм я бзэм кыхыхьэу зэрыщытам [Апажэв 2000, 312].

Нэгумэ III. и ужькIэ псалъальэ зэхэгъэуваныр, бзэм, псалъэхэм елэжыныр, зэхуэхьэсыныр илэсэ 50-кIэ зэтоувьIэр. Адыгэбзэм елэжыным и кыкIэлтыкIуэ лээхьэнэщIэр XIX лэицЫгыуэм и 90 гъэхэм Лопатинскэ Л.Г., «Урыс-адыгэбзэ псалъальэм» и зэхэлъхьакуэм, епхаш. Мылэжыгъэриджырей адыгэбзэщIэныгъэм хуэгъунэгъу бгъэдыхьэкIэм и щIэдзапIэ хьуащ. Псалъальэм и лэапIагъ нэхьыщхьэр абы, ипэкIэ кыдэкIа псалъальэхэм кьащхьэщыкIуэ, адыгэбзэ жыIэгъуэ нэхьыбэ кызырэзэщIиубыдарщ. Абы хыхьащ мини-9-м нэблагъэ урысыбзэ, мини-7-м щигъуэ адыгэбзэ псалъэхэр икIи дэщIыгъуш мыхьэнэшхуэ зиIэ адыгэ псалъэ гъуазэ. Абы кыхьащ кIэ, зэхэлъхьакуэм зэуэ кыдбгъэделъхьэ бзитI псалъальэм и лэужыгъуитI – урыс-адыгэбзэмрэ адыгэ-урысыбзэмрэ.

Псалъальэм ихьумащ езы бзэм ейуэ е нэгъуэщIыбзэ хэкIыпIэ яIэу а зэманым кьагъэсэбэпу шыта, ауэ иужькIэ жьы, мыгурыIуэгъуэ хьуа псалъэхэр (*цхьэщэ – курмыщ, чий – чэу, цыхьэт тхыль (опись) – дэфтэр, шэкъэ – мэрчэп*, н.). Лексемэхэм я нэхьыбэм зэхэлъхьакуэм дамыгъэкIэ кышхьэгъэлагъуэ ахэр нэгъуэщIыбзэ псалъэу зэрыщытыр е нэгъуэщIыбзэ псалъэр лъабжьэ зэрахуэхьуар, ауэ ахэр кызыхьащамрэ жыIэгъуэм и къэхьукIэмрэ зэщхьэщигъэкIыркыым.

Гулъытэ лей хуэщIыпхьэщ псалъальэм кыхьэщ зэмыхьэнэгъуэ псалъэхэм: *щIыху – тхьэрыкыуафэ, мыгъуагъэ – тхьэмыщIагъэ*, н. Лопатинскэм и псалъальэр, и щыщIэныгъэхэм емылтытауэ, кавказыбзэ щIэныгъэлIхэм я зэзыгъащэ-тхыдэ грамматикэхэм папщIэ адыгэбзэ лексикэм и лэныкыуэкIэ мыхьэнэшхуэ зиIэ лексикографическэ пособие закъуэу шыташ, XX лэицЫгыуэм и 50 гъэхэм икхэм нэсыху.

Лопатинскэ Л.Г. и псалъальэм и ужькIэ нэгъуэщI зы псалъальэ хьарзынэ, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» тхылыр, нэгъуэщIхэр кыгъэсэбэпурэ, венгр щIэныгъэлI Балинт Г.И. кыдигъэкIащ. Абы и псалъальэм щхьэхуэныгъэу хэлъыр бзэм и занэхэм ядэщIыгъуу мымашIэу псалъэ гъэпсыкIэхэри, псалъэ зэпхэхэри кызырэыщыхьарщ, нэгъуэщIу жыпIэмэ абы щызэхэхуэнащ псалъэщI, псалъэзыхьуэж, псалъэ зэпха псалъальэхэр. Псалъальэр напэкIуэщI 611-рэ мэхьу, абы жыIэгъуэ мин 12 ихуащ.

Балинт Г.И. и лэжыгъэр кьулейщ цIыхубэ псалъэхьуэрхэмкIэ: псалъэжхэмкIэ, кьуажэхьхэмкIэ, нэщэнэхэмкIэ. Псалъальэм ит псалъэхьуэрхэм я

зэпкырыхыныгъэм къегъэлыгагъуэ псалъафэхэм я нэхъыбэм япэм нэгъуэщӀ теплъэ, нэхъ убгъуа гъэпсыкӀэ зэралар. Псалъэм папщӀэ, «зэкъуэшиитӀрэ дзитӀ зыӀутр», «фо зезыхъэ и Ӏэпэ йобзей» жыӀэгъуэхэм нэхъапэм «МыцӀэр зыщышыӀнэр зэшиитӀ зэгурьӀуэрэ дзитӀ зыӀут къамэрэц»; «Фо зезыхъэ и Ӏэпэ йобзей, хъэдэ зезыхъэ и Ӏэпэ йопэм» гъэпсыкӀэ яӀаш. Балинт и псалъальтэм адыгэбзэ лексикографием япэ дьдэу убгъуауэ къыщигъэлыгъуаш хъуанэбзэхэр. А псом мы лэжыгъэр зыми емышхъ, ӀухуеплъыкӀэ гъэщӀэгъуэн зиӀэ, бзищу зэхэгъуа псалъальтэ ещӀ, адыгэбзэм и лексикэ-псалъафэ ихуахэм тецӀыхъауэ Нэгумэ Ш.Б. и псалъальтэм къыщыгъэнауэ, нэхъ иужькӀи къыдэкӀахэм – Лопатинскэми, Яковлевми, Хъуранми, Къэныкъуейми, Уэхъутэми я псалъальтэхэм ящыщу нэхъ зыхуей хуэгъэзауэ, нэхъ щыз хъуауэ.

Лопатинскэмрэ Балинтрэ я лэжыгъэхэм яужь XX ӀэщӀыгъуэм и 20 гъэхэм я кум нэс адыгэбзэм и лексикографием теухуа лэжыгъэ зыри ирагъэкӀуэкӀакъым, абы къыхэкӀкӀи Лопатинскэм и псалъальтэр илъэс 40-м щигъукӀэ Къэбэрдеймрэ Шэрджэсымрэ я акъылырылажэхэмрэ еджаӀуэхэмрэ ягъуэтыфыну лексикографическэ лэжыгъэ закъуэу щытащ.

Адыгэ лексикографир щӀэгъэхуэбжъауэ зиузэщӀын шыщӀидзар Октябрь революцэм и ужькӀэщ. Мы лъэхъэнэм къыдэгъэкӀын щӀадзэ япэррей пэжырытхэ, термин, еджэныгъэ, тэрмэш, псалъафэ, этимологии, зэмыхъэнэгъу, мыхъэнэгъэнахуэ псалъальтэхэр.

Совет лъэхъэнэм лексикографие унэтӀыныгъэм пищащ Хъуран Б.Л., ар цӀыхубэ егъэджэныгъэм и къызгъэпэщакӀуэ пашэт. Абы и Ӏэдакъэ къыщӀэкӀащ адыгэбзэм теухуа лэжыгъэ забжанэ, лексикологии, лексикографие зэпкырыхыныгъэхэри хэту. Хъураным и «Урыс-адыгэ псалъальтэ»-р 1927 гъэм къыдэкӀащ, абы ихуаш мини-6-м нэблагъэ псалъэрэ жыӀэгъуэрэ. Ди жагъуэ зэрыхуэи, тхылъым иӀэкъым псалъэпи кӀэух псалъы, псалъальтэм и зэхэлыкӀэми и зэхэлъхъэкӀэми тетхыхъ Ӏыхъэхэри. Апхуэдэу щыт пэтми, Хъураным и псалъальтэр щӀэгъэщӀэгъуэныр тхыбзэ зыгъуэта къудей адыгэбзэм и фӀэщыгъэцӀэ лексикэщӀэр гъэтэрэзыным и япэррей екуныгъэу зэрыщытырщ. Псалъальтэм къыщыгъэлыгъуаш 20 гъэхэм и кум адыгэбзэм иӀа лексикэ-мыхъэнэ системэр, абы лэжыгъэр нэхъ лъапӀэ ещӀ. Жылагъуэ зыужыныгъэм и ӀэщӀыгъуэ зэмылӀэужыгъуэхэм псалъальтэхэмрэ псалъэхэмрэ джыным щэнхабзэ-тхыдэми щӀэныгъэми мыхъэнэшхуэ щӀалэщ. Абы и лъэныкъуэкӀэ гулъытэ щхъэхуэ яхуэщӀыпхъэщ Хъураным и псалъальтэм къыхэщ жьы хъуа псалъэхэм. Мы Ӏухугъуэхэр икӀукӀэ щхъэпэщ икӀи шыхъэт тохъуэ, бзэм дэнэ къэна, адыгэхэм я псэуныгъэ-экономикэ, щэнхабзэ гъащӀэм и зыужыныгъэм. Псалъэм папщӀэ: *плӀакӀуэ – къэзыплъыхъ, гъэуэныгъэ – шамтаул, совет, чэнджэщӀэгъуэ – кэнгэщ, ауан – къебжэекӀ, климат – хъэуа, фӀеплӀ сын – кхъэлэгъунэ, списокэ – дэфтэр*, н. Мыпхуэдэ шапхъэхэм къагъэлыгагъуэ бзэм иӀэ щхъэхуэныгъэхэм дэщӀыгъуу лъэпкъым и тхыдэм щыщ Ӏухугъуэхэри. Лексемэ къызэрыгуэкӀхэм, псалъэм и фонетикэ Ӏэужыгъуэхэм нэмышӀ, Хъураным убгъуауэ къегъэсэбэп зэмыхъэнэгъу псалъэхэри.

Хъуран Б.Л. и псалъальтэм ӀалъэкӀэ теухуэ къыдэкӀащ Яковлев Н.Ф. и «Материалы для кабардинского словаря» лэжыгъэр, абы ихуаш адыгэбзэми псалъэ-псалъэпкъыу 400. Яковлевым и лексикографие, лексикологии къэхутэныгъэхэр, и лэжыгъэ бжыгъэншэхэр (абыхэм ящыщ куэд иджырей тхылъеджэхэм яцӀыхуркъым) шыхъэт тохъуэ абы гулъытэ егъэлея адыгэбзэм зэрыхуиӀам, икӀи куууэ ар джыным хэлъхъэныгъэшхуэ зэрыхуищӀам. Мы тхыгъэхэм, еджэныгъэ мурадым хухэмыхами, къалэнышхуэ шагъэзэщӀащ адыгэбзэ лексикологиим, лексикографием, фонетикэм, грамматикэм я зэфӀэувэныгъэм. «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка» (1948) лэжыгъэ нэхъыщхъэм ар щытопсэлъыхъ зи щхъэ хушытыж псалъэ куэдым, абы япэ дьдэу къыщыхъащ адыгэбзэ лъабжэбгъусэхэм я псалъальтэр.

XX ӀэщӀыгъуэм и 40 гъэхэм псалъальтэу тӀу къыдокӀ еджэныгъэ мыхъэнэ ягъэзащӀэу: «Русско-кабардинский школьный справочный словарь»

(Къаныкъуей М.Т., 1940), «Русско-черкесский словарь» (Уэхъутэ А.Д., 1949), псалъэ 5000, 6000 къызэщIаубыдэу. Ахэр зэхэгъэува хъуаш адыгэхэр 1935 гъэм зытехъа, урысыбзэ тхыпкъхэр лъабжъэ зыхуэхъуа адыгэбзэ тхыпкъыльэmkIэ. ХэпщIыкIыу абыхэм къалэныфI шагъэзэщIаш урысыбзэмрэ анэдэлъхубзэмрэ хуегъэджэнми, тхэкIэщIэри адыгэбзэ пэжырытхэм и мардэщIэри цIэрылэу щIынми, ар егъэбыдылIэнми, жъэрылэуатэм и шэнхэбзэм хэгъэхъуэнми.

Къэбэрдей-Балъкъэр республикэми, Къэрэшей-Шэрджэс республикэми, Адыгей республикэми, Кавказ Ищхъэрэм и адрей лъэпкъ щIыналъэхэми псалъалъэхэм я къыкIэлъыкIуэ зыужыныгъэр епхаш урыс лексикографием и ехъулIэныгъэхэм, урысыбзэми бзитI псалъалъэхэм, дуней псом щыщIэрылэу мардэм тет мыхъэнэгъэнахуэ псалъалъэхэм я опыт къулейм шапхъэ техыным. Абыхэм ящыщу нэхъ ин дыдэщ том 17 хъу «Академический словарь современного русского литературного языка» (1948–1965), зы том хъу «Большой толковый словарь» (1998), псалъэ мини 120, мини 130 къызэщIэзыубыдэхэр.

Ди лэжыгъэм къызэрыщыгъэлъэгъуащи, адыгэбзэм и лексикографие щIэныгъэм, нобэрей зиужыныгъэм нэсын папщIэ, гъуэгъу кIыхъ, гъуэгъуанэ гугъу къикIуаш. Псом хуэмыдэу лъакъуэпэщIэдз адыгэ бзэщIэныгъэм къыхуэхъуар тхыбзи, бзэм елэжыын щIэныгъэлIи дызэрымIарщ. Псалъалъэ псоми щыщIэныгъэ гуэрхэр яхэплэагъуэми, ахэм ящыщ дэтхэнэри бзэм, бзэщIэныгъэм папщIэ, шэчыншэу, мыхъэнэшхуэ зиIэ къыдэкIыгъуэхъщ. КъыкIэлъыкIуэ псалъалъэ къэсыху, ахэр егъэфIэкIуэным, псалъэ нэхъыбэ къызэщIэгъэубыдэным, зэрахуээфIэкIкIэ нэгъэса зэрыхъуным хушIэкъуаш щIэныгъэлI псэемыблэжхэр. Абыхэми я лэжыгъэм гулъытэ лей хуэщIыпхъэщ, адыгэ бзэщIэныгъэм хэлъхъэныгъэ хуэзыщIа дэтхэнэми и цIэр тшымыгъушхэу ди гум илъыпхъэщ.

ТегъэщIапIэхэр

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / ред. В.К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.
2. Апажеев М.Л. Современный кабардино-черкесский язык: Лексикология. Лексикография. Нальчик: Эльбрус, 2000. 408 с.
3. Балинт Г.И. Кабардинско-венгерско-латинский словарь. Клуж, 1904. 611 с. // http://apsnyteka.org/file/Balint_lexicon-cabardiclatin_1904.pdf (Дата обращения: 27.04.2021).
4. Бесс Ж.-Ш. де. Путешествие по Крыму, Кавказу, Грузии, Армении, Малой Азии и Константинополю в 1829–1830 годах / Перевод с фр. Г.И. Беднарчик. Париж, 1838.
5. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Выпуск 1692–1705 г. Амстердам, 1785. I часть 503 р. II часть. 358 р.
6. Кануков М.Т. Русско-кабардинский школьный справочный словарь. Нальчик, 1940. 200 с.
7. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах (Лондон, 1814) / пер. К.А. Мальбахова. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 320 с.
8. Лопатинский Л.Г. Русско-кабардинский словарь, с указателем и краткою грамматикою. Тифлис: Издание Управления Кавказского Учебного Округа, 1890. 300 с.
9. Ногмов Ш.Б. Филологические труды [Исследовал и подготовил к печати Г.Ф. Турчанинов]. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, Т. I. 1956. 308 с., Т. II. 1958 (переплет 1959 г.). 200 с.
10. Охтов А.Д. Русско-черкесский словарь-справочник. Ставрополь, 1949. 268 с.
11. Паллас П.С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть вторая. Санктпетербург. Печатано в Типографии у Шнора 1789 года. 491 с.
12. Хуранов Б.Л. Русско-кабардинский словарь. Москва: Центральное издательство народов СССР, 1927. 80 с
13. Чикобава А.С., Церцвадзе И. Аварский язык. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1962. 442 с.

14. Яковлев Н.Ф. Материалы для кабардинского словаря. Словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога. М., 1927. Вып. 1. 133 с.

15. Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1948. 371 с.

СТАНОВЛЕНИЕ АДЫГСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (XVII – первая половина XX веков)

Афаунова Анджела Анатольевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), martazei@mail.ru

В работе рассмотрены созданные на основе кабардино-черкесского языка словари, изданные с 1688 года до 1949 года учеными и путешественниками. В статье мы анализируем структуры словарей, полноту охвата ими слов, отмечаем достоинства и недостатки каждого из них, оцениваем их пользу для языка и науки. Основная цель исследования словарей заключается в усовершенствовании будущих лексикографических изданий и уменьшении в них недостатков, в охвате ими большего количества слов, более правильном толковании их значения и адекватном их переводе на другие языки. Приведенное исследование свидетельствует о том, что существующие словари кабардино-черкесского языка могут стать твердой и надежной опорой для поднятия на новый уровень национальной лексикографии.

Одной из главных новшеств в статье то, что впервые применена система адыгоязычных лингвистических терминов, разработанная доктором филологических наук Бижоевым Б.Ч.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, грамматика, лексикография, словарь, двуязычный словарь.

FORMATION OF THE ADYG LEXICOGRAPHY (XVII – first half of XX centuries)

Afaunova Angela Anatolievna, Candidate of Philology, Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), martazei@mail.ru

The paper considers dictionaries based on the Kabardino-Circassian language, published from 1688 to 1949 by scientists and travelers. In the article, we analyze the structure of dictionaries, the completeness of their coverage of words, note the advantages and disadvantages of each of them, evaluate their usefulness for language and science. The main goal of the study of dictionaries is to improve future lexicographic publications and reduce their shortcomings, to cover more words, more correctly interpret their meaning and adequately translate them into other languages. The above study indicates that the existing dictionaries of the Kabardino-Circassian language can become a solid and reliable support for raising the national lexicography to a new level.

One of the main innovations in the article is that the system of Adyghe language linguistic terms, developed by the doctor of philological sciences Bizhoyev B.Ch., was used for the first time.

Keywords: Kabardino-Circassian language, grammar, lexicography, dictionary, bilingual dictionary.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-31-36

ШЫПІЭ КЪЭЗЫГЪЭЛЪАГЪУЭ ЛЪАБЖЪЭПЭХЭР (ПРЕВЕРБХЭР) АДЫГЭБЗЭМ КЪЫЗЭРЫШЫГЪЭЛЪЭГЪУА ШЫКІЭХЭР

Шэру Нинэ Гъумар ипхъу, филологие шІэныгъэхэмкІэ кандидат, Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институтым – Федеральнэ къэрал бюджет шІэныгъэ ІуэхушІапІэ «Урысейм шІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шІэныгъэ центр» «Федеральнэ шІэныгъэ центрым» и филиалым адыгэбзэ секторым и шІэныгъэ лэжыакІуэ нэхъыжъ, nina.sherieva@mail.ru

Лэжыгъэм и къалэн нэхъышхъэр шІыпІэ къэзыгъэлагъуэ адыгэбзэ превербхэр гъэнэхуэнырщ, абыхэм я мыхъэнэр, гъэпсыкІэр, къызэрагъэсэбэп шІыкІэхэр убыхуэнырщ. Къэхутэныгъэм убгъуауэ шызэпкърыхаш адыгэбзэ превербхэм морфологие, псалъэщІ шхъэхуэныгъэ яІэхэр. Бзэм и ухуэкІэр дгъэбелджылын папшІэ статьям дыштытпсэлтыхъ зи гугъу тІшы превербхэм я къэхъукІэм, икІи этимологиие мыхъэнэр, зэрызэхэт Іыхъэхэр къыдогъэлагъуэ

Адыгэбзэм и нэщэнэ нэхъ гъэщІэгъуэнхэм ящыщ зыщ европеибзэхэми нэгъуэщІ бзэ лІэужыгъуэхэми кІыхъу, псалъэ зыбжанэкІэ къышІауатэ мыхъэнэхэр мыбы зи лэжыгъэщІэ псалъэщІэ закъуэкІэ къэгъэлагъуэ зэрышыхур. Абы къыхэкІкІэ мы лъэныкъуэр джыным адыгэ, кавказ бзэщІэныгъэхэм ямызакъуэу бзэщІэныгъэм и теорием и дежкІэ мыхъэнэшхуэ иІэщ.

Лэжыгъэм нэхъышхъэ дыдэу шІэуэ хэлхэм ящыщ япэ дыдэу бзэщІэныгъэхэм я доктор БишІо Б.Ч. зэхилхъа адыгэбзэ бзэщІэныгъэ фІэшыгъэцІэхэр къызэрыдгъэсэбэп.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, лэжыгъэцІэ, лъабжъэпэ, шІыпІэ преверб, морфологиие, бзэщІэныгъэ.

Адыгэбзэм и хъэлщ лэжыгъэцІэ псалъэпкъхэр шІыпІэ къэзыгъэлагъуэ превербхэмкІэ къэхъуныр. Андрей абхъаз-адыгэбзэхэми хуэдэу, адыгэбзэм шІыпІэ къэзыгъэлагъуэ и превербхэр я зэхэлтыкІэкІэ зэмылІэужыгъуэщ, я бжыгъэкІи куэд мэхъу. Ауэ абхъазыбзэмрэ абазэбзэмрэ къащхъэщыкІыу, мыбдеж шынэхъ мащІэщ преверб-псалъэпкъхэр, языныкъуэхэм превербу, дрейхэм деж – псалъэпкъыу (лэжыгъэцІэм и лексикэ мыхъэнэ нэхъышхъэу) къақІуэхэр.

Зи гугъу тІшы превербхэм тетыхъаш адыгэбзэм елэжъа бзэщІэныгъэлІ цІэрыуэ зыбжанэ: Джаурджий Хь.З, Дзасэжъ Хь.Е., Урыс Хь.Щ., Къумахуэ М.І., н.

1964 гъэм Къумахуэ М.І. къыдигъэкІа «Морфология адыгских языков» лэжыгъэм щитхаш адыгэбзэм лэжыгъэцІэхэр нэхъыбэу лъэныкъуэ, шІыпІэ мыхъэнэ къэзыгъэлагъуэ превербхэмкІэ къызэрыхур. Къыхэгъэщыпхъэщ авторым преверб куэдым я къэхъукІэр къызэригъэнахуэри [Кумахов: 1964].

ШІыпІэ къэзыгъэлагъуэ превербхэр я мыхъэнэр зэпкърыхынымкІэ лэжыгъэхъуэ иригъэкІуэкІаш Шэрдан А.Х. [Шорданов: 1981].

Джаурджий Хь.З, Дзасэжъ Хь.Е. сымэ я лэжыгъэм къышыхъу шІыпІэр, зыхуэунэтІар е къызыбгъэдэкІыр къэзыгъэлагъуэ лъабжъэпэ нэхъышхъэхэу къышыхагъэщ: *нэ-//ны-, къэ-//къы-, бгъу-ры, бгъэ-ды, дэ-//ды-, и-, нэ-//ны-, те-, Іу-, хэ-//хы-, кІэры-, цы-, цІэ-//цІы, кІэ-лъы, блэ-, гүэ-, пхы-, пхыры-, къуэ-//къу-, цхъэ-цы, цхъэ-пры* [Джаурджий, Дзасэжъ 1995: 208–209].

ЛэжыгъэцІэхэм я къэхъукІэ нэхъышхъэхэр убгъуауэ шызэпкърыхаш Урыс Хь.Щ. «Адыгэбзэм и тхыдэ» лэжыгъэм. Авторым шІыпІэ къэзыгъэлагъуэ

лѣабжѣпэхэр зѣщхѣзѣх лѣжыгѣзѣ нѣхыбѣ // нѣх мащѣ кѣзырыхѣхуэ. Япѣ гупым хохѣ зѣгуэ/зѣгуы/зѣгу, кѣры/кѣр, кѣщѣ/кѣщѣы/кѣщѣ, кѣуэцѣ, кѣуэцѣыры/кѣуэцѣыр, кѣуэ/кѣуы/кѣу, бѣзѣдѣ/бѣзѣды/бѣзѣд, бѣуры/бѣур, гуэ/гуы/гу, дѣ/ды/д, йы/й, нѣ/ны/н, н. Етѣуанѣ гупым хохѣр блы/бл, жѣзѣдѣ/жѣзѣды/жѣзѣд, жѣзѣхѣ/жѣзѣхы/жѣзѣх, зѣлы, зѣпыры/зѣпыр, зѣте/зѣты/зѣт, нѣры/нѣр, цхѣзѣры/цхѣзѣр, н. прѣвербхѣр [Урыс 2000: 122–124].

1970 гѣм кѣдѣкѣ «Грамматика кабардино-черкесского языка» тхыльми прѣвербхѣм раздел щхѣхуэ хухахауэ щытащ [ГКЧЯ 1970: 168–181]. Нѣх убгѣуауэ, куууэ лѣаныкѣуэ, щѣпылѣ кѣзыгѣзѣлѣагѣуэ прѣвербхѣр щызѣпкѣрыха хѣуащ 2006 гѣм автор зыбжанѣ зѣхыхѣу ягѣзѣхѣзыра «Кабардино-черкесский язык» кѣдѣкѣыгѣм. Мыбдеж кѣыщыхѣащ прѣвербым и мыхѣэнѣр, ар зѣ гѣусѣу кѣакѣуэ лѣжыгѣзѣлѣхѣр, абы гѣэпсыкѣлѣ илѣхѣр, и кѣалѣнхѣр [КЧЯ 2006: 258–268]. Иужѣрей илѣзѣсхѣми зѣ гугѣу тѣщѣ лѣабжѣпэхэр лѣжыгѣзѣ зыбжанѣм кѣыщыгѣзѣлѣагѣуа хѣуащ [Дзуганова 2005; Дзуганова, Кумыкова 2015; Дзуганова 2019].

А псом кѣадѣкѣуэ дѣри щѣпылѣ кѣзыгѣзѣлѣагѣуэ прѣвербхѣм я кѣзѣхѣукѣм худилѣ ди еплѣыкѣлѣр кѣэтхѣынщ.

Адыгѣбзѣр кѣызѣрыщхѣзѣщыкѣлѣ щытыкѣлѣу щытѣщ щѣпылѣ кѣзѣгѣзѣлѣагѣуэныр лѣмал зѣрилѣкѣлѣ зѣрызѣхѣгѣкѣлар, псалѣгѣм папѣщѣлѣ: *тепѣцѣчым и-лѣы-н; шкафым дѣ-лѣы-н; дагѣм хѣ-лѣын; унѣм цѣлѣ-лѣы-н; шхылѣным кѣуэцѣлѣы-лѣы-н*. Мы шапхѣхѣм зѣрыщыплѣагѣуыщи, предмет зѣмылѣужыгѣуѣхѣм кѣуэцѣкѣлѣ щылѣ щытыкѣлѣр (*тепѣцѣч, шкаф, дагѣз, унѣ, шхылѣн*) кѣзѣгѣзѣлѣагѣуа мѣхѣу прѣверб зѣмылѣужыгѣуѣхѣмкѣлѣ.

Этимологие и лѣаныкѣуэклѣ прѣвербхѣр бгѣуэш хѣунуш япѣрейрѣ етѣуанѣрейуэ. Япѣрей гупым хохѣ зѣ щхѣ хущытыж е лѣдѣж псалѣгѣ гуѣрхѣм я псалѣзѣпкѣхѣм япѣмыщѣлѣжыф прѣвербхѣр. Апхуѣдѣхѣщ, псалѣгѣм папѣщѣлѣ, дѣ-, хѣ-, и-, т-хѣр. Етѣуанѣрей гупыр кѣагѣзѣхѣу цѣлѣ псалѣзѣпкѣ щхѣхуэ и кѣалѣн ягѣзѣащѣлѣу бѣзѣм хѣт занѣхѣм япыщѣла прѣвербхѣм. Мыбы хохѣхѣр *блѣ-, нѣ-, лѣы-, гуэ-, кѣуэцѣлѣы-, лѣны-хѣр*.

Морфемѣ зѣхѣлѣыкѣлѣ ялѣм тѣщѣлѣхѣа прѣвербхѣр бгѣуэш хѣунуш кѣызѣрыкѣлѣуэ (кѣытемѣыкѣларѣ) зѣхѣлѣу (зѣхѣту). Кѣызѣрыкѣлѣу гупым хохѣ япѣрей прѣверб псори етѣуанѣрейхѣм ящыщуи куѣд, еплѣ: *дѣ-, хѣ-, и-, тѣ-, блѣ-, ны-, лѣы-, гуэ-*. Прѣверб зѣхѣлѣ гупыр кѣагѣзѣхѣу *лѣны-, цхѣзѣщы-, бѣзѣдѣ-, кѣлары-, пхыры-* прѣвербхѣм хуѣдѣхѣм.

Я зѣклѣлѣыкѣлѣуэклѣлѣ, нѣгѣуэщѣлѣу жыплѣмѣ, прѣвербымрѣ лѣжыгѣзѣлѣм и лѣабжѣ морфемѣмрѣ я зѣпыщѣлѣныгѣм елѣытауи, прѣвербхѣр гупитѣлѣу ягуѣш. Щѣпылѣ кѣзыгѣзѣлѣагѣуэ прѣвербхѣр ещанѣ увыплѣм щытѣщ, лѣаныкѣуэ кѣзыгѣзѣлѣагѣуѣхѣр – еханѣу.

Псалѣзѣпкѣыщѣлѣ морфемѣхѣм, абы прѣвербхѣри хѣту, я фонетикѣ зѣхѣтыкѣлѣм и нѣшѣнѣш ахѣр макѣ дѣкѣлѣуащѣлѣ е макѣзѣшѣ ныкѣуэ фонемѣкѣлѣ кѣызѣрыригѣажѣр. Фонеморфологие кѣзыухѣуреихѣым елѣытауэ псалѣзѣпкѣыщѣлѣ морфемѣхѣм я гѣэпсыкѣлѣм зѣхѣуѣж, абы щыгѣуѣми фонетикѣ зѣхѣуѣкѣлѣныгѣзѣ зыгѣуѣтыр макѣзѣшѣ лѣхѣзѣрщ. Кѣапѣштѣмѣ, *хѣ-дѣз-н; хы-з-о-дѣз; х-и-дѣз-ащ* псалѣгѣ гѣэпсыкѣлѣхѣм *хѣ-, хы-, х-* лѣхѣзѣхѣр а зѣ морфемѣм и лѣуѣжыгѣуѣхѣщ. Мыбыхѣм ящыщ дѣтхѣнѣ зыми адрѣй лѣуѣжыгѣуѣхѣм ямылѣ кѣзыухѣуреихѣ илѣщ. Нѣгѣуэщѣлѣу жыплѣмѣ, *хѣ-, хы-, х-* элементхѣр дистрибуцѣ лейкѣлѣ зѣхущытѣщ. Прѣвербхѣм уащытѣтхѣхѣкѣлѣ гугѣуш дапѣщѣщи абыхѣм я гѣэпсыкѣлѣ лѣуѣжыгѣуѣ псори кѣѣббжѣкѣлѣну, иджыреибзѣм шаѣыгѣ увыплѣкѣлѣ ахѣр псори зѣхуѣдѣ пѣтми. Абы кѣыхѣкѣлѣ, мыбыхѣм я зѣ лѣуѣжыгѣуѣр зѣгурылѣуауэ нѣхѣыщхѣу кѣащтѣ а прѣвербыр кѣрагѣзѣлѣагѣуѣу. *Хы-, хѣ-, х-* гѣэпсыкѣлѣ лѣуѣжыгѣуѣхѣм ящыщу нѣхѣыщхѣу ябжыр *хѣ-* лѣуѣжыгѣуѣращ. Ар кѣыщѣлѣыхахѣм нѣхѣыбѣрѣ кѣызѣрагѣзѣсѣбѣным имѣзакѣуѣу тхыдѣ лѣуѣху еплѣыкѣлѣкѣлѣ щхѣзѣусыгѣуэ илѣщ. *Хѣ-* лѣуѣжыгѣуѣм ушрохѣзѣлѣ масдарым, кѣызѣрыкѣлѣу псалѣзѣпкѣхѣм я блѣкѣла, кѣэкѣлѣуѣну зѣман гѣэпсыкѣлѣхѣм; *хы-, х-* лѣуѣжыгѣуѣхѣм тхыдѣмкѣлѣ *хѣ-*р я кѣѣжѣапѣлѣщ.

Апхуэдэ шыкIэхэщ адрей лъабжъэуужьхэм я лъэужыгъуэ нэхьыщхьэхэри кызырыхахыр.

Шыплэ кээзыгъэлыагъуэ превербхэр

Превербхэу дэ-, и-, хэ-хэр я мыхьэнэкIэ зы гупу зэхохьэ. Ахэр кызырыкIуэ превербхэм я категорэм шыщ, иджырей адыгъбзэхэм зэрахэтымкIэ ахэр генетикэ и лъэныкыуэкIэ зы псалъэ лъэпкыгъуэ гуэрим пыпщIэфыркъым. АрщхьэкIэ теорие и лъэныкыуэкIэ убгъэдыхьэмэ, хуэбгъэфашэ хьунуш кызырыкIуэ шыплэ превербхэр шыплэ мыхьэнэ зиIэ цIэ псалъэпкхэм къатекIауэ. Апхуэдэу хуэбгъэфашэну хуит укъещI шыплэ мыхьэнэ пыухыкIа зиIэ, зыми емыпха псалъэ ирикъухэр шыплэ превербхэм хуэкIуэныр абхъаз-адыгъбзэхэм зэрахьэлым.

КызырыкIуэ преверб дэ-, и-, хэ-хэр къагъэсэбзп лэжыгъэцIэ хьейхэми мыхьейхэми я псалъэпкхэм пыту. ЛэжыгъэцIэ хьейхэм я псалъэпкхэм мы превербхэмкIэ кытекIа псалъэпкхэр къатохьукI, Iуэхугъуэм предметым къыпкырыкI е пкырыхэ унэтIыныгъэ зериIэр къагъэлыагъуэу. Мы превербхэр зи гъусэ мыхьей лэжыгъэцIэ псалъэпкхэм предмет гуэрим и кIуэцIым шыIэныр къагъэлыагъуэ, псалъэм папщIэ:

дэ-: *къалэм ды-хьэ-н, къалэм дэ-сын, пиIантIэм дэ-кIы-н, пиIантIэм дэ-тын;*

хэ-: *псым хэ-кIэ-н, псым хэ-сы-н, ятIэм хэ-нэ-н, уэсым хэ-куэ-н, уэсым хэ-ты-н, мэзым хы-хьэ-н, мэзым хэ-сы-н;*

и-: *жытым и-лхьэ-н, бытулкIэм и-кIэ-н, бытулкIэм и-лхьы-н, матэм и-кIутэ-н, матэм и-сы-н.*

Мы шапхьэхэм зэрыщыпIагъуэ, дэ-, хэ-, и- превербхэм «и кIуэцI» мыхьэнэр яIэщ. Ауэ, гу лъытапхьэщ, мы превербхэр, я мыхьэнэкIэ зыуэ щыт пэтми, преверб-зэмыхьэнэгъуэ зэхуэхьуркхэм. Апхуэдэу шыщытыр мыбыхэм ящыщ дэтхэнэ зы превербри шыIэцIэхэм я гуп убзыхуам зэрегъэбыдыларщ. ЛэжыгъэцIэ псалъэпкхэм «и кIуэцI» мыхьэнэр кызырыкI преверб гуэр хэту къэкIуэныр зэпхар синтаксис зэпыщIэныгъэкIэ лэжыгъэцIэм епха цыIэцIэраш. Абы цыгъуэми щытыкIэ щхьэхуэхэмкIэ зэпыщIа хьуа гурылуэгъуэ, зэхэщыкIыгъэ кээзыгъэлыагъуэ шыIэцIэхэр преверб хэхам епхаш. Абы кыхьэкIкIэ дэтхэнэ превербми и къэгъэсэбзпкIэнур гурылуэгъуэ зыщIыр абы епха цыIэцIэм и бжыгъэраш (и куэдагъыраш).

Нэхьыбэу узрихьэлIэр лэжыгъэцIэ псалъэпкхэм преверб хэ-р хэтын хуейуэ къыпхуэзыгъуэу шыIэцIэ гупырщ. Зи гугъуэ тщIы превербыр лэжыгъэцIэ псалъэпкхэм хэтын хуейуэ къыппэзубыдыр мыпхуэдэ мыхьэнэ зиIэ шыIэцIэхэрщ:

1) хьэпшып-пкъахуэ мыхьэнэ: *псы, лы, хугу, нартыху, прунж, гуэдз, мыIэрысэ, кхъужь, бжьын, фо, шыгъу, фошыгъу, махъсымэ, санэ, жызум, шIакхъуэ, кхъуей, шэ, гъуцI, дыцэ, жьы, нэху, уэс, уэих;*

2) телъагъуэкIа мыхьэнэ: *гукъеуэ, гуфIэгъуэ, гупсысэ, дыхьэиш, шIыIэ, хуабэ, мамырыгъэ, нэж, пIы;*

3) кызыэщIэзыкъуэ мыхьэнэ: *гуп, шIалэгъуалэ, зэихэр, ныбжъэгъухэр, бийхэр, дзэ.*

Нэхь мыхьэнэ пыухыкIахэр зиIэу къакIуэхэр и-, дэ- превербхэрщ. Преверб и-р зэгъэбыдылар гъуанэ, зэгучыплэ, зэгуэзыплэ зиIэ хьэпшып, кууагъ зиIэ зыри зэрымытыж шыплэ нэщI, н. кээзыгъэлыагъуэ шыIэцIэхэрщ, псалъэм папщIэ: *бытулкIэ, шакъалъэ, шыгъулъэ, фошыгъулъэ, жып, унэ, мацэ, гъуэ, гу, машинэ, кхъухь, кхъухьлътэ, тебэ, нэгун, теппэч, стэчан, матэ.*

Хэ-, и- превербхэм елыгтауэ преверб дэ-р нэхь мащIэрэ къагъэсэбзпхэм ящыщ, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ я бжыгъэкIэ абы егъэбыдылауэ къакIуэ шыIэцIэхэр куэд хьуркхэм. Преверб дэ-р лэжыгъэцIэ псалъэпкхэм хэтын хуейуэ мыпхуэдэ шыIэцIэхэм къалэн къагъэу: *къуажэ, къалэ, пиIантIэ, ныджэ, псыхъуэ, уэрам, пхъуантэ, шкаф.*

ПсалъэгъэпсыкIэ лIэужьыгъуэхуэ (*и*)*щIыб*, (*и*)*щIыбагъ*, *языхуаку* жыхуиIэхэми преверб дэ-р щыIэн хуейуэ кыппаубыдыр, псалъэм папщIэ: *абы и щIыб къыдзуащ*; *абы и щIыбагъым сьдэси*; *къалэр пситIым я зэхуакум дащIыхъащ*.

Преверб *щIэ*-м къегъэхуэ лэжыгъэцIэ псалъэпкъ хьейхэри мыхъейхэри, абы лэжыгъэцIэм и псалъэпкъым «*щIагъ*, *лъабжъэ*» мыхъэнэ хелъхъэ (елъыт: *щIэ* «лъащIэ»): *мывэфIамыщIыр щIым щIэлъы*; *пхъэцхъэмыщхъэр щIыунэм щIалъхъащ*; *щIалэр жыг щIагъым щIэси*.

Преверб *т(е)*-р къагъэсэбэп лэжыгъэцIэ хьейхэми мыхъей лэжыгъэцIэхэми ядэщIыгъуу, абы уегъэлыагъу лэжыгъэр предметым и щIыIумкIэ зэрыщекIуэкIыр, псалъэм папщIэ: *те-сын*, *те-лын*, *те-кIын*, *те-хын*, *те-щIэн*, *те-лхъэн*.

ЩыIпIэ къэзыгъэлыагъуэ дэ-, хэ-, и- превербхэм, иIэ теплъэм емылгытауэ, предметым и кIуэцIым щыIэ е щекIуэкI Iуэхугъуэ къэзымыгъэлыгъуэфхэм (нэгъуэщIу жыпIэмэ, щыIэцIэм и мыхъэнэм епхауэ щытхэм), къащхъэщыкIыу, преверб *т(е)*-м къегъэлыагъуэ предметым, абы сыт хуэдэ щытыкIэ имыIэми, и щIыIум щекIуэкI е щыIэ лэжыгъэ, псалъэм папщIэ: *псым т-е-лын*; *псым хэ-лын*; *матэм т-е-лын*; *матэм и-лын*; *пхъуантэм т-е-лын*; *пхъуантэм дэ-лын*.

Преверб *щы*-р къагъэсэбэп лэжыгъэцIэ хьейхэми мыхъейхэми я псалъэпкъым дэщIыгъуу. Абы и сэбэпкIэ къохуэ лэжыгъэцIэ хьейхэм я псалъэпкъым и лексикэ гъэпсыкIэ нэхъыщхъэр: *щысын*, *щытын*, *щылын*.

Мы лэжыгъэцIэхэм *щы*- превербым щыIпIэ мыхъэнэ щийэкъым. Абы щыхъэт тохуэ преверб *щы*-м и фIыгъэкIэ къэхуа мы лэжыгъэцIэ хьейхэр зи субъектым и пыухыкIа щыIпIэ кыщымыгъэлыгъуа псалъухам кызырыщагъэсэбэпыр: *ар жэщкIэ куэдэр щыси*; *сэ нобэ сыщыси* (нэгъуэщIу жыпIэмэ, *сылажъэркъым*, *зызогъэпсэхур*).

Преверб *щы*-м езым и щыIпIэ мыхъэнэр имыIэжыныр нэхъ иужькIэ къэхуа Iуэхуш. Преверб *щы*-м япэм уигъэлыагъурт Iуэхугъуэр предметым и щIыIумкIэ кызырыщыхур, зырыщалэжыр. А хуэгъэфэщэныгъэм и тегъэщIапIэ нэхъыщхъэу мэуэ а превербым нобэр къыздэсым езым и этимологиекIэ иIа мыхъэнэм и лэужьыр зэрихумэр. ИщхъэкIэ кызырыщыгъэлыгъуащи, превербым уегъэлыагъу предметым и щытыкIэм емылгытауэ абы и щIыIумкIэ Iуэхугъуэр зэрыщекIуэкIыныр, нэгъуэщIу жыпIэмэ, а превербым епхауэ къакIуэ щыIэцIэ гупым я бжыгъэр гъунапкъэншэщ.

АрщхъэкIэ цIэхэм щышу хэкIыгъэ мэхуэ *щIы* псалъэр. ЩIы щыIум щийэ щытыкIэр къэбгъэлыагъуэ хъунуш преверб *щы*-кIэ къэхуа лэжыгъэцIэ хьейхэм я псалъэпкъэхэмкIэ, еплъ: *щIым щысын*; *щIым щылын*.

Преверб *щы*-м иIа мыхъэнэр хъума шохур лэжыгъэцIэ мыхъей зыбжанэм, псалъэм папщIэ: *щыхун*, *щыдзын*, *щыхуэн*, *щыцIэлъын*, *щытIэгъэн*.

Мы преверб дьдэр хэтщ лэжыгъэцIэхэм: *щыкIын*, *щыуэн*.

Аращи, преверб *щы*-р и тхьдэкIэ щыIпIэ превербу шыташ.

Абы кыкIыращи, предметым и щыIум шрагъэкIуэкI Iуэхугъуэр лэжыгъэцIэм преверб *т*-м имызакъуэу преверб *щы*-кIи кыщыгъэлыагъуа мэхуэ.

Нэрылыагъуш предметым и кIуэцIым щыIэ щытыкIэмрэ щалэжэ Iуэхугъуэмрэ а предметхэм я теплъэм елытауэ преверб зэмыщхъэхэмкIэ къагъэлыагъуэу зэрыщытар. Арыншамэ, а «щысын» лэжыгъэцIэм и гъусэу преверб зэмыщхъэр кыщIагъэсэбэпыр кыжыпIэну гугъу мэхуэ.

Абы ехъэлIауэ гу зылъыуегъатэ *цхъэ-щы*- преверб зэхалъым. Абы и япэ Iыхъэр *цхъэ* псалъэм епхаш, етIуанэр *щы*- превербырщ. ЯзыныкIуэкIэрэ къэхугъэхэм преверб *цхъэщы*-р кыщокIуэ преверб *щы*-м и мыхъэнэгъуу, абы ипкъ иткIэ гурыIуэгъуэ мэхуэ иужьрейм и япэрей мыхъэнэр, псалъэм папщIэ: *бгым цхъэщыхун*, *бгым щыхун*.

Преверб *фIэ*-м лэжыгъэцIэ хьейхэми мыхъейхэми я псалъэпкъэр къегъэхуэ. Мы лъабжъэпэм и фIыгъэкIэ къэхуа лэжыгъэцIэхэм я псалъэпкъэхэм къагъэлыагъуэр:

предметым и шылым е и клапэ дыдэм шылэ шытыклэ е щеклуэклэ луэхугъуэ: *флэлын*, и *пэм флэтын*;

предметым и шылым шылэ шытыклэ: *блыным флэлын* (кызыриклэ дыдэу: блыным телтын); *клапсэм флэлын* (кызыриклэ дыдэу: клапсэм телтын); *пыщлэн*; *флэдэн*; *флэсысыхын*.

Абы нэмышыклэ, *флэ-* преверб зэхэт лэжыгъэцлэ хъейхэм я псалъэпкхэм, зыгуэрым и шылы е предметым и клапэ дыдэм кышыхуэ луэхугъуэ; предметым и папщлэм, абы и клапэм хуэунэтлэ, е предметым и клапэмклэ кыклэ луэхугъуэ: *флэлхээн*, *флэлын*, *флэхын*.

Езым и макъ зэхэлъыклэклэ шыплэ преверб *флэ-*р ещхыщ зыхуэгъэза категорэм и лъабжьэгъусэ *флэ-*м, елыт: *флэдзын* «зыгуэрым флэтыр, флэдзар пыпхуэту дзын, пыдзын» // *флэдзын* «зыгуэр хуэмейуэ, флэмыфлу зыгуэр дзын»: *цхээфлэнхыкыр флэдзын*; *клапсэм флэль жьыщлыгъэр флэдзын*; *топыр флэдзын*; *башыр флэдзын*; *флэдэн* «зыгуэрым и клапэм зыгуэр пыдэн» // *флэдэн* «зыгуэрым имыдэу, флэмыфлу зыгуэр дын». Нэрылъагъуш макъ гуэрхэм захуэжкларэ лъабжьэгъусэхэр луклэзэщхэ зэрызэхуэхуар.

Преверб *пы-*. Мы превербымклэ кэхъуа лэжыгъэцлэ псалъэпкхэм къагэлъагъуэ зыгуэрым и пэмклэ шылэ шытыклэрэ щеклуэклэ луэхугъуэрэ, псалъэм папщлэ: *пытын* «зыгуэрым пыщэу зы гунапкъэ гуэр ялэу шытын; н.ж. и пэм иту шылэн, шытын»; *пысын* «зыгуэрым и клапэм тесу шытын; н.ж. и пэмклэ шысын»; *пыхээн* «зыгуэр зыгуэрым пыувэн, зехуакъ имылэу еклэуэлэн, н.ж. и пэмклэ пыувэн»; *пыхын* «щыхын, флэхын и гупэмклэ», *пыдэн* «и гупэмклэ пыдэн».

Преверб *пы-*р абхъазыбзэми абазэбзэми кышшагъэсэбпыр, а мыхъэнэ дыдэр кыгэлъагъуэу, псалъэм папщлэ: абхъазыбзэм *а-пылара* «лушлэн, хуэклэуэ пежбэн».

Абхъаз-адыгэзэдаибзэм преверб *пы-*м кэжыаплэ щыхуэхуаш *нэ* цлэ псалъэпкы: хуэпхэ хуэнуш клэхэбзэ-кэбэрдей-шэрджэсыбзэ *нэ*, абхъаз-абазэбзэ *а-пынцлэ* «пэ», «зыгуэрым ипэ ит лыхэ».

Езым и мыхъэнэклэ *пы-* превербыр *флэ-* превербым пэгъунэгъуш. Мы превербхэм, языныкхуэхэм деж, зым и плэ адреир ибгъэувзфынуш, псалъэм папщлэ:

<i>жыг цхээклэм пысц</i>	}	«жыг цхээклэм тесын»
<i>жыг цхээклэм флэсц</i>		
<i>бжэгъум пылщ</i>	}	«бжэгъу клапэм шылэн»
<i>бжэгъум флэльщ</i>		
<i>къудамэм пыщлэн</i>	}	«къудамэм епхын, пыщлэн»
<i>къудамэм флэщлэн</i>		

Преверб зэхэлъ *хыфлэ-*р кызырыклэуэ преверб *хы-*рэ *флэ-*уэ зэхэтщ. Абы хыхэ лыхэхэр лэжыгъэцлэ лъэлэхэми лэмылэхэми я псалъэпкхэм кышшыклэуэ шытми, преверб зэхэлъ *хыфлэ-*р зыпыщлэ хуэр зеклуэныгъэ мыхъэнэ зилэ языныкхуэ лэжыгъэцлэ лъэлэхэм я псалъэпкэ къудейхэрщ. Преверб зэхэлъ *хыфлэ-*м и мыхъэнэри кыхэхкыркхым абы хыхэ преверб кызырыклэуэхуэ *хы-*мрэ *флэ-*мрэ я мыхъэнэхэр зэулу пщыкли, елыт: *хыфлэ-хуэ-н* «хуабжыу дзын, тедзэн, хыфлэдзэн» (*ху-н* лэжыгъэцлэ псалъэпкхым кытеклаш); *хыфлэ-дзэ-н* «бдзыуэ зыгуэр утлщын, хыфлэутлщхээн, зылэщлэгъэклын» (*дзы-н* лэжыгъэцлэ псалъэпкхым кытеклаш). Зэрынэрылъагъуши, преверб *хыфлэ-*клэ кэхъу лэжыгъэцлэм и псалъэпкхым макъешэ *ы-*р *э-*м щыхуоклуэ.

Преверб *нэры*-м хохъэ цӀэм кытекӀа преверб *нэ*-мрэ *ры*- Ӏыхьэмрэ. *Ры*-Ӏыхьэр цӀэм кытекӀа превербымрэ лэжыгъэцӀэ псалъэпкъымрэ я зэпылтыпӀэм кыдэхуэ фонетикэ пыхуэу кыщӀэкӀынууш. Ӏльабжэм зырыщылтагъунуши, сонорнэ макъ дэкӀуашэ куэдрэ цӀэм кытекӀа щӀыпӀэ превербхэм къапоувэ. И мыхьэнэкӀэ *нэры*-превербыр пэгъунэгъуш *ны*- превербым, псалъэм папщӀэ: *нэрытын*; *нэрылын*; *нэрыхьэн*; *нэрылӀэдэн*; *нэрылӀхьэн*.

Зэхэлъу къакӀуэ **преверб** *нэщӀэ*-р кызырыкӀуэ превербитӀу, *нэ*-рэ *щӀэ*-уэ, зэхэтщ. А превербым иджырейбзэм щӀэ мыхьэнэр къэхьуркъым абы и Ӏыхьэхэм яӀэ мыхьэнэхэр зэхэлъхьэу зы пщӀыкӀэ. ЕтӀуанэ Ӏыхьэ *щӀэ*-м и мыхьэнэр фӀэкӀуэдаш, преверб *нэ*-м шыпыувэм. Преверб *нэщӀэ*-р поувэ лэжыгъэцӀэ лӀэӀэсхэми лэмыӀэсхэми я псалъэпкъхэм, псалъэм папщӀэ: *нэщӀэдзын* «зыгуэрым и пэкӀэ шылтыр кыӀудзын, кыщӀэутӀыпщыкӀын»; *нэщӀэкӀын* «зыгуэрым и пэм икӀын, кыпэщӀэкӀуэтын»; *нэщӀэхын* «зыгуэр и пэм ихын, къэштауэ Ӏухын»; *нэщӀэлӀэдэн* «зыгуэрым и пэм жэрыгъэкӀэ ихьэн»; *нэщӀэкӀуэтэн* «зыгуэрым и пэмкӀэ пэщӀыхьэн е екӀуэтэлэн»; *нэщӀэтын* «и гупэмкӀэ пэувауэ шытын».

Мы дызытепсэлтыхь преверб зэхэлъым иӀэщ нэгъуэщӀ фонетикэ ӀукӀэу *ныщӀэ*-, елыт: *нэщӀэхуэн* // *ныщӀэхуэн*; *нэщӀэувэн* // *ныщӀэувэн*.

Преверб *кӀуэ*-. ЛэжыгъэцӀэ лӀабжыгъусэхуэ мы щӀыпӀэ превербыр пыувэкӀэрэ къэхьухэм къагъэлыагъуэ предмет гуэрым и кӀуагъ е зыгуэрым и щӀыбагъ щӀэ шытыкӀэрэ щекӀуэкӀ Ӏуэхугъуэрэ, апхуэдэуи предметым и щӀыбагъымкӀэ гъэза е абыкӀэ кыкӀ унэтӀыныгъэ. Щапхьэхэр: *кӀуэлӀын* «предмет гуэрым и кӀуагъым зыгуэр шыщылтын, шыщӀын»; *кӀуэсын* «предмет гуэрым и щӀыбагъым дэсын, и кӀуагъ гуэрым деж шысын»; *кӀуэтын* «предмет гуэрым и щӀыбагъым дэтын, и кӀуагъ шыщытын»; *кӀуэщӀыхьын* «зыгуэрым и щӀыбкӀэ, щӀыбагъымкӀэ зыгуэр шыщӀын, шыухуэн»; *кӀуэхьэн* «зыгуэр пхьыурэ кӀуэгъэнапӀэм кыщыгъэхутэн»; *кӀуэкӀын* «укӀуэрэ зыгуэрым и кӀуагъым блэкӀын, фӀэкӀын».

ЩӀыпӀэ преверб *кӀуэ*-р генетикэкӀэ епхаш *кӀуагъ* псалъэужьым, «зыгуэрым и щӀыбкӀэ», «адрей и лӀэныкӀуэмкӀэ щӀэ щӀыпӀэ, кӀуэгъэнапӀэ» зи мыхьэнэм: елыт: *унэ кӀуагъым* «унэм и щӀыбагъым» // *и кӀуагъ* «абы и щӀыбкӀэ, щӀыбымкӀэ».

Преверб *лӀы*-р кызытекӀар адыгъэздаибзэм и цӀэ псалъэпкъ *лӀэ*-раш, «лӀэкӀуампӀэ», «лӀакӀуэ», «зыгуэрым и , лӀашӀэ» мыхьэнэхэр кыгъэлыагъуэ. Преверб *лӀэ*-м и фӀыгъэкӀэ кӀохьур лэжыгъэцӀэ хьейхэм я псалъэпкъхэр, абыхэм зыгуэрым и ужь ит, кыкӀэлъыкӀуэ лэжыгъэ, кӀуэныгъэ къагъэлыагъуэ: *лӀыщӀэхьэн* «зыгуэрым кӀэлъыкӀуэрэ, кӀэлъыжӀуэрэ кӀэщӀыхьэн»; *лӀыкӀуэтэн* «зыгуэрым и ужь иту кӀуэн, кӀуэтэн».

ЩӀыпӀэ преверб *лӀы*-м и этимологии мыхьэнэр хъума шыхьуаш мыпхуэдэ кытекӀа псалъэпкъхэм: *лӀытӀэгъэн* (лӀакӀуэм (вакӀэ) фӀэлъхьэн); *лӀыхын* (лӀакӀуэм лӀыгъыр фӀэхын). Елыт: *Ӏыхын* «зыгуэрым зыгуэр кыӀэщӀэхын, зрегъэтын», *щхьэрытӀэгъэн* «зыгуэр (пыӀэ с.ху.) щхьэм фӀэлъхьэн».

Преверб *лӀы*-р гуэгъу хуохъу лэжыгъэцӀэ мыхьейхэм я псалъэпкъхэм ящыщ псалъэпкъ *гъ*-м: *вакӀэ слӀыгъыщ* (си лӀакӀуэм вакӀэ лӀытӀэгъауэ щытш).

Преверб зэхэлъ *кӀэлъы*-р кызырыкӀуэ превербитӀу зэхэтщ: *кӀэ*- + *лӀэ*-. И мыхьэнэкӀэ *кӀэлъы*- превербыр *лӀы*-превербым пэгъунэгъуш: *кӀэлъыжэн* «зыгуэрым и ужь иту жэн»; *кӀэлъыхьын* «зыгуэрым и ужь иту, кӀэлъыкӀуэу зыгуэр хьын, иужькӀэ зыгуэрым зыгуэр хуэхьын»; *кӀэлъыдзын* «зыгуэрым кӀэлъыкӀуэу е иужьымкӀэ зыгуэр дзын».

Зыгуэрым и ужькӀэ къэхьу Ӏуэхугъуэ, зекӀуэныгъэ *лӀы*- превербым и закӀуэкӀэ къэгъэлыгъуэныр бзэм и пасэррей шытыкӀэщ. А превербым и къалэныр превербитӀым – *кӀэ*-мрэ *лӀы*-мрэ – ятегуэша хъуныр иужькӀэщ кыщцежъар. Абы шыхьэт тохуэ зэмыхьэнэгъухуэ къакӀуэ псалъэпкъхэм къатекӀа лӀэужьыгъуэхэр: *лӀыщӀэхьэн* // *кӀэлъыщӀэхьэн*; *лӀыкӀуэтэн* // *кӀэлъыкӀуэтэн*; *лӀэхьэжьэн* // *кӀэлъэхьэжьэн*.

Адыгэздаибзэм хэтактым зэхэлъу къаклуэ *кIэлы-*превербыр. Адыгэздаибзэм а и шытыклар нобэр кыздэсым клахэбзэм кышызэтенащ, елыт: клахэбзэм *лы-джэн*, адыгэбзэм *кIэлыджэн* «лукыжым, ппэлэщIэ хьум еджэн».

Преверб *блэ-*р кызытеклар цIэ псалъэпкырыщ, елыт: *блэ* «Iэблэ». Мы *блэ-*превербымкIэ къоху лэжыгыгэлъагыу хьейхэм я псалъэпкыхэр, Iуэхугуэр зыгуэрым пэгунэгъуу, и бгъумкIэ блэкIуу кIуэныгъэ мыхьэнэ къагэлъагыуу: *блэлъэтын* «лээтауэ зыгуэрым блэкIын»; *блэхын* «зыгуэрым пэгунэгъуу блэкIуу зыгуэр хьын»; *блэжын* «жэурэ зыгуэрым блэкIын»; *блэшын* «зыгуэр пшэурэ зыгуэрым блэкIын».

Мы дызытепсалъыхь превербыр убыхыбзэми хэтщ, ауэ абы нэгъуэщI мыхьэнэщ кышыгэлъагыуэр, елыт: убыхыбзэ *сы-бла-с* «сэ зыгуэрым и кIуэцIым, и кум сисщ, сыщылэщ»; *сы-бла-лэ* «сэ зыгуэрым и кIуэцIым, и кум силъщ»; *сы-бла-т* «сэ зыгуэрым и кIуэцIым ситщ, сыщылэщ».

Преверб *гуэ-*м къежыплэ хуэхуащ *гу-* цIэ псалъэпкыры, «цIыхум, шэрыпI псэущхэхэм, тхы къупщхэ зIэхэм я лъыр мардэм тету зезыгъаклуэу бгъэм илтыр» (елыт: убыхыбзэм и преверб *гь-*р кызытеклар убых цIэ псалъэпкы *гьы-*щ «гу»). Преверб *блэ-*м кышхьэщыкIуу, преверб *гуэ-*р къагэсэбэп лэжыгыгэлъагыу хьейхэми мыхьейхэми я псалъэпкыхэм я гъусэу. Лэжыгыгэлъагыу мыхьейхэм я псалъэпкыхэм преверб *гуэ-*р хэту кышыкIуэм деж, абыхэм зыгуэрым и бгъумкIэ щылэ шытыкIэ къагэлъагыуэ, псалъэм папщIэ: *гуэсын* «зыгуэрым и гъунэгъуу, и бгъумкIэ шысын»; *гуэтын* «зыгуэрым и гъунэгъуу, и бгъумкIэ шытын»; *гуэльын* «зыгуэрым и гъунэгъуу, и бгъумкIэ шылын».

Преверб *гуэ-*кIэ къэхуа лэжыгыгэлъагыу хьейхэм я псалъэпкыхэм къагэлъагыуэ предметым шыщ хуныгъэ, абы кыпыщхэхукIыныгъэ, хуэкIуэныгъэ е абы кыбгъэдэкIыныгъэ мыхьэнэхэр, псалъэм папщIэ: *гуэцIэн* «зыгуэрым зыгуэр епхауэ шыухуэн»; *гуэдэн* «зыгуэрым зыгуэр пьдэн»; *гуэхьэн* «зыгуэрым шыщ хьун»; *гуэхын* «зыгуэрым зыгуэр пэлэщIэ щын»; *гуэуэн* «зыгуэрым пэгунэгъуу зыгуэр увын»; *гуэун* «зыгуэрым и бгъум зыгуэр кIэрыхун».

Преверб *кIуэцIы-*р кызытеклар псалъэпкы *кIуэцI* жыхуиIэращ. *КIуэцI* цIэ псалъэпкыры кытекIащ, мыпхуэдэу зэхэтщ: *кIуэ* + *цIы*. Япэ Iыхьэ *кIуэ-*р пыщIащ абхъаз-абазэбзэм и *кIуа* «гуфIакIэ» псалъэпкыым. Абхъаз-абазэбзэ псалъэпкыым и къежыплэ хуар щыплэ преверб *кIуа-*рщ, елыт: абхъ. *а-кIуа-ла-ра* «и гуфIакIэм щылэн (дэлын)». Преверб *кIуэ-цIы-*м и етIуанэ Iыхьэм и къэхьукIэр зэхэщIыкIыгъуэ дыдэу щыткыым. Ар и мыхьэнэкли, и фонетикэ теплэкIи абхъаз-абазэбзэм и *а-цIа* «щIагъ, щIэ» цIэм хэплъагыуэ преверб *цIа-*м ещхьщ.

КIуэцIы- превербымкIэ къоху мыхьей лэжыгыгэлъагыу хьейхэм я псалъэпкыхэр, зыгуэрым (предметым) и кIуэцIымкIэ щылэныгъэ къагэлъагыуу, псалъэм папщIэ: *кIуэцIытын* «зыгуэрым кIуэцIыгуауэ шытын, и кIуэцIым щылэн»; *кIуэцIысын* «зыгуэрым и кIуэцIым шыщысын»; *кIуэцIылын* «зыгуэрым и кIуэцIым шыщылэн, шыщылтын».

Лэжыгыгэлъагыу хьейхэм я псалъэпкыхэм преверб *кIуэцIы-*р шапыувэкIэ къагэлъагыуэ Iуэхугуэр предметым и кIуэцIым кышыхуу, и кIуэцIымкIэ унэтIыныгъэ, е предметым и кIуэцIымкIэ кыкIыныгъэ, псалъэм папщIэ: *кIуэцIыдэн* «зыгуэрым и кIуэцIым мастэIуданэкIэ зыгуэр иIулэн, зыгуэрым кIуэцIыльхуауэ дын, къэдыхьын»; *кIуэцIыльхьэн* «зыгуэр къешэкIын, зыгуэрым и кум зыгуэр ильхьэн»; *кIуэцIыхын* «зыкIуэцIылым кыхын»; *кIуэцIыIун* «зыгуэрым зыгуэр хэлун»; *кIуэцIыкIын* «зыщIыплэ кыхэкIыжын, кыщIэкIыжын, пхрыкIын»; *кIуэцIыхьэн* «зыгуэрым и кIуэцIым ихьэн».

Преверб *кIуэцIыры-* Мы превербым хэт *р-* Iыхьэр – пыхуэщ. Преверб къэдгэлъэгъуамкIэ къоху лэжыгыгэлъагыу хьейхэм я псалъэпкыхэр, зыгуэрым (предметым) кIуэцIрыкI, пхыкI унэтIыныгъэ, лэжыгыгъэ къагэлъагыуу, псалъэм папщIэ: *кIуэцI(ы)рыкIын* «зыгуэрым и кIуэцIымкIэ пхыкIын»; *кIуэцI(ы)рыжын* «зыгуэрым и кIуэцIымкIэ пхыжын»; *кIуэцI(ы)рыпIлын* «зыгуэрым и кIуэцIымкIэ

пхыплъын»; *кӀуэцӀ(ы)рыщӀыкӀын* «зыгуэрэм и кӀуэцӀымкӀэ гъуэгу пхыщӀыкӀын, пхыудын».

Преверб *пхы-р* и мыхъэнэкӀэ пэгъунэгъуш преверб *кӀуэцӀыры-м*, псалъэм папщӀэ: *пхыкӀын // кӀуэцӀ(ы)рыкӀын* «зыгуэрэм и кӀуэцӀымкӀэ пхрыкӀыу кӀуэн»; *пхыжын // кӀуэцӀ(ы)рыжын* «зыгуэрэм и кӀуэцӀымкӀэ пхрыкӀыу жэн»; *пхышын // кӀуэцӀ(ы)рышын* «зыгуэрэм и кӀуэцӀымкӀэ пхрыкӀыу зыгуэр ишын»; *пхылъэфын // кӀуэцӀ(ы)рылъэфын* «зыгуэрэм и кӀуэцӀымкӀэ пхрыкӀыу зыгуэр илъэфын».

Мы превербым *ры-* пыхъуэ хэувауэ *пхыр-* теплъэр иӀэу къэкӀуэфынуш, псалъэм папщӀэ: *пхыудын // пх(ы)рыудын* «зыгуэрэм уеуэрэ гъуанэ пхрыщӀыкӀын»; *пхыхын // пх(ы)рыхын* «зыгуэрэм гъуанэ пхыщӀыкӀын»; *пхыплъын // пх(ы)рыплъын* «зыгуэрэм укӀуэцӀрыплъурэ лъагъун».

Преверб *лу-*мрэ адыгэ лэжыгъэцӀэ хъейм *лу-н* «жылэн, псалъэн» жыхуиӀэм и псалъэпкьымрэ я къэхъукӀэкӀэ зыщ. Преверб *лу-*ми лэжыгъэцӀэ псалъэпкь *лу-н* ми я къежапӀэш адыгэзэдаибзэм и *лу* «жъэ» цӀэ псалъэпкьыр.

ЛэжыгъэцӀэ мыхъейхэм я псалъэпкьхэм *лу-* преверб шапыувэкӀэ зыгуэрэм и гъунэгъуу щылъыгъэ мыхъэнэ къагъэлъагъуэ, псалъэм папщӀэ: *лутын* «зыгуэрэм и гупэм, и лухъэпӀэм деж шытын»; *лусын* «зыгуэрэм и гупэм, луфэм деж шысын»; *лутъын* «зыгуэрэм и гъунэгъуу шылын, бгъэдэлъын».

ЛэжыгъэцӀэ хъейхэм я псалъэпкьхэм преверб *лу-р* шащӀыгъукӀэ предметым и гъунэгъу луэхугъуэ, предметым хуэкӀуэныгъэ, е абы къыбгъэдэкӀыныгъэ къагъэлъагъуэ, псалъэм папщӀэ: *лувэн* «зыгуэрэм и гупэм деж шыувын»; *лухын* «зыгуэр зэцӀэкъуэжын, лугъэкӀуэтыжын, щӀэхыжын, лугъэкӀуэтын»; *лухъэн* «зыгуэрэм и гупэм, и лухъэпӀэм деж екӀуэлӀэн»; *лукӀын* «зыгуэрэм пыӀукӀуэтын, пӀэцӀэкӀын, бгъэдэкӀын».

Преверб *бгъэдэ-р* зэхэлъу къакӀуэхэм ящыщ. *Бгъэдэ-м* и япэ лыхъэр къызытекӀар *бгъэ-* цӀэ псалъэпкьырщ. Мы превербым и етӀуанэ лыхъэр адыгэзэдаибзэм и щыплӀэ къэзыгъэлъагъуэ *дэ-* превербыраш, псалъэм папщӀэ: *пцӀантӀэм дэтын*.

И мыхъэнэкӀэ *бгъэдэ-* превербыр пэгъунэгъуш *лу-* превербым. Мыхъей лэжыгъэцӀэхэм я псалъэпкьхэм мы превербыр шапыувэкӀэ предмет гуэрэм и гъунэгъуу шытыкӀэ къагъэлъагъуэ, псалъэм папщӀэ: *бгъэдэтын* «зыгуэрэм и гъунэгъуу шытын»; *бгъэдэсын* «зыгуэрэм и гъунэгъуу шысын»; *бгъэдэлъын* «зыгуэрэм и гъунэгъуу шылын».

Преверб *бгъэдэ-р* зи гъусэ лэжыгъэцӀэ хъейхэм я псалъэпкьхэм къагъэлъагъуэ предметым къыбгъэдэкӀ е предметым хуэкӀуэ унэтӀыныгъэ, псалъэм папщӀэ: *бгъэдыхъэн* «зыгуэрэм гъунэгъу зыхуэщӀын»; *бгъэдэкӀын* «зыгуэрэм пӀэщӀэ зыхуэщӀын»; *бгъэдэдзэн* «зыгуэрэм пэгъунэгъуу зыгуэр дзын»; *бгъэдэхын* «зыгуэрэм бгъэдэлъ гуэр лухын».

И мыхъэнэкӀэ преверб *бгъэдэ-р* пэгъунэгъуш *нэры-м*, елът: *бгъэдэсын*, *нэрысын* «зыгуэрэм и гупэмкӀэ е и гъусэу, и гъунэгъуу шысын».

Елът: *убых сыбгъас* «зыгуэрэм и щылу сисщ»; *сыбгъалъ* «зыгуэрэм и щылу, и шыгум сытелът»; *сыбгъат* «зыгуэрэм и щылу, и шыгум сытетт, сыщыӀэщ».

Преверб *бгъуры-*. Мы превербым и япэ лыхъэр *бгъу* «джабэ» псалъэм къытекӀаш; *р-* лыхъэр пыхъуэщ. Мыхъей лэжыгъэцӀэхэм я псалъэпкьхэми лэжыгъэцӀэ хъейхэм я псалъэпкьхэми я гъусэу къагъэсэбзп. Мы превербымкӀэ къэхъуа псалъэпкьхэм ибгъукӀэ, пэгъунэгъуу щылъыгъэ е предметым ибгъу лъэныкъуэм егъэщӀыла луэхугъуэ къагъэлъагъуэ. Шапхъэхэр: *бгъурысын* «зыгуэрэм пэгъунэгъуу шысын»; *бгъурытын* «зыгуэрэм пэгъунэгъуу шытын»; *бгъурылъын* «зыгуэрэм пэгъунэгъуу шытын»; *бгъурыхъэн* «зыгуэрэм пэгъунэгъуу зыгуэр щын»; *бгъурытӀыхъэн* «зыгуэрэм пэгъунэгъуу тӀысын»; *бгъурыщӀэн* «зыгуэрэм и гъунэгъуу, ибгъумкӀэ зыгуэр пыщӀэн, шыухуэн».

УнэтӀыныгъэ къэзыгъэлъагъуэ лэжыгъэцӀэхэм преверб *бгъуры-р* блэ-превербым и мыхъэнэгъуу къыщокӀуэ, псалъэм папщӀэ: *бгъурыхын // блэхын*; *бгъурыкӀын // блэкӀын*; *бгъурыжын // блэжын*.

Преверб *клары*-р цIэм кытекIа *кIэ*- Iыхэмрэ («зыгуэр шиух, иужь ит, языныкыуэ псэущхэхэм я пкыыр зериухыу пытыр») фонетикэ пыхыуэ *р*- Iыхэмрэ зэхохьэри кыагэхьу. Мы превербыр зи гъусэу кыагъуэ лэжыгъэцIэ псалъэпкъхэм зыгуэрым и щыIум, и кIэм (и джабэм), егъзыыхыгъуэ гуэрым, зыгуэрым и гъунэгъуу шыIэ шытыкIэрэ кыщыхыу Iуэхугъуэрэ кыагэлъагъуэ, псалъэм папщIэ: *кларысын* «зыгуэрым и щхьэм/джабэм кытесын/кларысын»; *кларыщIэн* «зыгуэрым и джабэмкIэ зыгуэр егъзубыдын»; *кларылхьэн* «зыгуэрым и джабэмкIэ зыгуэр егъзубыдын»; *кларыгуэлхьэн* «зыгуэрым и джабэмкIэ, и бгъумкIэ шыгъуэлхьэн».

Преверб *жъэхэ*- Япэ Iыхэм кьежыапIэ хуэхъуаш *жъэ* цIэ псалъэпкъыр, етIуанэ Iыхэр адыгэзэдаибзэм и кызырыкIуэ шыплэ преверб *хэ*-рщ (кIахэ-адыгэ *псым хэсын*). И мыхьэнкIэ *жъэхэ*- преверб зэхэтыр япэгъунэгъуш *Iу*-, *бгъэдэ*-превербхэм.

Преверб *жъэхэ*- зи гъусэ мыхьей лэжыгъэцIэхэм я псалъэпкъхэм зыгуэрым и гъунэгъуу шыIэныгъэ кыагэлъагъуэ, псалъэм папщIэ: *жъэхэтын* «зыгуэрым и папщхэ итын»; *жъэхэсын* «зыгуэрым и папщхэ исын».

Преверб *жъэхэ*-р лэжыгъэцIэ хьейхэм я псалъэпкъхэми япыту кыагэсэбэп, псалъэм папщIэ: *жъэхэхьэн* «гъунэгъубзэу зыгуэрым бгъэдыхьэн», *жъэхэлъэдэн* «гъунэгъубзэу зыгуэрым бгъэдэлъэдэн», *жъэхэкIуэтэн* «гъунэгъубзэу зыгуэрым бгъэдэкIуэтэн».

Преверб *цхьэдэ*- Япэ Iыхэр кызытекIар адыгэзэдаибзэ псалъэпкъ *цхьэ*-раш, етIуанэ Iыхэр кызырыкIуэ преверб *дэ*-щ (*ницIантIэм дэтын*).

Преверб *цхьэдэ*-кIэ лэжыгъэцIэ хьейхэм я псалъэпкъхэр кьохъу, унэтIыныгъэр предмет гуэрым щхьэпрыкIыу кызырыхьур кыагэлъагъуэ, псалъэм папщIэ: *цхьэдэхын* «зыгуэрым ебэкъуэн, щхьэпрыпщын»; *цхьэдэдзын* «зыгуэрым зыгуэр щхьэпрыдзын»; *цхьэдэхун* «зыгуэрым щхьэпрыкIыу зыгуэр зыщыплэ хун».

Преверб *цхьэры*-м щхьэ, предметым и щхьэ Iыхэ уегъаплъэ. Мы превербымкIэ кьохъу лэжыгъэцIэ хьейхэми мыхьейхэми я псалъэпкъхэр, псалъэм папщIэ: *цхьэрысын* «зыгуэрым и щхьэмкIэ зыгуэр шысын»; *цхьэрытын* «зыгуэрым и щхьэмкIэ зыгуэр шытын»; *цхьэрылхьэн* «зыгуэрым и щхьэмкIэ зыгуэр шылхьэн»; *цхьэрыхын* «зыгуэрым и щхьэм зыгуэр шыхын, фIэхын»; *цхьэрытIэгъэн* «зыгуэрым и щхьэм зыгуэр фIэлхьэн, шытIэгъэн».

Мыбы хэт *р*- Iыхэр фонетикэ пыхыуэщ.

Преверб *цхьэщы*- Преверб *цхьэщы*-р IыхьитIу зэхэтщ: япэ Iыхэр – *цхьэ* псалъэрщ, етIуанэ Iыхэр – кызырыкIуэ преверб *щы*-рщ. И мыхьэнкIэ *цхьэщы*-р япэгъунэгъуш *цхьэдэ*-, *цхьэры*- превербхэм, псалъэм папщIэ: *цхьэщытын* «и щхьэмкIэ зыгуэр кытетын, шытын»; *цхьэщылхьэн* «и щхьэмкIэ зыгуэр кытелхьэн, шылхьэн»; *цхьэщыкIын* «и щхьэмкIэ зыгуэр текIын»; *цхьэщыхын* «и щхьэмкIэ зыгуэр шыхын, техын».

Преверб *цхьэпыры*- Зэрызэхэт елыгтакIэ мыбы хохъэ: *цхьэ*, *пы* (*пэ*), *р*-. *Р*- Iыхэр мыбдежми пыхыуэщ. Преверб *цхьэпыры*-р лэжыгъэцIэ хьейхэм я псалъэпкъхэм я гъусэу кыагэсэбэп. И мыхьэнкIэ *цхьэпыры*-р пэгъунэгъуш *цхьэщы*-превербым. Елыт: *цхьэп(ы)рыкIын*//*цхьэщыкIын*; *цхьэп(ы)рылхьэтын*//*цхьэщылхьэтын*.

Преверб *Iэны*- КызытекIар компонентитIу зэхэт *Iэнэ* «Iэпхуамбэ» псалъэпкъ зэхэлырщ: *Iэ* «щIыхум и дамэм кыщегъэжъауэ IэпхуамбэхэмкIэ иух Iэпкълэпкъ», *пэ* «кыегъэжъапIэ, зыгуэрым и кыщIэдзапIэ Iыхьэ». И мыхьэнкIэ преверб *Iэны*-р пэгъунэгъуш *IэщIэ*-м. Ауэ, *IэщIэ*-м кыщхьэщыкIыу, *Iэны*- превербыр зыпыгуэр лэжыгъэцIэ хьей псалъэпкъхэм ящыщ зымащIэрщ, псалъэм папщIэ: *IэныкIын* «зыгуэрым и унафэм щIэкIын, IукIыжын, хыфIэдзэн»; *Iэныхун* «Iэм IэщIэлъ гуэр IэщIэкIын». Елыт: *Iэрыхьэн* «Iэм зыгуэр IэщIэлъ хьун»; *IэрытIэгъэн* «Iэм зыгуэр шытIэгъэн, фIэлхьэн», *Iэрыхын* «Iэм Iэрылхьэн гуэр фIэхын».

Лъабжьэпэ зэхэлхэр

Язэхуэдэныгъэ лъабжьэпэ зэ-р ящыщ лъабжьэгъусэ морфемэ зэхэлъ гуп машлэм. ИщхьэкIэ зэрыщыжылаци, лъабжьэгъусэ морфемэ зэхэлхэр лэжыгъэцIэ псалъэпкъхэр зэрызэхэлъ Iыхьэхэм ящыщ мэхьу.

ЛэжыгъэцIэхэм **лъабжьэпэ зэхэ-р** (<зэ- + щIыпIэ преверб хэ-) хэгъу кыщыкIуэм деж къагъэлабгъуэ:

а) зэщIыгъу щытыкIэ, зэщIыгъуу ялэжъ Iуэхугъуэ, псалъэм папщIэ: *зэхэтын* «зэгъусэу щытын», *зэхэлтын* «зэгъусэу щылын», *зэхэсын* «зэгъусэу щысын», *зэхэгъэлыбжээн* «зэгъусэу гъэжээн», *зэхэтиэн* «зэгъусэу пщын», *зэхэхъэжээн* «зэгъусэу хъэжын»;

б) Iуэхугъуэр ирикъуу зэрыгъэзэщIар, псалъэм папщIэ: *зэхэцIэлэн* «цIэлэн (зэрыщыту)», *зэхэчэтхээн* «(чэтхээн, фыщIын (псори))».

Лъабжьэпэ зэхэ-м нэгъуэщI мыхьэнэ хелхьэ *зекIуэн* лэжыгъэцIэхэм хуэдэхэм, елыт: *зэхэзекIуэн* «лъэныкъуэ зэхуэмыдэхэмкIэ кыщыкIухьын», *зэхэзежээн* «лъэныкъуэ зэхуэмыдэхэмкIэ кыщыжыхьын».

Лъабжьэпэ зэцIэ-м (<зэ- + щIыпIэ преверб *цIэ-*) лэжыгъэцIэхэм хелхьэ Iуэхугъуэр щызу щытыныгъэ, ар щIэгъэхуэбжыауэ екIуэкIыныгъэ, зэщIыгъуу гъэзэщIэныгъэ мыхьэнэхэр, псалъэм папщIэ: *зэцIэпхъэнкIэн* «псори, къанэ щымыIэу пхъэнкIын»; *зэцIэкъуэн* «псори, къанэ щымыIэу Iухын»; *зэцIэкIэн* «псори, къанэ щымыIэу удзым зэщIиблэн»; *зэцIэлэн* «псори, къанэ щымыIэу лэн»; *зэцIэплэн* «зэрыщыту къэплын»; *зэцIэхъеэн* «псори хъеин, хъейуэ щIадзэн»; *зэцIэшэсэн* «псори шэсын»; *зэцIэбэгэн* «зыгуэр бэгын (зэрыщыту)»; *зэцIэдиен* «зэрыщыту щIыIэм исын», *зэцIэлэн* «псори лэн».

Лъабжьэпэ зэхуэ-м (<зэ- + зыхуэгъэза-лъэныкъуэ лъабжьэгъусэ хуэ) унэтIыныгъэр лъэныкъуэ зэмыщхьэхэмкIэ кыкIыу зы щIыпIэ хэха гуэрым хуэкIуэныр къегъэлабгъуэ, псалъэм папщIэ: *зэхуэсын* «зы щIыпIэм щызэхуэзэн», *зэхуэкIуэн* «зыр зым хуэунэтIауэ кIуэн», *зэхуэунэтIын* «зыр зым зэхуэзэну унэтIын». Апхуэдэ зэхэлхьэкIэ дыдэ яIэщ мыбыхэми: *зэхуэтхъэусыхэн*, *зэхуэупсэн*, *зэхуэзэн*.

Зыгъэзэж-зыхуэгъэза лэжыгъэцIэхэм объект мыблагъэм 3-нэ щхьэм, закъуэ бжыгъэм и лъабжьэгъусэхэр зэрахэмытым къегъэщI грамматикэ IукIэзэщхьыгъэр, елыт: *зы-ху-з-о-щI* 1) «абы щхьэкIэ сэ зызогъэхъэзыр, зызызогъэпэщ»; 2) «си щхьэм щхьэкIэ сощIэ»; *зы-ху-б-о-щI* 1) «абы щхьэкIэ зыбогъэхъэзыр»; 2) «уи щхьэм щхьэкIэ бощIэ»; *зы-ху-е-щI* 1) «абы щхьэкIэ зегъэхъэзыр»; 2) «и щхьэм щхьэкIэ ещIэ, елэжъ».

Апхуэдэ IукIэзэщхь зыгъэзэж-зыхуэгъэза гъэпсыкIэхэр кызытехьукI лэжыгъэцIэ лъэлэс псалъэпкъхэр куэд хьуркыым.

Лъабжьэпэ зэбгыры- (зэ- + *бгы*, елыт: *бгы* «цIыхум и Iэпкълъэпкъым щыщу бгъэмрэ шхужьымрэ я зэхуаку дэлъ нэхъ псыгъуапIэр; кIэнтIыIум хуэзэ къэгъэшыпIэр») зыпыуэ лэжыгъэцIэхэм къагъэлабгъуэ:

а) и кум кыщыщIэдза, лъэныкъуэ зэмылIужыгъуэхэмкIэ кIуэ унэтIыныгъэ, псалъэм папщIэ: *зэбг(ы)рыжын* «жэрыжэкIэ лъэныкъуэ-лъэныкъуэкIэ зэбгрыкIын»; *зэбг(ы)рыкIын* «зы щIыпIэм икIуэ лъэныкъуэ-лъэныкъуэкIэ кIуэн»; *зэбг(ы)рылэлын* «лъалъэу адэкIэ-мыдэкIэ икIухьа хьун, зэбгырщэщын».

б) лъэныкъуэ зэмылIужыгъуэхэмкIэ зызыубгъу Iуэхугъуэ, псалъэм папщIэ: *зэбг(ы)рыдзын* «зыгуэр лъэныкъуэ-лъэныкъуэкIэ дзын»; *зэбг(ы)рытхьун* «зыгуэр лъэныкъуэ-лъэныкъуэкIэ тхьун»; *зэбг(ы)рыхын* «зыгуэр лъэныкъуэ-лъэныкъуэкIэ хьын».

Лъабжьэпэ **зэлы-р** (<зэ- + щIыпIэ преверб *лы-*) инэхьыбэм лъабжьэпэ *лу-*кIэ къэхьуа лэжыгъэцIэ хъейхэм я псалъэпкъым дэщIыгъуу кьокIуэ.

Лъабжьэпэ **зэлы-р** зыхэт лэжыгъэцIэхэр я мыхьэнэкIэ ещхьщ *зэбгыры-* лъабжьэпэ зыхэт лэжыгъэцIэхэм, елыт: *зэлыIутхьун* «куэд хьу гуэр

зэлыгъэкIуэтын»; зэлыгъэкIуэтын «гупыр лъэныкъуэ-лъэныкъуэкIэ гъэкIуэтын»; зэлыгъэкIуэтын «гупыр лъэныкъуэ-лъэныкъуэкIэ гъэкIуэтын».

Лъабжьэпэ **зэпкыры-** (<зэ- + шыплэ преверб **пкыры-**). Мы лъабжьэпэ зыщыгъуэ лэжыгъэцIэхэм кыгъэлъагъуэ:

а) Iыхьэ-Iыхьэу гуэшыныгъэ, псалъэм папщIэ: **зэпк(ы)рыхын**; **зэпк(ы)рыудын**;

б) Iыхьэ-Iыхьэурэ зэпыщIэныгъэ, зэгуэгъэхьэныгъэ, псалъэм папщIэ: **зэпк(ы)рылхьэн**; **зэпк(ы)рыукIэн**.

Лъабжьэпэ **зэпкыры-** р-апоувэ (**щы-**)-**ты-н**, (**щы-**)-**лты-н** мыхьей лэжыгъэцIэхэм я псалъэпкхэм, еплъ: **зэпк(ы)рытын**; **зэпк(ы)рылтын**.

И мыхьэнэкIэ **лъабжьэпэ зэхэлъ зэлы-**р (<зэ- + шыплэ преверб **лы-** < **гъ-**) и гъунэгъуэ **зэпкыры-**м, абы кызырщыгъэкIуэ нэхьыбэрэ кызырагъэсэбэпымкIэщ, псалъэм папщIэ: **зэлытхьын** «Iыхьэ-Iыхьэу зыгуэр зэфIэтхьын», **зэлышын** «зыгуэр хэпшыурэ нэхь ин щIын», **зэлытIэтIын** «зыгуэр тIатIэ хьууэ зэрыт щытыкIэм икIын», **зэлыудын** «зыгуэр фIуэ удэн», **зэлыхын** «псо гуэр Iыхьэ-Iыхьэ щIын».

Лъабжьэпэ **зэфIэ-** (<зэ- + шыплэ преверб **фIэ-**): **зэфIэмэхэн** «къэмэхын», **зэфIэдыкхэн** «щIыIэм исын». Мыр нэхь мащIэрэ кыгъэсэбэп лIэужыгъуэхэм ящыщ.

КызыщIэткъуэжмэ, ди къэхутэныгъэм кырикIуар мыраш: предмет зэхуэмдэхэм яIэ щытыкIэр преверб зэмылIэужыгъуэхэмкIэ къэгъэлъагъуэ мэхь. Этимологии и лъэныкъуэкIэ превербхэр гуэшыпхьэщ япэрехэрэ (**дэ-**, **хэ-**, **и-**, **т-**) егъуанэрехуэ (**блэ-**, **нэ-**, **лты-**, **гуэ-**, **кIуэцIы-**, **Iэны-**). Морфемэ зэхэлъыкIэ зыIэ превербхэр зэхьэщыпхьэ хьунуэ кызырыкIуэрэ (**дэ-**, **хэ-**, **и-**, **тэ-**, **блэ-**, **нты-**, **лты-**, **гуэ-**) зэхэлъу (**Iэны-**, **цхьэщы-**, **бгъэдэ-**, **кIэры-**, **пхыры-**). Лэжыгъэм щхьэхуэу кышщыхьэщ лъабжьэпэ зэхэлъхэм я зэпкырыхыныгъэр, мы Iыхьэм щыубзыхуэ абыхэм я къэхьукIэ-зэхэлъыкIэр.

Превербхэм я фонетикэ зэхэтыкIэм и нэщэнэщ ахэр макъ дэкIуашэкIэ е макъзешэ ныкъуэ фонемэкIэ кызырыгъажьэр. Превербхэм я гъэпсыкIэ лIэужыгъуэ псори къеббжэкIыну гугъуэ, иджырей адыгэбзэм я увыпIэкIэ ахэр щызэтэхуэми.

ТегъэщIапIэхэр

1. *Джаурджий Хь.З., Дзасэжъ Хь.Е.* Адыгэбзэ. Япэ Iыхьэ. Налшык: Эльбрус, 1995. 288 н.

2. *Дзуганова Р.Х.* Морфонологические процессы в кабардино-черкесском словообразовании. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 216 с.

3. *Дзуганова Р.Х., Кумыкова Д.М.* Принципы описания морфонологических явлений в глаголе кабардино-черкесского языка // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–7. С. 1542–1545.

4. *Дзуганова Р.Х.* Особенности функционирования преверба **щы-** в глаголе кабардино-черкесского языка // Кавказская филология: история и перспективы. К 90-летию Мухади-на Абубекировича Кумахова: сборник научных статей. Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук». 2019. С. 123–135.

5. *Урыс Хь.Щ.* Адыгэбзэм и тхьэдэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 360 н.

6. *ГКЧЯ* – Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и Морфология. М.: Наука, 1970. С. 168–181.

7. *Кумахов М.А.* Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964. 272 с.

8. *КЧЯ* – Кабардино-черкесский язык. В 2 т. Т. I. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., Эль-Фа, 2006. 552 с.

9. *Шарданов А.Х.* Формально-семантические особенности некоторых превербов // Актуальные вопросы адыгских языков. Нальчик: ВСГИ, 1981. С. 9–18.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ МЕСТНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ (ПРЕВЕРБОВ) КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Шериева Нина Гумаровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), nina.sherieva@mail.ru

Основной задачей статьи является выявление местных превербов кабардино-черкесского языка, определение семантики, формы и приемы их использования. В работе подробно рассматриваются морфологические и словообразовательные особенности превербов кабардино-черкесского языка. Для того чтобы определить построение языка, в работе описываются способы образования превербов, также раскрываются вопросы их этимологической семантики и составных частей.

Одной из ярких специфических особенностей кабардино-черкесского языка является то, что глагольные значения, выражаемые в индоевропейских и многих других языках мира описательно, целой тирадой, здесь формулируются одним префиксом. Подобное явление представляет интерес не только для адыгovedения, кавказоведения, но и для теории языкознания.

Одно из главных новшеств статьи – это впервые примененная система адыгоязычных лингвистических терминов, разработанная доктором филологических наук Бижоевым Б.Ч.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, глагол, приставка, направительный преверб, местный преверб, морфология, языкознание.

MAIN TYPES OF LOCAL VERB PREFIXES (PREFIXES) OF THE KABARDINO-CHEKASSIAN LANGUAGE

Sherieva Nina Gumarovna, Candidate of Philology, Senior Research Associate of the Sector of the Kabardino-Circassian language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), nina.sherieva@mail.ru

The main objective of the article is to identify the local preverbs of the Kabardino-Circassian language, to determine the semantics, forms and methods of their use. The work examines in detail the morphological and derivational features of the preverbs of the Kabardino-Circassian language. In order to determine the structure of the language, the work describes the methods of forming preverbs, and also reveals the issues of their etymological semantics and components.

One of the striking specific features of the Kabardino-Circassian language is that the verbal meanings expressed in the Indo-European and many other languages of the world descriptively, in a whole tirade, are here formulated with one prefix. Such a phenomenon is of interest not only for Adyghe studies, Caucasian studies, but also for the theory of linguistics.

One of the main innovations of the article is the first applied system of Adyghe language linguistic terms, developed by the doctor of philological sciences Bizhoyev B.Ch.

Keywords: Kabardino-Circassian language, verb, prefix, directional preverb, local preverb, morphology, linguistics.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-37-48

ГЪЭЗЭЩАКІУЭР ПСАЛЪЭУХАМ И ПКЪЫГЪУЭ НЭХЪЫЩХЪЭХЭМ ЯЩЫЩ ЗЫУЭ АДЫГЭБЗЭМ ЗЭРЫЩЫТЫР

Жылэтеж Хъэжымел Чылэний и къуэ, филологии щІэныгъэхэмкІэ кандидат, Федеральнэ къэрал бюджет щІэныгъэ ІуэхущІапІэ «Урысейм щІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щІэныгъэ центр» «Федеральнэ щІэныгъэ центрим» и къудамэм адыгэбзэ секторым и щІэныгъэ лэжыакІуэ нэхъыжъ, hazismel@mail.ru

Мы лэжыгъэр теухуащ адыгэбзэм и гъээщІакІуэм мыхъэнэ (семантикэ), грамматикэ и лъэныкъуэкІэ бгъэдэлъ нэщэнэхэр зэІубз щІыным. Адыгэбзэм и гъээщІакІуэм щІэныгъэлІ зыбжанэ елэжыами, абы теухуауэ иджыри зэхэгъэкІыпхъэ, убзыхупхъэ Іуэхугъуэ куэд шыІэщ. Псалъэм папщІэ, гъээщІакІуэр бзэм къызэрыхагъэкІ щІыкІэр, гъээщІакІуэу къакІуэ хабзэ псалъэ лъэпкъыгъуэхэр зыхуэдэр. Абыхэм нэмыщІкІэ щыщІагъэ ину къыдолбытэ гъээщІакІуэм теухуауэ адыгэбзэкІэ щыІэ лэжыгъэхэр зэрымащІэ дыдэр. Мы къедбжэкІа Іуэхугъуэхэр зэхэгъэкІыным теухуащ мы лэжыгъэр.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, гъээщІакІуэ, псалъэуха, псалъэ лъэпкъыгъуэ, синтаксис къалэн, лъабжыгъусэ.

Адыгэбзэ гъээщІакІуэм и тхыдэр жыжъэ къыщожъэ. Япэ дыдэ абы тетхыхар Нэгумэ Шорэщ. XIX лІэщІыгъуэм и кухэм Нэгумэм игъэхъзыра грамматикэм мыпхуэдэу щетх: «Псалъэухар Іыхъищу зэхэлъщ: гъээщІакІуэ, гъээщІэн, зэпызыщІэ. 1. ГъээщІакІуэм псалъэухар зытепсэлъыхъ предметыр къегэлъагъуэ: *тхъэ, Рум, дыщэ*» [Ногма 1959: 146]. Псалъэухам и пкъыгъуэхэр кууэ джын щыщІадзар совет властым и лъэхъэнэрщ. А Іуэхугъуэм елэжыащ бзэщІэныгъэлІхуэ Бoryкъуей ТІ. [Борукаев 1932], Н.Ф. Яковлев [Яковлев 1948], Къардэн Б. [Карданов 1976], Дзасэжъ Хъ. [Дзасежев 1969], Къумахуэ М. [Кумахов 1989], Урыс Хъ. [Урусов 1994], Къэмбэчокъуэ І. [Камбачоков 1997], н. Мыбыхэм я лэжыгъэхэм къыщыгъэлъэгъуащ псалъэухам и пкъыгъуэхэм теухуауэ яІэ еплъыкІэхэр. Абы щыгъуэми, гу лъытапхъэщ, адыгэбзэкІэ тхауэ абыхэм я лэжыгъэхэм хэтыр зэрымащІэ дыдэм. Иджырей бзэщІэныгъэм игъуэта зыужыныгъэхэмрэ адыгэбзэ фІэщыгъэцІэхэмрэ (терминхэмрэ) къэдгъэсэбэпурэ гъээщІакІуэр лъэныкъуэ зыбжанэкІэ дгъэбелджылыну ди мурадщ.

ГъээщІакІуэр – ар псалъэухам и пкъыгъуэ нэхъыщхъэхэм ящыщ зыщ, псалъэухам и гъээщІакІуэпкъым хохъэ, субъект зэхушытыкІэкІэ гъээщІэным пыщІарэ, Іуэхугъуэр зылэжыыр е щытыкІэр зыхэлъыр къигъэлъагъуэу. ГъээщІакІуэр зезыгъакІуэу гъээщІэну къэкІуа лэжыгъэцІэр лъэІэс/лъэмыІэсым елытауэ, гъээщІакІуэм цІэиІуэ е зыхъуэж псалъэзешэм и гъэпсыкІэ егъуэт. Псалъэухам мыгъэнэхуа зэхэлъыкІэ иІэмэ, гъээщІакІуэм псалъэзешэ лъабжыгъусэ пыувэркъым. ІупщІ-щхъэ зызэхэт псалъэухахэм гъээщІакІуэм и щхъэ лъабжыгъусэр гъээщІэным пытщ. Пкъыгъуэ нэхъыщхъытІ зыхэт псалъэухахэм гъээщІакІуэу нэхъыбэрэ хэувэ хабзэщ щыІэцІэхэмрэ цІэпапщІэхэмрэ; цІэ хъуа псалъэ лъэпкъыгъуэхэр: плъыфэцІэхэр, бжыгъэцІэхэр, ІуэхуцІэхэр; мымащІэрэ – псалъэ зэпахэхэмрэ зэхэлъыкІэ мыухахэмрэ.

1. ГьэзэщIақIуэу кьакIуэ псалтэ лъэпкыгъуэхэр

ГьэзэщIақIуэу кьакIуэ щыIэцIэхэм кьагъэлыагъуэ предметхэмрэ кьэхьукъащIэхэмрэ ямызакъуэу зэман, щыIпIэ, нэгъуэщI мыхьэнэхэри. Предмет мыхьэнэ зиIэ щыIэцIэхэр, я лексикэ-грамматикэ нэцэнэм елыгытауэ, унейрэ зэдайуэ ягуэщ. ЩыIэцIэ унейхэм хохьэ: цIэхэр, унэцIэхэр, адэцIэхэр, цIыхум цIэ лей фIащхэр; щыIпIэхэм, кьалэхэм, кьуажэхэм я фIэщыгъэцIэхэр; астрономием ехьэлIа фIэщыгъэцIэхэр, н.кь. ЩыIэцIэ зэдайхэм кьагъэлыагъуэ зэхуэдэ предмет зыбжанэм я фIэщыгъэцIэ, мыубзыхуа гурылуэгъуэ, кьэхьукъащIэ, н.кь. Абы кьыхэкIыу бзэм гьэзэщIақIуэу кьакIуэ щыIэцIэ гуп зыбжанэ кьыхыбогъэкIыф. Къапщтэмэ, гьэзэщIақIуэу куэдрэ кьокIуэ:

1. ЦIэхэр: *Сосрыкъуэ зекIуэ кьикIыжаш* [Нартхэр 1995: 43]; *АтIанэ кьыицIащ Уэзырмэдж нарт гупым кьызырагъэтилар* [Нартхэр 2017: 56]. ЦIэиIуэ псалтэзешэмрэ зыхьуэж псалтэзешэмрэ иту гьэзэщIақIуэу кьэкIуа *Сосрыкъуэ*, *Уэзырмэдж* псалтэхэм псалтэзешэ лъабжьэгъусэ япыувэркыым, адыгъбзэм цIэхэр гьэнэхуа гьэпсыкIэм иту кьагъэсэбэп хабзэкыими: зытепсэлтыхь цIыхур хэтми тепсэлтыхьхымрэ псалтэгъумрэ ящIэ. Ауэ псалтэмакыыр ямыщIыху гуэрым теухуамэ, е а ямыщIыхур кьыхагъэщыну, кьыхагъэбелджылыкIыну хуеймэ, а цIэр (ямыщIыхур) гьэнэхуа гьэпсыкIэм иту кьахь: *Зэгурым Батрэзыр щакIуэ дэклат* [Нартхэр 1995: 326]; *Аргуэру Лъэбыцэжсиейм щIылыхьэнIэ илэгъуащ* [Нартхэр 2017: 469].

Гьэнэхуа зэуэкIым иту зэхьуэкIа мэхьу адыгэ унэцIэхэри: *Бахьсэн Гуфэм тицы и тицыжу Махьэшокоуэ-р Iусыгъащ* [ЩоджэнцIыкIу А. 2000: 313]; *Гьэ кIуам Абазэ-м Нартсанэ зыцигъэпсэхуат* [Къармокъуэ 2004: 28].

2. ЩыIпIэхэм, кьалэхэм, кьуажэхэм я фIэщыгъэцIэхэр: *Налишк ди республикэм и кьалашхьэц*; *Хы фIыцIэ-р губжьауэ кьыр задэм жьэхольэр*.

3. Астрономием ехьэлIа фIэщыгъэцIэхэр: *Шыхулыагъуэ-р кусэу пхырокIыр / Къуанишэу кIыфIыгъэм хэлхьауэ* [КIышчокъуэ 1956: 94]; *Вагъуэзэшиблы-м загъэзаш, нэху цынуц мыгуэу* [Нало А. 1993: 264].

4. Лъэпкыхэм я цIэхэр: *ИгъащIэми зэрэкIуэкIыр арати – адыгэхэ-р зэгурьIуэфакыым мыбдежми* [Шортэн 1985: 184]; *Нэмыцэхэ-м яхьуницIащ, бригадэ тицыIэхэр кьагъэуащ* [ШэджыхьэщIэ 1987: 26].

5. КьызэщIэзыкъуэ мыхьэнэ зиIэ щыIэцIэхэр: *Хозяйствэм и Iэхьуишэ-м Аурсэнтх хьунIэр иуфэбгъуащ*; *Жылэ-р Iэнкун хьуащ* [КIэрэф 2009: 74]; *НмIэ, арати, гупы-р мэкъуауэ дэклат* [КIэрэф 2009: 231].

6. Зэман мыхьэнэ кьэзыгъэлыагъуэ щыIэцIэхэр: *Махуэ-р уэфIт* [КIэрэф 2009: 313]; *Гьэ-р псыницIэу блэлъэтащ*; *Гьэмахуэ-р-и кьэсащ* [Къармокъуэ 2004: 254].

7. ЩыIпIэ кьэзыгъэлыагъуэ щыIэцIэхэр: *Гьэмахуэ бадзэуэгъуэ хьуауэ дуней-р исыжырт* [КIышчокъуэ 2005: 270]; *А жэщыым щIылыгъэмрэ уафэмрэ цIэрэщIагъэкIэ зэхьэзэхуэ хуэдэт* [ЩоджэнцIыкIу А. 2000: 394].

8. ТелъагъуэкIа мыхьэнэ зыхэлъ щыIэцIэхэр: *Акьылы-р нэмысц* [Адыгэ псалтэжыхэр: 2004: 29]; *Насыты-р зэи лей хьуркыым* [Къармокъуэ 2004: 256]; *Гугъэ-р адэ цIэиниц* [Псалтэжыхэр... 1991: 24].

ГьэзэщIақIуэу бзэм куэдрэ кьышчокIуэ япэ, етIуанэ щхьэ цIэпапщIэхэмрэ ешанэ щхьэм и закъуэ, куэд бжыгъэ кьэзыгъэлыагъуэ **а, мо, мы** зыгъэлыагъуэ цIэпапщIэхэмрэ. Андрей цIэпапщIэ лIэужьыгъуэхэр гьэзэщIақIуэу кьышчыкIуэр мащIэ дьдэрэщ.

Къапщтэмэ, **апхуэдэ, мыпхуэдэ, монхуэдэ** зыгъэлыагъуэ цIэпапщIэхэр псалтэухам зэрыхьуэр гьэнэхуақIуэу. Ауэ, цIэм хуэкIуэурэ, ахэр гьэзэщIақIуэ хьуфынуц: Ауэ **апхуэдэ-р дэни цыкуэдт** [Къармокъуэ 2004: 204]; **Мыпхуэдэхэ-р ди лэжсавIэм цыкуэдиц**; **Мыпхуэдицы-р мащIэ?**

ГьэзэщIақIуэм и синтаксис кьалэныр ягъэзэщIэфынуц:

1. Зи щхьэ хушытыж еигъэ цIэпапщIэхэм: **Плъагъуркьэ, дьидейхэри куэд цIауэ мэкIуэсэжхэр зырыз-тIурымIу...** [Нало А. 1993: 191].

2. Зэрыупщлэ цлэпапщлэхэм: *Мы хьэсэм сыт тетыр?* Гу лыгтапхэщ зэрыупщлэ псалъэухахэм хэувэ хэт е сыт зэрыупщлэ цлэпапщлэхэр гээзэцлэгуэу шубж хьунур абыхэм я гьусэ предикат лыхьэм лъабжьэгьусэ -р пымыувэмэщ: *Хэт фригьаджэрэ? Ар хэт кьывжила?* Етгуанэ лыхьэм лъабжьэгьусэ -р пыувэмэ, хэт/сыт цлэпапщлэхэр луэхуцлэ гьэпсыклэ псалъэухам и гээзэцлэну кьэлъытэн хуейщ: *Хэт кьэклуар? Хэт фезыгьэджар?*

3. Зыгьэналуэ цлэпапщлэхэм: *Псори нэжэгуэжэт, я цхьэр уардэу ялыгэт* [Дыгъужь 2011: 96].

4. Мыгьэнэхуа цлэпапщлэхэм: *Абы пэмыжсыжсэу, Жэмал и макъыу кьыумыщлэну, зыгуэр кьэлуащ* [Къашыргъэ 1957: 226].

5. Мыхьуныгъэ цлэпапщлэхэм: *А нобэрей бжыгьэм зыми шэч кьытырихьэркьым.* [Щоджэнцлыкьу I. 1962: 72]; *Уэрам ятлэхэм ягьэцхьэх хьунт, уэрамхэм зыри цызеклуэтэкьым.* [Дыгъужь 2011: 94].

Плъыфэцлэхэм я синтаксис кьалэн нэхъыщхьэр псалъэухам гьэнэхуаклуэу хэувэнырщ. Абы дэщлыгъууи щытыклэгьэлыагъуэ, ехьэллэ плъыфэцлэхэр псалъэухам гээзэцлэгуэу щыхэувэ куэдрэ кьохъу: *Пцлэгъуэплъым набжсэ гуэрэным куэдрэ кьыицжыхьащ* [Клэрэшэ 1963: 84]; *Брулыр шэч гуэгуэ ит пкъом епхауэ клэрытт* [Клэрэшэ 1989: 337]; *Гьурым цлынэри дос* [Псалъэжхэр 1967: 53]; *Дахэ псори дахэкьым* [Псалъэжхэр 1967: 54].

Мыпыухыкла гурылуэгъуэ кьэзыгьэлыагъуэ бжыгьэцлэхэр псалъэухам гээзэцлэгуэу хэувэфынуш: *Бгьур плъым кьутахуэнишэу хуэгъуэша хьуркьым.*

Бжыгьэцлэхэм кьатекла кьэхьуклэцлэхэр псалъэухам мардэ хьэлэу хэувэ хабзэщ: *Софят плэкум здисым шэ щытырым тлэу-цэ йолуб, цужьсклэ егьэцлэйри псори иреф* [Щоджэнцлыкьу I. 1962: 152]; *Цлыкьхэр бгым зэрызэ кьежэхащ.* Абы щлыгъуу кьэгьэлыагъуэ хуейщ кьэхьуклэцлэ-бжыгьэцлэхэр, контекст гуэрым ехьэллауэ, гээзэцлэгуэ кьалэнри зэрагьэзэщлэфынур: *Сэ кьуришым тлэу сыщылащ. – Тлэур куэдкьым; Хьэблэ фызыр махуэм пхьэхэ зэфлэдзаклэ Урыху зэрыклуэр тлэурымтлэ, цэрыщэц. – Тлэурымтлэ, цэрыщэр мащлэкьым.*

Бжыгьэцлэхэм я кьалэн нэхъыщхьэр предметыр бжыгъэ нэцэнэхэмклэ ягьэнахуэнырщ. Ауэ, а бжыгьэцлэ-гьэнэхуаклуэхэм, цлэм щыхуэклуэклэ, предмет мыхьэнэягъуэт, езыхэри псалъэухам хэмыт грамматикэ субъектымеобъектымаплэм йоувэр: *Тур кьоплэ. Тур кьодалуэ. Тум япхьуатэ. Тум урахьэжсэри йожсэж* [Нало 3. 2008: 202]; *Зыр мажэ. Зыр мэжэй. Зыр мэджэгу* [Нало 3. 2008: 204].

Гээзэцлэгуэм и синтаксис кьалэныр мымащлэрэ яубыд инфинитив лэжыгьэцлэхэм.

Лэжыгьэцлэмрэ щылэцлэмрэ я нэцэнэхэр зэуэ зыхэлъ инфинитивыр гээзэцлэгуэу кьыщыклуэм деж еклэуэкьылэ, предмет мыхьэнэ зилэ луэхугъуэ кьэгьэлыагъуэ. Зэуэкл лупщлэ флэкла зэхьуэкла хьуркьым, абы щыгъуэми зэпымууэ цлэлуэ е зыхьуэж псалъэзешэм я лъабжьэгьусэ поувэр: *Аслээн и еджэны-р зэпыуда мыхьуарэт* [Кьармокъуэ 2004: 117]; *Иужьрей зэманым лыр гупсысэны-м егьэмэхьтэр.*

Гьэзэцлэну псалъэухам куэдрэ хэувэ хабзэщ луэхуцлэр. Плъыфэцлэм и морфологие категорэхэр хэлъклэрэ, адыгэбзэ луэхуцлэм предметым и нэцэнэ кьэгьэлыагъуэ, бжыгьэрэ псалъэзешэ категорэрэ илэщ.

Плъыфэцлэхэм хуэдэу, луэхуцлэхэр псалъэухам кьызэрыщагьэсэбэпыр гьэнэхуаклуэуш. Ауэ, луэхуцлэр цлэ щыхьум деж, плъыфэцлэхэм ещхь, предмет мыхьэнэ зилэ пкыгыгуэу псалъэухам хоувэр. Мыпхуэдэ шапхьэхэм луэхуцлэр гээзэцлэгуэу кьыщоклуэ: *Ирауд бэнэнклэ зигьэницлыкьым* [Псалъэжхэр 1967: 66]; *Кьоджэм уигьэжсэйркьым* [Псалъэжхэр 1967: 68]; *Кьэклуахэр топ джэгуэнклэ кьыттеклуащ.*

Макъыцлэхэр я мыхьэнэклэ псалъэухам пкыгыгуэу хэувэркьым. Ауэ, щылэцлэ кьалэн шагьэзашлэм деж, ахэр гээзэцлэгуэу кьыщыклуэ щылэщ: *Нэхуыцым кьыхэлукла уэхьэхьей-м хьэблэр наплэзыплэм кьызэфлигьэуащ; Ура-р кьэлуащ.*

ГъээщIаkIуу къэкIуа макъыщIэхэм, шыIэцIэхэм ещхьу, яхуэфашэ псалъэзешэ лъабжьэгъусэхэр ягъуэт.

ЦIэ хьуа псалъэ лъэпкъыгъуэхэм хуэдэу, гъээщIаkIуу къагъэсэбп морфологиекIэ шыIэцIэм хэмыхъэ псалъэхэр: *ИкIу-р союзщ*; *СокIуэ-р глагол лъэмыIэсщ*; *Б-р макъ дэкIуашэщ*. Мыпхуэдэ къалэн сыт хуэдэ псалъэми игъээщIафынуу, гъээщIаkIуу къаkIуэрэ, псалъэзешэ лъабжьэгъусэхэр пытыжу. Ауэ апхуэдэ гъэпсыкIэхэм хэт Iыхьэхэм, цIэ хьуа псалъэхэм къащхьэщыкIыу, мыхьэнэщIэ ягъуэтыркъым.

Адыгэбзэм ущрихьэлIэ шыIэщ гъээщIаkIуэр гъээщIэным хэт лъабжьэгъусэмкIэ къэгъэлъэгъуауэ. Апхуэдэ къалэн егъэзащIэ лъабжьэужь *-Iа-м*: *Абы хэту пцIантIэм къыдыхьа-Iа-щ*; *Махуэми къэпсэлъа-Iа-къым*; *Унэм цIэлъ-Iа-къым*; *Пхъуантэм дэлъ-Iа-щ*.

Адыгэбзэм гъээщIаkIуу къыщыкIуэфынуу псалъэ щхьэхуэхэм я закъуэкъым, атIэ а къалэныр зэхыхъэ зэхуэмыдэхэми ягъээщIафынуу. Апхуэдэу, гъээщIаkIуу мымащIэрэ къокIуэ инфинитив зэхыхьэр: *ПэжыпIэр зэхэпхыны-р куэд и уасэщ* [Дыгъужь 2011: 139.]; *Бэкхъ щIыны-р Iуэхутэкъым, абы зыгуэрурэ дыкълэынт* [Къашыргъэ 1957: 33]; *Си ныбжьэгъухэм сахуэзэны-р си дежкIэ гуфIэгъуэишхуэщ*.

ГъээщIаkIуу псалъэхам куэдрэ хоувэ IуэхуцIэ зэхыхьэр: *ЩакIуэхэр уэтэрым къыщытэхьэжа-р епланэ махуэм и пцыхьэщхьэрт* [КIэрашэ 1963: 67]; *Вы зымыIэ-м шкIэ цIелъIэр* [Псалъэжыр... 1991: 21]; *Лыжъ къэкIуахэр уэ къоджэ!* [Нало А. 1993: 30]. ЦIэ хьуа IуэхуцIэ зэхыхьэр шыIэцIэхэм ещхьу псалъэхам и зыпкъыгъуэу мэув. ШыIэцIэхэм хуэдэуи лъабжьэгъусэ *-р, -м* поувэр, апхуэдэ псалъэхам хэт гъээщIэныр лъэлэсу е лъэмыIэсу зэрыщытым елгытауэ. IуэхуцIэ зэхыхьэм Iыхьэ нэхьыщхьэу хэт IуэхуцIэм морфологиэ катэгорэ псори къыхуонэж (щхьэ, бжыгъэ, зэман, н.къ.).

Адыгэбзэм гъээщIаkIуу къышагъэсэбп IуэхуцIэ зэхыхьэм хуэдэ нэгъуэщI зэхыхьэхэри. Апхуэдэщ, псалъэм папщIэ, *-кIэ зэджэр, жыхуаIэр, зыфIэпщыр* Iыхьэхэр зыхэт зэхыхьэхэр: *Уэзы МураткIэ зэджэ-р цIалэ фIыцIэ къуэгъукъэ* [ПашIэ 2003: 313]; *Гурэ гурэ зэроцIэ жыхуаIэ-р зэрытэжыр хьэкъыц!* [Елгъэр 2013: 67.]; *ЩIалэ зыфIэпщы-р си ныбжьы* [ЩоджэнцIыкIу А. 2000: 301].

Апхуэдэ къалэн дыдэ бзэм шагъэзащIэ зи Iыхьэ нэхьыщхьэр цIэ псалъэ лъэпкъыгъуэу щыт зэхыхьэхэм. Апхуэдэ гъэпсыкIэхэм щхьэхуэныгъуэу яIэщ гъээщIаkIуу къэкIуар предметым зэрытэпсэлъыхьыр, ар къызэрыхигъэщыр, ауэ и цIэр къызэрыримыIуэр. Езы предметымрэ абы и фIэщыгъэцIэмрэ, къапщтэмэ, гъээщIэнуу щытщ. Апхуэдэ зэхэлъыкIэхэм лэжыгъэцIи лэжыгъэцIэ гъэпсыкIи хэткъым, абы къыхэкIыу урысыбзэкIэ зэбдзэкIыну гугъуу. Щапхьэ: *БдзапцIэм нэхьрэ нэхь хьэлъу фом нэхьрэ нэхь IэфIы-р жейщ*; *Лы фIыцIэ гъууцIынуэ емынэ шууей-р Сосрыкъуэщ*.

2. Псалъэ зэпхэхэр гъээщIаkIуу къыщыкIуэр

Адыгэбзэм гъээщIаkIуу къышагъэсэбп псалъэ зэпхэхэри: *Угъурсызиблым ебланэ-р сэращ* [Къашыргъэ 1957: 61]; *Бгъум епцIанэ-р сэджытыщ* [Псалъэжхэр 1967: 48]; *Лы-м я леймрэ (уэуэуэ) шы-м я леймрэ Уо! Сынахьэжжэри* [Народные... 1990: 336].

Апхуэдэхэм хэбгъэхъэ хьунууш бзум ил, джэду и къуэ псалъэзэпхэхэр: *Бзум ил и лэпси* [Псалъэжыр... 1991: 16]; *Джэду и къуэ дзыгъуащэщ* [Псалъэжхэр 1967: 57].

Зэгъэпщэныгъэ мыхьэнэ зиIэ зэхыхьэхэри мыпхуэдэ гупхэм хэббжэ хьунууш: *Бжъамийм и гъумагъы-р цIыхухьу Iэпцэщ*; *Мылым и Iувагъы-р залэщ*. *Бжъамийм и гъумагъы-р, Мылым и Iувагъы-р* Iыхьэхэр гъэнахуэ псалъэ зэпхуэ, *бжъамий, мыл* псалъэхэр ягъэнахуэу къэлъытэн хуейт. Ауэ, ягъэнахуэ (ягъэнахуэ) *гъумагъыр, Iувагъыр* псалъэхэм я мыхьэнэкIэ щызу зэрыщымытым

кыхьэкIу, а Iыхьэхэр гьэнэхуакIуэу кыпомыгыэцхьэхукIуэ зэхыхьэр зэрыщытыр гээзэцлэкуэу кьэплыгтэ хьунуш.

Гээзэцлэкуэу кьэкуэфынуш щыIэцIэм нэт Iыхьэ и гьусэу. Апхуэдэхэм деж щыIэцIэм -рэ лъабжьэгьусэ пыувэ хабзэц. Зэгьусэу кьэкуэа -рэ нэт-хэм псалъэухам «ари» мыхьэнэ халхьэ: *Бегьымбар-рэ нэт цыуац* [Псалъэжхэр 1967: 49]; *Хьэндьркуакуэрэ нэт «сызыхэс псыр кууацэрэт» желэ* [Адыгэ псалъэжхэр 2004: 27].

Гьэгугьа гьэпсыкIэхэм хэт апхуэдэ гээзэцлэкуэм гээзэцIэну тIу игьусэфынуш, зыр лэжыгыэцIэ лъэIэсу, адрейр – лъэмыIэсу: *Мо пцIантIэм дэт ди хьэжь-рэ нэт Iуэху ещIэр, зи мыхьуми, хьэулей кьыдыхьэмэ, мэбанэр*. Мыпхуэдэ зэхэлыкIэхэм гээзэцлэкуэм и псалъэзешэ гьэпсыкIэм зыщыхьэужьркыым, гээзэцIэныр сыт хуэдэ гьэпсыкIэ зиIэ лэжыгыэцIэу кьэкуэми.

ЩыIэцIэм лъабжьэгьусэ -м, зыгьэлыгьуэ цIэпапщIэм -бы пыту, ауэ псалъэзэпыщIэ-лъабжьэгьусэ -рэ кьэту, етIуанэ псалъэм – щхьэ цIэпапщIэ дэ-м псалъэзэпыщIэ-лъабжьэгьусэ -рэ пыту зэгьусэу гээзэцлэкуэу щыту бзэм кыпчагьэсэбпрейш, гээзэцIэныр лэжыгыэцIэ лъэIэсу щыщытми, лъэмыIэсу щыщытым дежи: *Аграномы-м дэ-рэ дызэгурьIуац етIанэгьэ мыбдеж гүэдэ тетсэнү; А-бы фэ-рэ нхьэIэцэр зэвгьэпэщыж*. Гээзэцлэкуэ зэхэтым и япэ Iыхьэр щхьэ цIэпапщIэмэ, абы морфемэ -м (е -бы) пытынукыым: *Уэ дэрэ жылэ тетсэнү; Уэрэ сэрэ жылэ тетсэнү*.

Гээзэцлэкуэу кьэкуэфынуш псалъэ зэпха предметым и теплээр кьыгьэлыгьуэрэ, а предметым ипIэкIэ кьэхьауэ. Апхуэдэ зэхэлыкIэхэр я мыхьэнэкIэ IуэхуцIэ зэхыхьэхэм и Iыхьэу щытын хуейт. Ауэ абыхэм IуэхуцIэ хэткыым: *Мо пьIэ лъагэ-р шэшэни; Мы цы фэндэ-р джэд хьун? Афэ джанэхэ-р арыххэуи зэцIэхьейи*.

Псалъэхэмрэ кьызэрыгуэкI псалъэ зэпхэхэмрэ нэмыщI, псалъэухам пкыгыгуэ зэмылIэужыгыгуэу хоувэ фразеологизмэхэри. Фразеологизм занэхэр кьызэрыхагьэкI пщалъэ нэхьыщхьэ дыдэу кьалыгтэ ар (фразеологизмэр) псалъэм и мыхьэнэкIэ пэхьуу щытыныр. Фразеологизмэ занэхэмрэ псалъэхэмрэ я грамматикэ, мыхьэнэ нэцэнэ гуэрхэмкIэ зэпэплыгтэ щIэхьур фразеологизмэхэмрэ бзэм и псалъэхэмрэ куэдкIэ зэрызэщхьырщ. Ауэ абы кьыдэкIуэу кыхьэгьэщыпхьэщ псалъэр фразеологизмэм елыгьтауэ синтаксис илхьэныкьуэкI нэхь «лантIэу» зэрыщытыр. Абы кыхьэкIкIэ, фразеологизмэ занэхэр псалъэухам и пкыгыгуэ зэмылIэужыгыгуэхэу кьызэрагьэсэбэным я бжыгьэр зэхуэдэкыым. Ахэр нэхьыбэрэ хьэлэ е гээзэцIэну хоувэр. Гээзэцлэкуэу ахэр кьызэрыкIуэр нэхь мащIэрэщ: *ШэцIэху хьыбары-м нэлIэзынIэм хьэблэр зэцIилхьэIэсац; И адэр зэрыцхьэщымытыж лъандэрэ Хьэсэн ахьшэ делэ-м дихьэхьыпат*.

Гээзэцлэкуэм, убгьуа зыщI псалъэхэр и гьусэу, псалъэухам гээзэцлэкуэм и гуп кьыщегьэхьу. Апхуэдэ дыдэуи, гээзэцIэным, убгьуа зыщI псалъэхэр и гьусэу, гээзэцIэным и гуп кьегьэхьу. Гээзэцлэкуэм и гупымрэ гээзэцIэным и гупымрэ зэхэту зы предикат гуп кьагьэхьу, псалъэухар и мыхьэнэкIэ шагуэшым деж гээзэцлэкуэр (абы и гьусэ псалъэхэр дэщIыгьуу) темэу кьалыгтэ.

Ди кьэхутэныгьэм кьыркуахэр кьызэцIэпкьуэжмэ, адыгэбзэм и гээзэцIэныр псалъэухам и лъабжьэгьэтиль пкыгыгуэ икIи и зэхэлыкIэр кьызэзыгьэпэщ купщIэ мэхьу. Абы пкыгыгуэ етIуанэхэм ямызакьуэу гээзэцлэкуэри и унафэм щIегьэуэ. ГээзэцIэным и нэцэнэмрэ хьауэ иIэ гьэпсыкIэхэмрэ елыгьтауэ кьызэрыкIуэ, зэхэт, зэхэл гээзэцIэхэр кыхьэгьэкI хьунуш. ГээзэцIэну псалъэухам хоувэ щыIэцIэхэр, пльыфэцIэхэр, бжыгыэцIэхэр, цIэпапщIэхэр, кьэхьукIэцIэхэр, макьыцIэхэмрэ зэрызыпашIыж псалъэхэмрэ, фразеологизмэ занэхэр, псалъэ зэпхэхэр, синтаксис зэхыхьэхэр.

Источники и литература

1. Адыгэ псалъэжъхэр. Етгуанэ тхылъ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапIэ, 1967. 252 н. (Кабардинские пословицы и поговорки. Кн. II. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1967. 252 с.).
2. Адыгэ псалъэжъхэр. Налшык: Эльбрус, 2004. 2004 н. (Кабардинские пословицы. Нальчик: Эльбрус, 152 с.).
3. Борукаев Т.М. Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1932. 140 с.
4. Дыгъужь Къу. Шымахуэ лэгъуныкъу Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс республикэм и къэрал тхылъ тедзапIэ, 2011. 176 н. (Дугужев К. Зимняя радуга. Черкесск: РГУ Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство, 2011. 176 с.).
5. Дзасежэв Х.Э. Иджырей къэбэрдей-черкесыбзэ (синтаксис). Черкесск, 1969. 155 н. (Современный кабардино-черкесский язык (синтаксис). Черкесск, 1969. 155 с.).
6. Елгъэр К. Лъагъуныгъэм и бзэ. Повесть // Гуашхъемахуэ. 2013. № 4. Н. 45–74 (Эльгаров К. Язык любви. Повесть // Эльбрус. 2013. № 4. С. 45–74).
7. Камбачоков А.М. Проблемы простого предложения в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Эль-Фа, 1997. 235 с.
8. Карданов Б.М. Члены предложения в кабардино-черкесском языке. Нальчик: КБГУ, КБ Институт усовершенствования учителей, 1976. 74 с.
9. Кумахов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 383 с.
10. КIэрашэ Т. Абрэдж. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапIэ, 1963. 180 н. (Керашев Т. Абрек. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1963. 180 с.).
11. КIэрашэ Т. Шу закъуэ. Налшык: Эльбрус, 1989. н. 432. (Керашев Т. Одинокий всадник. Нальчик: Эльбрус, 1989. 432 с.).
12. КIэрэф М. Лъэужь е лъэужь. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2009. н. 572. (Керешов М. Оставить след. Повести и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2009. 572 с.).
13. КIыцокъуэ А. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Налшык: Къэбэрдей тхылъ тедзапIэ, 1956. н. 543. (Кешоков А.П. Стихи и поэмы. Нальчик: Кабардинское кн. изд-во, 1956. 543 с.).
14. КIыцокъуэ А. Хъуэпсэгъуэ нур. Тхыгъэхэр томиным шызэхуэхъсауэ. II том. Налшык: Эльбрус, 2005. 488 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение // Собр. соч. в 6 т. Т. II. Нальчик: Эльбрус, 2005. 488 с.).
15. Къаширгъэ Хъ. Насыным и хэКыпIэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапIэ, 1957. 309 н. (Каширгов Х. Источник счастья. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1957. 309 с.).
16. Къэрмокъуэ М. Шихухэр иджыри мэкI. Ещанэ тхылъ. Налшык: Эль-фа, 2004. 320 н. (Кармоков М. А тополя еще растут. Т. 3. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 320 с.).
17. Нало А. Тхыгъэхэр. Нэхуш шу. Т. II. Налшык: Эльбрус, 1993, 400 н. (Налоев А. Всадники рассвета. Избранные произведения в 3 т. Т. II. Нальчик: Эльбрус, 1993. 400 с.).
18. Нало З. Адыгэ псалъэгъэпсахэр. Налшык: Эльбрус, 2008. 240 н. (Налоев З. Адыгская паремиялогия. Нальчик: Эльбрус, 2008. 240 с.).
19. Нартхэр. Адыгэ эпос. Етгуанэ тхылъ. Уэзырмэс. Батэрэз. Ашэмэз / ред. нэхъыщхэр Гъут I. Налшык: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 468 н. (Нарты. Адыгский эпос. Озырмес. Батраз. Ашамез / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 2 т. 468 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/2.%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB.-%D0%A2%D0%BE%D0%BC-2.pdf> (Дата обращения: 15.01.2021).
20. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Налшык: Эль-Фа; Ашэмэз, 1995. 559 н. (Нарты. Кабардинский эпос. Нальчик: Эль-Фа; Ашамез, 1995. 559 с.).
21. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. II. М.: Советский композитор, 1990. 488 с.
22. Псалъэжъыр бзэм и дамэщ. Налшык: Нарт, 1991. 208 н. (Пословицы в языке художественной литературы. Нальчик: Нарт, 1991. 208 с.).
23. Ногма Ш.Б. Филологические труды. Т. II. Нальчик, 1959. 199 с.
24. ПацIэ Б. Усыгъэхэр. Налшык: Эльбрус, 2003. 376 н. (Пачев Б. Сочинения: Стихотворения и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 2003. 376 с.).
25. Урыс Хъ. III. Адыгэ грамматикэ. Синтаксис, пунктуацэ. Налшык: Эльбрус, 1994. 213 н. (Урусов Х.Ш. Кабардинская грамматика. Синтаксис, пунктуация. Нальчик: Эльбрус, 1994. 213 с.).

26. *ШеджыхъэцIэ Хь*. Тэрч шыхъэтц. Налшык: Эльбрус, 1987. 392 н. (Шекихачев Х. Терек свидетель. Нальчик: Эльбрус, 1987. 392 с.).
27. *Шортэн А.* Бгырысхэр. Роман. Ещанэ тхылъ. Налшык: Эльбрус, 1985. 332 н. (Шортанов А. Горцы. Роман. Т. II. Нальчик: Эльбрус, 1975. 332 с.).
28. *ШоджэныцIыкIу А.* Тхыгъэхэр. Налшык: Эльбрус, 2000. 432 н. (Шогенцуков А.А. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 2000. 432 с.).
29. *ШоджэныцIыкIу I.* Софят и гъатхэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапIэ, 1962. 232 н. (Шогенцуков А.О. Весна Софийт. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1962. 232 с.).
30. *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л., 1948. 372 с.

ПОДЛЕЖАЩЕЕ КАК ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Жилетежев Хажисмель Чилианиевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), hazismel@mail.ru

Статья посвящена выявлению семантических и грамматических особенностей подлежащего кабардино-черкесского языка. Отмечается, что подлежащее – один из главных членов предложения, связанный со сказуемым субъектными отношениями и обозначающий производителя действия или носителя состояния. Установлены формы его выражения: в зависимости от переходности / непереходности глагола, которым выражено сказуемое, подлежащее в кабардино-черкесском языке выражается формами именительного и эргативного падежей. На основе анализа большого иллюстративного материала автор показывает, что функцию подлежащего выполняют имена существительные, местоимения, субстантивированные части речи, прилагательные, числительные, причастия, словосочетания и инфинитные конструкции. В статье обобщен новый материал по исследуемой теме, впервые вводятся в научный оборот лингвистические термины на кабардино-черкесском языке.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, подлежащее, предложение, части речи, способы выражения.

SUBJECT AS ONE OF THE MAIN MEMBERS OF A SENTENCE IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Zhiletezhov Hazhismel Chilyanievich, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), hazismel@mail.ru

The work is devoted to the identification of semantic and grammatical features of the subject Kabardino-Circassian language. It is noted that the subject is one of the main members of the sentence, connected with the predicate by subject relations and denoting the producer of the action or the carrier of the state. The forms of its expression are established: depending on the transitivity / intransitivity of the verb that expresses the predicate, the subject in the Kabardino-Circassian language is expressed in the forms of the nominative and ergative cases. Based on the analysis of a large illustrative material, the author shows that the function of the subject is performed by nouns, pronouns, substantive parts of speech, adjectives, numerals, participles, word combinations and infinitive constructions. The article summarizes new material on the topic under study, introduces linguistic terms in the Kabardino-Circassian language for the first time.

Keywords: Kabardino-Circassian language, subject, sentence, parts of speech, ways of expression.

ЛЕКСИКЭМ И ЗЭХЭТЫКІЭ ДЖЫНЫР (АДЫГЭБЗЭМ ЕХЬЭЛІАУЭ)

Токмакь Мадинэ Хьэсэнбий ипхуэ, филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат, Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институтым – Федеральнэ къэрал бюджет щІэныгъэ ІуэхущІапІэ «Урысейм щІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щІэныгъэ центр» Федеральнэ щІэныгъэ центрым» и филиалым и адыгэбзэ секторым и лэжыакІуэ нэхъыжь, tokmak_madina_h@mail.ru

Мы лэжыгъэм лексикэр зэрыухуа щІыкІэхэм дыштытпсэлтыхь. БзэщІэныгъэлІхэм я еплъыкІэ зэхуэмыдэхэм я гугъу дощІ. Адыгэбзэм и шапхъэхэр къэтхурэ лексикэр зэрызэхэт гупхэр зэпкърыдох. Абы хэт псалъэхэр зэхушытыкІэ зэмылІэужыгъуэкІэ зэрызэпхар мыбы наІуэ шыдощІ. БзэщІэныгъэлІхэм ящІ гуэшыныгъэм хэмыхъуэ псалъэ куэд къонэри, абы и щхъэусыгъуэхэр къыдогъэлабгуэ. Лексикэр фонетикэм, морфологиэм, синтаксисым къазэрыщхъэщыкІым дытопсэлтыхь. Иджырей адыгэбзэм къышщгъэсэбэп лексикэм и зэхэлыкІэр лексико-грамматикэ, лексико-тематикэ, лексико-стилистикэ, лексико-семантикэ системэхуэ классификацэ зыщІа Апажэ М.Л. и лэжыгъэм дыккытоувыІэ.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: лексикэ, зэхэтыкІэ, зэпкърыхыныгъэ, псалъалъэ, системэ.

Иджырей лексикологием лъэныкъуэ псомкІи нэгъэсауэ щыткъым. Ар иджыри джын хуей бзэщІэныгъэ къудамэщІэщ. Иджыри къыздэсым лексикэм хэт псалъэхэр хабзэ гуэрэм тету къэзмылтыгъэ шыІэхэщ. Адыгэбзэ лексикэр джыным ипэкІэ, абы и Іуэхугъуэ нэхъыщхъэр зэхэбгъэкІыпхъэщ – абы системэ къызэригъэхъум утэпсэлтыхьын хуейщ. Мы лэжыгъэмкІэ ди мурадщ бзэщІэныгъэлІхэм я къэхутэныгъэхэм затедгъащІурэ абы и гугъу тщІыну.

Лексикэр джынымкІэ шыІэ ехъулІэныгъэхэр Потенбня А.А. [1958], Бодуэн де Куртенэ И.А. [1963], Фортунатов Ф.Ф. [1956–1957], Шахматов А.А. [1941], Покровский М.М. [1959] сымэяцІэхэм пыщІащ. АщІэныгъэлІхэм я ІэдакъэщІэкІхэр, абыхэм къахутахэрщ ди лексикэджем лъабжэ хуэхъуар. ИужькІэ Щербэ Л.В. [1974], Виноградов В.В. [1940], Яковлев Н.Ф. [1948], Шмелев Д.Н. [1973], Будагов Р.А. [1978] сымэ адэкІэ лексикэм хэлэжыыхъащ, абы зегъэужыным и ужь итахэщ. БзэщІэныгъэм и ехъулІэныгъэ нэхъыщхъэхэм ящыщщ щІэныгъэлІхэм бзэм псом япэу цІыхубэ къалэн зэригъэзащІэр, ар гъэпсыкІэ гуэркІи зэрыухуар къагурыІуэу зэрыхъуар.

Иужьрей зэманым мыхъэнэшхуэ зиІэ и къэхутэныгъэу убж хъунуш бзэм и адреи Іыхъэхэми хуэдэу лексикэри гъэпсыкІэ щхъэхуэкІэ зэрыухуар наІуэ къызэращІар. Абы шыхъэт тохъуэ лексикэм и занэхэр гупкІэ гуэшауэ зэрыштыр. Псалъэм папщІэ, зыми шэч къытрихъэкІым *анэрэ адэрэ, къуэрэ пхурэ, дэлхурэ шыхъурэ, анэшхурэ адэшхурэ* жыхуиІэм хуэдэхэр зэрызэпхам, *е зы, тІу, цы, цэ, мин* сытхэр, *блыхъэ, гъубж, бэрэжъей, махуэку, мэрэм, цэбэт, тхъэмахуэ* псалъэхэр зэрызэпыщІам. Апхуэдэкъабзэу *гъукІэ, дыщэкІ, мэлыхъуэ, мэкъуауэ; жэм, мэл, цыхъ, мыщэ, тхъэкІумэкІыхъ, джэду; адыгэ, къуыцхъэ, ермэлы, шэшэн, мышкыиш, куржы* псалъэхэм гуп щхъэхуэ къызэрагъэхъури белджылыщ.

Бзэ къэс лексикэ занэхэр езым ей, зыми емыщхъ ІэмалкІэ щыухуащ. Абы и шапхъэу къэпхъ хъунуш гуп-гупу зэхэт мы псалъэхэр: *лъагагъ, кІыхъагъ, бгъуагъ;*

тхылгыльгэ, ахьшалгэ, фошыгьулгэ; цхьэ, цхьэбалыджэ, цхьэгьу, цхьэкьэб, цхьэрыдзын, цхьэтепхьуэ; нэрытын, нэрылгын, нэрыхьэн, нэрыльгэдэн, нэрылхьэн, н.кь. Апхуэдэу гуп кьагьэху мыхьэнэклэ зэпэщлэуэ псалгэхэм: *гьащлэ – ажал, нэху – кьыфл, лъагэ – лъахьшэ, гьэхуэбэн – гьэуицлэу, н.кь.*; мыхьэнэклэ зэгьунэгьу псалгэхэм: *кьэкьуэн – кьэджэдэн, чей – кладэ, шхыдэн – хьуцлэн, жьы – кхьахэ, н.кь.*; зыгьэзэж зэхушытыклэклэ зэпхэ псалгэхэм: *цэн – кьэццэхун, еджакьлэ – егьэджакьлэ, текьлэ – хэнэн, тын – кьэцтэн, н.кь.* Дымышцлэххэу ди гупсысэм гуп шызэрогьэху *сымаджэ, мастэ, хьуцхьуэ, уз, елэзэн, дохутыр, н.кь.*; *хьэгьуэллыгьуэ, нысаишэ, щауэ, джэгьу, гьуфлэгьуэ, н.кь.* псалгэхэр.

Псалгэ нэхьыщхьэ хэтымклэ псалгэфэхэр гупу зэкьуоувэ, псалгэм папщлэ: *гум кьэкьын, гур дзапэклэ лыгьын, гум хыхьэн, гур гьэуфьыцлэу, гум еуэн, н.кь.*; *нэ тегьэхуэн, нэр кьыиципхьуэн, и нитлыр кьыхуу, и нэм цлыр имылгагьужу, нэклэ шхын, н.кь.* Гьуэгьу мыгьуэ *ежьэн, лажьэр зыкьуэцлэхуэн, емынэр зи унэм ихьэн, ныбэ узым ихьын, тхьэр зэуэн; си псэ закьуэ, си дуней нэху, си шыр цлыкьлэ, зи гьащлэ кьыхь хьун, си псэр зышхын* сытхэми гуп цхьэхуэ кьагьэхуэ зыгуэрым и гурыщлэхэр кьауатэу.

Абы нэмышцлэ, нэгьуэщлэбзэхэм кьыхэкла псалгэхэри (экзотизм, локализм, партикуляризм, регионализм сыт жыхуалэхэр) я щлэпэм, кьэралым и нэцэнэгьэлыгьуэу ди бзэм гуп цхьэхуэу шызэхохьэ: *нэмэз, андез, бацлэыкь, тутын, пыл, шылэ* (хьэрыпыбзэм, тыркубзэм, кьэжэрыбзэм кьыхэклауэ); *доллар, интернет, гамбургер, миксер, файл* (инджылызыбзэм кьыхэклауэ); *пиццэ, макарон, папарацци, карантин* (итальяныбзэм кьыхэклауэ); *самурай, ниндзэ, суши, роллхэр* (японыбзэм кьыхэклауэ); *сеньор, сеньоритэ, песо, матадор, корриде* (испаныбзэм псалгэ кьэралхэм кьыклахэу); *плов, лагман, бешбармак, кумыс* (Курыт Азиэм кьыклахэу), н.кь.

Зэрытлыгьуэи, зи гугьу тцла гупхэм – псалгэхэр зэхушытыныгьэ зэмылэужыгьуэклэ шызэпыщлэхэм (мыхьэнэклэ, псалгэ лъэпкыгьуэклэ, жьабзэм кьызэрыгьэсэбэнымклэ) – кьалэнышхуэ щагьэзащлэ лексикэм и кьызэгьэпэщыклэм. Нэгьуэщлэу жыпэмэ, бзэм хэт псалгэхэр дыкьэзыхьуреихь дунейр кьызэрагьэлыгьуэ гурылуэгьуэ закьуэмклэ зэгьэпэщауэ шыткьым. Лексикэр джныр кьызыхуэтыншэу шытын папщлэ, абы сыт лъэныкьуэкли лэмал имылуэ еплыпхьэщ, лексикэ-тематикэ, лексико-семантикэ, лексико-грамматикэ, лексико-стилистикэ зэпкьрыхыныгьэ пщлэуэ [Апажэв 2000: 33].

Адыгэбзэ лексикэр зэхэтыклэ бгьэдыхьэклэклэ зы зэманым кьриубыдэу зэраджрэ куэд щлакьым. Абы ипэклэ лъэныкьуэ нэхьыщхьэхэр хэхауэ кьахутауэ шытащ [Яковлев 1948; Шагиров 1962, 1977; Апажэв 1963, 1992, 2000]. Аращи, адыгэбзэ лексикэм и зэхэтыклэр гугьукьым, ауэ абы хыхьэ псалгэхэр гуп-гупу гуэшыныр дапщэци тыншу шытакьым. Псалгэм папщлэ, псалгэ гуэрхэр кьонэ зы гупи хэмышьэу. Абы и цхьэусыгьуэхэм адыгэ лексиколог цлэрылуэ Апажэ М.Л. топсэлыхь. Абы зэрыжилэмклэ, ар кьызыхэклэу, япэрауэ, гуэшыным и лъабжьэр тэмэму зэрамыубыхурщ: куэдрэ кьохуэ бзэщлэныгьэллым псалгэр зыхуихьын гурылуэгьуэр щимыгьуэт. Ар нэхь гугьуж зыщлыр зэхэкла мыхьэнэхэрщ, псалгэфэхэрщ, псалгэуэхэм хэт псалгэхэм я зэхушытыклэхэрщ. Етлуанэрауэ, езы лексикэм и лыхьэ псоми зэхуэдэу зэрызамыужьарщ. Псалгэм папщлэ, адыгэбзэр гурылуэныгьэ лэжыгьэцлэхэм шыщу елусауэ кьэщлэныгьэ, пэмэныгьэ кьэзыгьэлыгьуэхэмклэ кьулейуэ пхужылэнукуьым. Ещанэрауэ, лексикэм и лыхьэ гуэрхэр флэклэуэдауэ шытмэ. Зэвгьапщэ:

шыфэ – шы «гум щлащлэу е тесу кьракьухуэ кьагьэсэбэп унэ псэушхьэ, лэщ» + *фэ* «псэушхьэм я пкьым цы тету е джафэу тельыр»

выфэ – вы «мэкьумэш лэжыгьэхэм кьыщагьэсэбэп гуу сэкла» + *фэ* --

мэлыфэ – мэл «цымрэ лымрэ папщлэ зэрахуэ лэщ цыкьлэу лъэпкь» + *фэ* --

бжэныфэ – бжэн «унэм шызэрахуэ лэщ цыкьлэу лъэпкь» + *фэ* --

мыщафэ – мыщэ «мэзым шыпсэу хьэклэкхьуэклэ плащэ, цы кьыр тету, и лъакьуэхэр гьум-клэщлэу» + *фэ* --

бажафэ – *бажэ* «и теплэкІэ хьэм ещхь, кІэ бапхьэшхуэ зыпыт хьэкІэкхуэкІэ лъэпкь» + *фэ* --

хуурыфэ – ? + *фэ* –

ИужькІэ къэдгъэлъэгъуа щапхьэм *хуурыфэ*-м и япэ Іыхьэм и мыхьэнэр адреи псалъэхэм ещхь кыхьэгъэкІыфкьым. Апхуэдэхэм деж зэзыгъапщэ-тхыдэ зэпкьрыхыныгъэм уеплтын хуейщ. Мыбдеж ар нэхьыфІуэу зыщІар Шагьыр Іэминщ. Абы зэхилъхьа Этимологии псалъалъэм зэритым хуэдэу *хуурыфэ* псалъэр мыпхуэдэу зыхэтщ: *хуур* «цымрэ лымрэ папщІэ зэрахуэ Іэщ цІыкІу лъэпкь» + *фэ* «псэушхьэм я пкьым цы тету е джафэу телъыр» [Шагиров 1977: 114]. ЩІэныгъэллым и фІыгъэкІэ дэ кыдошІэ пасэрей адыгэбзэм *хуур* псалъэ иджырей *мэл* нэгъуэщІыбзэм кыхьэкІам и пІэкІэ зэрыхэттар.

ЕплІанэрауэ, лІэщІыгъуэкІэрэ зызымыхуэж грамматикэмрэ фонетикэмрэ хуэмыдэу лексикэм куэд щІауэ къагъэсэпб фІэщыгъэхэм нэмышІ (псалъэм папщІэ, Іыхьыгъэр, цІыхум и Іэпкьлъэпкьыр, дунейм и къэхьукъащІэхэр къагъэлъагъуэу) махуэ къэс кыхьохьэ цІыхум и гъащІэм куэд мыщІэу щыщ хьуа щІэныгъэ, политикэ, техникэ сыт хуэдэхэм епха псалъэщІэхэри. Абы кыхьэкІкІэ, куэд щІауэ бзэм хэт псалъэхэмрэ щІэуэ кыхьыхьамрэ зэхуэдэу зэпхакьым, зэгъэпщакьым, я къэгъэсэбэпыкІэри затехуэркьым.

Аращи, бзэ зэхуэмыдэхэм уащыхуэзэ зи гугъу тщІа лексикэ зэхэтыкІэм хэмызагъэ я къэхьугъэ щхьэхуэхэми. Псалъэм папщІэ, осетиныбзэм *цІыху*, *цхьуантІэ*, *цхьуэ*, *удзыфэ* мыхьэнэ къазыгъэлъагъуэ псалъэ хэха хэткьым. Ауэ, Абаев В.И. зэрыжиІэмкІэ, абы кыкІыркьым осетинхэм плыфэхэр зыхамыгъэкІыу [Абаев 1970: 248]. НэгъуэщІ щапхьэ: китаибзэм зы псалъэ *цин*-ым *цІыху*, *цхьуантІэ*, *удзыфэ*, *фІыцІэ* плыфэхэр къегъэлъагъуэ [КРС 1952: 356]. Европэм, Африкэм, Кавказым, нэгъуэщІ щІыпІэхэм щыпсэу лъэпкьхэм куэдым я бзэхэм цІыхухьумрэ цІыхубзымрэ зэрызхагъэкІ грамматикэ гъэпсыкІэ хэткьым. Испаныбзэм, французыбзэм, анлыбзэм, финыбзэм, адыгэбзэм, нэгъуэщІ бзэхэми «лъэсу кІуэн», «зыгуэркІэ (шы, машинэ сыт хуэдэкІэ) кІуэн» мыхьэнэхэр зэхагъэкІкьым. Зэвгъапщэ: англ. *go*, исп. *Ir*; фин. *mennä*, адыг. *кІуэн*. Апхуэдэ зэхуэмыдагъэхэм куэдрэ уатепсалъыхь хьунуш, абыхэм я щхьэусыгъуэр къэплъыхуэу, ауэ бзэхэм я зыужьыныгъэм е я кыкІэрыхуныгъэм ар кыхьэкІыу жыпІэ хьунукьым. Денисов П.Н. зэритхымкІэ, языныкыуэ псалъэхэр лексикэм и системэм хэмыхьэу щхьэхуэу зэрыщытыфым арэзы техьуапхьэщ, апхуэдэ зэрыщыІэми щІэбгъэщІэгъуэн хэлькьым [Денисов 1980: 121].

Абы кыхьэкІыу дуней псом щыщІэрыІуэ Прагэм и бзэщІэныгъэ еджапІэм лексикэм и зэхэтыкІэр къазэрыгурыІуэм тешІыхьауэ унэтІыныгъитІ зэхегъэкІ. Япэ унэтІыныгъэм лъабжэ хуэхьур мы нэщэнэхэраш: 1) зыбжанэу зэхэт Іыхьэ зэпхэхэм системэ къагъэхьэ; 2) системэмрэ ар къэзыхьуреиэхьэмрэ зэпыщІауэ щытхэщ; 3) системэр нэгъуэщІ системэ нэхь иным и Іыхьэу хохьэ; 4) системэм и дэтхэнэ Іыхьэри системэу (подсистемэу) щытщ; 5) системэ къэс зэкІэлыкІуэ щІыкІэкІэ ухуащ: нэхь инымкІэ кыщІидзэрэ нэхь цІыкІум хуэкІуэу; 6) зэхэтыкІэр Іыхьэ хэтхэм я зэхушытыкІэу, субсистемэ, системэ зэмылІужьыгъуэхуэу ухуащ [Филипец 1978: 376].

Зи гугъу тщІа системэм и гурыІуэныгъэ «ткІийм» хуэмыдэу, еІуанэ унэтІыныгъэ системэм кыхегъэкІ ику, абы пэжыжьэу щыт Іыхьэр, я зэхуакум дэт зэхьуэкІыныгъэр щекІуэкІ Іыхьэр. Апхуэдэ бгъэдыхьэкІэм кыбгурегъэІуэ лексикэм и системэм хэмыхьэ Іыхьэхэр кыздикІыр (е иджыри абы хэмыхьауэ е кыхьэкІыжауэ), а системэм псори зэхуэдэу зэрыхэмытыр [Филипец 1978: 377].

А жытІам ипкь иткІэ наІуэ мэхьу лексикэм хэт занэхэр бзэщІэныгъэм и адреи Іыхьэхэм куэдагъкІи зэмылІужьыгъуагъкІи зэремышхьыр. Абы щыхьэт тохьуэ Яковлев Н.Ф. адыгэбзэм и системэ къэгъэлъагъуэным (фонетикэри, лексикэри, псалъэщІри, морфологиери, синтаксиси хэту) статьяуэ 150 хуэдиз зэрытриухуар [Яковлев 1948], Адыгэбзэ грамматикэ 1957 гъэм кыдэкІам статьяуэ 290 хэтщ

Клэщлэ жыплэмэ, фонетикэр, грамматикэр, лексикэр зэпхуэ щыт щхьэкI, я зыужыныгэр зэмыхщху йокIуэкI, псалтэм папщIэ, я зыхуэужыныгэм и псынщIагэм, жылагуэм кышыщху IуэхугуэщIэхэм зэрапэджэж щIыкIэм ар кыхош. Денисов П.Н. лексикэм и системэм щекIуэкI зыхуэужыныгэхэм я щхьэусыгуэу ебж: 1) псынщIэу зызыужь терминологиер; 2) псалгальэхэм кыххэ терминологиер пыщIауэ шымыт псалгэщIэхэр; 3) гуп хэхэхэм кыагэсэп псалгэхэр, псом хуэмыдэжу жьэрыIуатэ псалгэхэр; 4) фIэщыгэ зэмылIэужыгэуэхэм я зыужыныгэ щIэгэхуэбжар. Абы ипкь иткIэ, Денисов П.Н. зэрыжиIэмкIэ, зэщхьэщыгэкIын хуейщ езы бзэм и системэмрэ (мышьэнзэкIэлъыкIуэкIуэхуапсалгальэхэмкыагэзIагуэ), иджырейщIэныгэм и системэмрэ (щIэныгэ-техническэмрэ лъэпкыгэуэ зэмылIэужыгэуэхэмрэ я псалгальэхэм кыхош) [Денисов 1980: 54]. Апхуэдэу урысыбзэм и лексикэр зыпкьрихуэр Денисов П.Н. адрей бзэхэм я кьэхутэными и сэбэпынагь хилъхьащ. Кыххэгэщыпхьэщ, общественно-политическэ лексикэр адрей и гупхэм я зыужыныгэм хэлъхьэныгэщхуэ зэрыхуэхуар, псом хуэмыдэу тхьбзэ нэхь класэу зыгуэзта бзэхэм.

Франс А. зэритхымкІэ, алфавит экІэлъыкІуэкІэм тет псалъалъэр дунейуэ къэплъытэмэ, абы нэхърэ куэдкІэ нэхъ ину шыт лексикэм, апхуэдэ гъунапкъэ ткІийм хмызагъэм, езым и хабзэ иІэжу шытщ [Франс 1892]. Лексикэрэ лексикографиерэ зыдж щІэныгълІхэм ар къалъытэу псоми къыгурагълІуэн хуейщ лексикэм и зэхэтыкІэр. Абы ипкъ иткІэ совет лъэхъэнэм бзэщІэныгълІхэм лэжыгълІхуэ ирагълІуэкІауэ шытащ.

Апхуэдэу, Новиков Л.А. гу лыддегъатэ лексикэр бзэшцЫб Іуэхугъуэхэм зэрэпхам кыыхэкІкІэ адреЙ бзэ системэхэм зэремышцхьым. Псалъэхэр бзэм я хэкІынымрэ кыыхыхъэнымрэ нэрылыагъу яшІ лексикэр зэхуэшцІауэ зэи зэрышчымытыфынур. Кыыхэгъэщыпхъэш, лексикэ системэр къэпхутэну зэрыгугъум хуэдэу ар зэрышчыту зыми кызырэимыгъэсэбпыфынур [Новиков 1982: 62]. Псалъальэм щыщу дэтхэнэ зыми езыр зыхуей псалъэхэм фІэкІа кыигъэсэбпыркхьым. Ауэ гугъуш кызышчыбгъэхъуну зыгуэрым фонетикэмрэ грамматикэмрэ хэт занэ псори кыимыгъэшцхъэпэу.

59

зэхуужыныгъэ лъэпкъ имыгуэту кыхыхьэмрэ; кыхыхьам и хабзэм тетымрэ иджыри абы емыгъауамрэ; щыплъбзэ псалъэ псоми яцыхумрэ литературэбзэм куэдрэ узыщримыхьэлэхэмрэ. «Шэч хэлъкыым кызырыгуэцI жабзэм, гуп хэхам кыгъэсэбэп псалъэхэм, фIэщыгъэцIэ зэмылIэужыгъуэхэм литературэбзэм хэцIыхьыныгъэшхуэ зэрыщалэр. Абы ящIыгъужын хуейщ тхакIуэхэм, усакIуэхэм кыагупсысу я тхыгъэхэм хэгъэхьэ псалъэщIэхэри» [Шмелев 1973: 20, 21]. Зыщыбгъэгъупщэн хуейкыым жылагъуэм щекIуэкIхэр япэщIыкIэ лексикэм зэрыхыхьэр, итIанэ адреи бзэм и Iыхьэхэми (семантикэми, псалъэщIми, стилистикэми, фонетикэми, синтаксисми, морфологиэми) кызыращтэр.

БзэщIэныгъэлIхэм лексикэм и зэхэтыкIэр щаджым деж, ар гуп зэмылIэужыгъуэкIэ ягуэш. Абы щышу нэхьыщхьэу кыхагъэщыр лексикэ-семантикэ системэраш. Пэжу жыплэмэ, псоми зэхуэдэу лексикэ-семантикэ системэр кыагурыуэркыым, хэт абы «лексикэ-семантикэ гупкIэ» йоджэ, хэти «лексикэ системэ» фIэш [Новиков 1982: 60]. Апхуэдэр кызыыхькIыр, зи гугъу тцIы джыпхьэм фIэщыгъэ хэха зэрымIэм имызакуэу, ар кэхутауэ зэрыщымытыраш, псом хуэмыдэу ар ехьэлIаш тхыгъэщIэбзэхэм, псалъэм папщIэ, адыгэбзэм.

KIэщIу жыплэмэ, бзэ щыIэхэм язэхуэдэу кыхагъэкIын хуейщ лексикэм хыхьэ гупхэр. Иджырей адыгэбзэм Апажэ М.Л. хуищIа лексикэ зэхэтыкIэр IыхьиплIу зэхэтц: лексико-грамматикэ, лексико-тематикэ, лексико-стилистикэ, лексико-семантикэ системэхуэ [Апажэв 1992].

Псалъэхэр зыхыхьэ псалъэ лъэпкъыгъуэхэми, абы я грамматикэ гъэпсыкIэхэми лексикографиэм мыхьэнэшхуэ щалэш. Абы кыхыхьэкIэ лексикэ-грамматикэ и лъэныкуэкIи лексикологиер джын хуей мэху. Лексико-тематикэ гупхэм я кэхутэныр зыгуэрым хухэха е куэдым тепсэлтыхьэ щIэнгуазэхэр тхыным, мыхьэнэгъэнахуэ псалъалъэ, бзитI (зэзыхьэкI) псалъалъэ, нэгъуэщI лIэужыгъуэу щыIэ бзэщIэныгъэ псалъалъэхэр зэхэлъхьэным сэбэп щыхьунуш. Лексико-стилистикэ системэм псалъэхэр бзэм зэрыхэтыр кьелуатэ, ар тхыгъэ жабзэмрэ жьэрылуатэ жабзэмрэ нэхьыфI щыным хуэунэтIаш. Лексико-семантикэ зэгухьэныгъэм лексикэм ассоциатив, парадигматикэ зэхушытыныгъэхэр зэрылажьэр кыбгуригъауэкIэрэ бзэм и шытыкIэр, лъэпкъым и шыфэлIыфэр кьегъэналуэ. Апхуэдэу Апажэ М.Л. ищIа гуэшыкIэм тешIыхьауэ адыгэбзэм кыхыхьогъэкI абы хыхьэ лексико-семантикэ гуп пщыкIутI: зэмыхьэнэгъу псалъэхэр, зэпэщыт псалъэхэр, гипонимхэр, мыхьэнэбэ псалъэхэр, IуцIэзэщхь псалъэхэр, паронимхэр, псалъафэхэр, семантикэрэ ассоциатив зэгухьэныгъэкIэ, псалъэщIымыкIэ, конверсиемыкIэ, лексикэ зэгъэкIуныгъэкIэ зэпхауэ щыт псалъэхэр хэту. КъедбжэкIахэр, щхьэхуэ-щхьэхуэу узытепсэлтыхьын хуей Iуэхуши, адреи лэжыгъэхэм абыхэм я гугъу шытщIынш.

IщхьэкIэ шыжытIахэм IупщI къащI зи гугъу тцIа системэхэм я зэпкърыхыныгъэр лексикологиерэ семасиологиерэ я Iуэхугъуэ нэхьыщхьэу зэрыщытыр. Дэтхэнэ бзэми хэт псалъэхэр гуп-гупкIэ бгуэш хьунуш, зэхушытыкIэ зэмылIэужыгъуэкIэ зэпыщIахуэ. Ауэ щхьэусыгъуэ зыбжанэкIэ псалъэ гуэрхэр къонэ зы гупми хэмыхьэу. БзэщIэныгъэлI куэд лексикэм и зэхэтыкIэм тепсэлтыхьыш, абы бгъэдыхьэкIэ зэмыщхь кыагъэсэбэпурэ. А псори кызыэщIэпкъуэжмэ налуэ мэху лексикэр и шытыкIэм кыхыхьэу фонетикэм, морфологиэм, синтаксисым емышхьу системэ щхьэхуэкIэ зэрыхуар. Иджырей адыгэбзэм къэдгъэсэбэп лексикэм и лексико-грамматикэ, лексико-тематикэ, лексико-стилистикэ, лексико-семантикэ гуэшыкIэр Апажэ М.Л. ищIар араш.

ТегъэщIаплIэ тхуэхьауа литературэр

1. Абаев В.И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М.: Наука, 1970. С. 232–262.

2. *Апажев М.Л.* Вопросы влияния русского языка на кабардинский: лексика, семантика, фонетика. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. 151 с.
3. *Апажев М.Л.* Проблемы кабардинской лексики. Нальчик: Эльбрус, 1992. 336 с.
4. *Апажев М.Л.* Лексикология современного кабардино-черкесского языка. Нальчик: КБГУ, 2000. 131 с.
5. *Балли Ш.* Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 394 с.
6. *Бодуэн де Куртене И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. 2. 391 с.
7. *Будагов Р.А.* Система и антисистема в науке о языке // Вопросы языкознания. 1978, № 4. С. 3–17.
8. *Виноградов В.В.* О грамматической омонимии в современном русском языке // Русский язык в школе. 1940. № 1. С. 1–14.
9. *ВТ – Вопросы терминологии.* Материалы Всесоюзного терминологического совещания. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 232 с.
10. *ГКЧЛЯ – Грамматика кабардино-черкесского литературного языка.* М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1957. 240 с.
11. *Денисов П.Н.* Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Рус. яз., 1980. 254 с.
12. *Кабардинско-русский словарь.* М.: ГИС, 1957. 576 с.
13. *КРС – Китайско-русский словарь.* М., 1952. С. 356. № 3602.
14. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М.: Высш. шк., 1982. 272 с.
15. *Покровский М.М.* Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 382 с.
16. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М.: Учпедгиз, 1958. 534 с.
17. *Словарь кабардино-черкесского языка.* М.: Дигора, 1999. 860 с.
18. *Филипец Й.О.* О конфронтации частных семантических систем в словарном составе двух разных языков // ЯЧ. Сб. статей / под ред. А.Г. Широковой. М.: Прогресс, 1978. С. 372–388.
19. *Фортунатов Ф.Ф.* Избранные труды. Т. 1–2. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1956–1957. 924 с.
20. *Франс А.* Литературная жизнь. 1892.
21. *Шагиров А. К.* Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик: Кабардино-балкарское книжное издательство, 1962. 211 с.
22. *Шагиров А. К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. В 2-х т. М.: Наука, 1977. Т. 1. 291 с.; Т. 2. 224 с.
23. *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1941. 288 с.
24. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 278 с.
25. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.
26. *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1948. 372 с.

ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОСТИ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА)

Токмакова Мадина Хасанбиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), tokmak_madina_h@mail.ru

Данная статья посвящена проблеме системности в лексике. На примере кабардино-черкесского языка продемонстрирована связь составляющих ее элементов. Показана вся сложность исследуемого объекта, отмечены ее открытость, изменчивость. Спецификой лексики объясняется ее отличие от других языковых уровней: фонетики, морфологии, синтаксиса. В работе приведены взгляды различных ученых, рассуждающих о возможности системного изучения лексики. Так, рассмотрены два основных подхода известной Пражской лингвистической школы в понимании системности лексики. Также указаны

случаи ассиметричного характера и возможные причины их возникновения. В статье обосновывается необходимость построения типологии лексических объединений, реально существующих в каждом языке. Анализируется классификация лексических единиц кабардино-черкесского языка, предложенная М.Л. Апажеевым. Согласно ей весь словарный состав можно разделить на лексико-грамматическую, лексико-тематическую, лексико-стилистическую и лексико-семантическую подсистемы. Каждая из указанных подсистем включает определенные группировки слов в соответствии с заданными свойствами. Самыми специфичными для лексикологии и семасиологии являются лексико-семантические группы: полисемия, омонимия, синонимия, антонимия, паронимия, гипонимия, конверсия, фразеология, семантическое поле, ассоциативное поле, лексическая деривация, лексическая синтагматика.

Ключевые слова: лексика, системность, ассиметрия, лексико-грамматическая система, лексико-тематическая система, лексико-стилистическая система, лексико-семантическая система.

THE PROBLEM OF VOCABULARY SYSTEM (ON THE MATERIAL OF THE KABARDINO-CHERKESS LANGUAGE)

Tokmakova Madina Hasanbievna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), tokmak_madina_h@mail.ru

This article is devoted to the problem of consistency in vocabulary. By the example of the Kabardino-Circassian language, the connection of its constituent elements is demonstrated. The entire complexity of the object under study is shown, its openness and variability are noted. The specificity of the vocabulary explains its difference from other language levels: phonetics, morphology, syntax. The paper presents the views of various scholars discussing the possibility of a systematic study of vocabulary. Thus, two main approaches of the well-known Prague linguistic school in understanding the systemic vocabulary are considered. Cases of an asymmetric nature and possible causes of their occurrence are also indicated. The article talks about the need to build a typology of lexical associations that actually exist in each language. It is noted that the Kabardino-Circassian language uses the classification of lexical units proposed by M.L. Apazhev. According to it, the entire vocabulary can be divided into lexical-grammatical, lexical-thematic, lexical-stylistic and lexical-semantic subsystems. Each of these subsystems includes certain groupings of words in accordance with the specified properties. The most specific for lexicology and semasiology are lexical-semantic groups: polysemy, homonymy, synonymy, antonymy, paronymy, hyponymy, conversion, phraseology, semantic field, associative field, lexical derivation, lexical syntagmatics.

Keywords: vocabulary, consistency, asymmetry, lexical-grammatical system, lexical-thematic system, lexical-stylistic system, lexical-semantic system.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-56-62

ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ ПОЭЗИИ ИННЫ КАШЕЖЕВОЙ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»

Алхасова Светлана Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alkhas55@mail.ru

Целью статьи является изучение стадий развития творческого пути Инны Кашежевой в контексте тенденций отечественной литературы середины 50-х и конца 60 гг. XX в., эпохи «оттепели» и ее последующих этапов. Рассматриваются вопросы развития творчества поэта в художественно-эстетическом измерении и его связи с традиционной символикой народов Кавказа. Подчеркивается, что, как следствие пражских событий 1968 г. («пражская весна»), в конце 60-х годов и начале 70-х годов исчезли романтические надежды нового поколения российских поэтов; для многих деятелей культуры эти события стали их личной трагедией, и положили конец «оттепельной» эйфории. Поднимается проблема общественных и духовных запросов эпохи рубежа 50–60-х гг. и их преломления в искусстве и литературе. Показано, что поэты «шестидесятники» в своем творчестве во весь голос заявили о духовном пробуждении России, о возрождении традиций «серебряного века» в русской культуре. В статье впервые определены основные мотивы и идейно-художественные особенности поэзии Инны Кашежевой.

Ключевые слова: Инна Кашежева, лирический поэт, период «оттепели», идеи времени, эстетическое сознание, литературный процесс.

В 60-е годы XX столетия в литературном процессе многонационального Советского Союза произошло немало перемен. Бесспорно, что переломные исторические события той эпохи определили основные художественные тенденции, эстетическое сознание, идеи времени, которые в свою очередь нашли последующее отражение в литературе, и особенно в поэзии. Учитывая, что в данный период произошли такие знаковые события, как XX съезд КПСС и трагические события в Праге весной 1968 года, то период «оттепели» относят к 1956–1968 годам. Вместе с весьма неоднозначными пражскими событиями 1968 г. («пражская весна») в конце 60-х годов и к началу 70-х годов романтические надежды нового поколения рухнули; для многих писателей и поэтов эти события стали их личной трагедией, и положили конец «оттепельной» эйфории.

Подъем общественных и духовных сил творческой интеллигенции, который начался на рубеже 50–60-х гг. и проявлялся во всех областях искусства, позволял современникам говорить о духовном пробуждении России, о возрождении традиций «серебряного века» в русской культуре и литературе. Для определения временного отрезка середины 1950-х – конца 1960-х гг., как исторического этапа, существенно наличие уникальной идейно-эстетической парадигмы духовных исканий русской интеллигенции второй половины XX столетия. Понятно, что новые законы отражения реальности произошли не вдруг и не сразу. Предчувствия наступающих перемен появились в поэзии еще в первые послевоенные десятилетия в стихах поэтов – «шестидесятников», а также в поэзии самой молодой из них – Инны Кашежевой:

*Оглянусь в незнакомое время,
напрягаясь до боли в висках.
Будут падать года и мгновенья
зримо, словно в песочных часах.
Отменяю все «поздно» и «рано»,
предъявляю свой пропуск в «сейчас»...*

Так писала Кашежева в стихотворении «Оглянусь в незнакомое время...» [Кашежева 2014: 98].

Вторая половина XX столетия, и особенно период «оттепели»*, представляют собой относительно целостный и завершённый историко-литературный этап, определяющийся такими важными критериями, как изменяющийся мир и человек в этом мире. Такая тенденция отразилась в поэзии «шестидесятников». На фоне перемен на литературную арену вышли известные поэты – «шестидесятники» Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Бэлла Ахмадулина, Роберт Рождественский, Лев Анненский, Инна Кашежева и др.

В то время, как в литературной среде «шестидесятников» кипели нешуточные страсти, а нравы были достаточно вольные, в развитии кризиса общего литературного процесса, в поэзии в том числе, появились робкие и половинчатые сомнения в справедливости тоталитарного общества и лежащей в его основании коммунистической идеологии. Сдвиги в общественном сознании, публичное выражение взглядов «на аренах стадионов» (А. Вознесенский), естественно, нашли преломление в идейно-эстетических парадигмах поэтов достаточно ярко. Так произведения словесного искусства данного периода традиционно стали обозначаться понятием «оттепели»:

*Какая-то на сердце тяжесть,
а я не пойму отчего.
Как будто из пропасти тянешь,
да только совсем не того.
Какая-то на сердце смута,
а вот отчего, не пойму.
Как будто ты нужен кому-то,
да вот неизвестно – кому.
Но скоро наступит минута,
внезапной догадкой слепя:
Ты нужен себе, не кому-то,
и вытащить хочешь себя [Кашежева 2014: 104].*

Любая писательская деятельность стимулируется, помимо созидательно-эстетического импульса, и внехудожественными факторами, к которым принято относить психологический, житейско-биографический опыт и, конечно же, культурно-исторический контекст творчества автора:

*И снова еду наугад,
маршрут по сердцу проверяю,
свое волненье предъявляю
на въезд в открытый Ленинград...
В испуге распахнув глаза,
как будто перед человеком
Перед давно минувшим веком
Я жму всюду на тормоза.*

* Период «оттепели» – с учетом особенностей в истории социальной, культурной и художественной жизни России с достаточной долей условности можно выделить три периода (границы относительны): «оттепель» (1956–1968-е гг.); «период застоя» (1970-е – середина 1980-х гг.); «постсоветский (посткоммунистический) период» (середина 1985-х – 1990-е – 2000 гг.).

*И вижу сквозь овал окна:
Остановился мотороллер...
Дорога, словно моартиролог,
Все повторяет имена.
Как бронзово они звучат
В глаголе «будут!», а не «были»...»
И все вокруг автомобили
Непроизвольно тормозят [Кашежева 2014: 103].*

Как замечает Юрий Лотман, «являясь описанием самого стабильного, казалось бы, закрепленного в своей неподвижности фактора нашей ойкумены, география наиболее чутко реагирует и на самые различные аспекты социально-культурной истории» [Лотман 1997].

Собственную биографию Инна Кашежева рассказывает, как и подобает поэту, – тонкими лирическими строчками: «Отец мой – суровый горец, Глаза ледяной росы. А мама из нежных горлиц, Возвращенных на Руси». Чего нет в стихах, того словно бы не существует, даже дата рождения неточна. Огорчаться ли? Или признать символичное, по Маяковскому: «Я – поэт. Этим и интересен».

«Забытая поэтесса. Знаменитая Кашежева. Когда-то самая молодая звезда эстрадной поэзии. Песни на ее стихи с утра до ночи крутили по радиостанции «Юность». Ее пластинки и книги выходили немислимыми, по сегодняшним меркам, тиражами. Она ворвалась в русскую поэзию буквально на розовом коне, но подростком в школьном фартуке» [Дерико 2012].

Очень часто Кашежева обращается к прошлому и настоящему. В стихах она как бы ведет диалог со временем, поэтесса пытается подчинить себе пространство, уходит мыслями в XIX столетие. Там, в прошлом, Инна находит свое место, живет утраченными ценностями и жаждет вернуть их в свою современность:

*...Споткнулась о святой порог
Цивилизации резина...
Здесь умер Пушкин. Умер Блок.
Здесь родилась моя Россия [Кашежева 2014: 103].*

*О, где ты стиль эпистолярный?
Где вы, альбомы, дневники?
Чисты листы, как ледники
В стране стоградуснополярной.
Письмо начать бы – от руки! –
По-пушкински: «...мой друг бесценный!...» [Кашежева 2014: 105].*

Инна Кашежева всей своей поэтической душой тянется к эпохе аристократизма и великодушия:

*Холст дороги отбелен,
Кучер холоду рад...
Едет с Ниной Арбенин
На бал-маскарад.
Тех, кто гибнет невинно
Даже правнукам жаль...
Смерть придет к тебе, Нина,
Баронессою Штраль [Кашежева 2014: 130].*

В стихотворении «Настроение» она прямо говорит о своем пристрастии к минувшим эпохам:

*Живет во мне минувшее,
Глядит во все глаза.
Живу, все время слушая
немые голоса.
Повсюду, что ни делаю,
Я их в себе ношу,
И над бумагой белою
Свой карандаш крошу [Кашежева 2014: 132].*

И хотя ее часто называют поэтом-песенником, звездой эстрадной поэзии, она – тонкий лирик, прежде всего. Возвышенная лирика, точность метафоры, – вот что отличает поэзию Инны Кашежевой. Горы, луга, нескошенная трава, дожди и снега, старый сад, чей-то портрет, – все имеет душевные признаки в поэзии Кашежевой:

*О где те вешние луга
Без гроз и без прикрас
И то, как вольтова дуга,
Касанье губ и глаз?
.....
Где тот обманчивый дурман
Некошеной травы,
Который веру даровал
В бессмертие любви? [Кашежева 2014: 134].*

Поэтесса словно вдохнула живую человеческую душу в природу:

*Сад в дождь склонил свое лицо –
Спасительная влага...
И разлиновано крыльцо,
Как детская бумага [Кашежева 2014: 142].*

Инна Кашежева остро переживала сюрпризы, которое преподносило время, совпавшее с личными трагедиями в ее жизни – смертью родителей, автокатастрофой, в которой сломала себе ноги, с потерей близких... О личных трагедиях и потерях Инна писала в начале 70-х в стихотворении «А прошел всего лишь год»:

*А прошел всего лишь год.
Целый год без этих гор!
.....
Как же это? До сих пор...
Жить без них, любить без них...
Но без них и мир – безлик.

Календарь, ты мой палач.
Слышишь стоголосый плач?
Все дни года голосят,
Ровно триста шестьдесят.
А прошел всего лишь год.
Целый год моих невзгод,
Неудач, печалей, ссор,
Потому что все – без гор! [Кашежева 2014: 47].*

Как пишет Владислав Сибирцев, Инна Кашежева как-то сказала: «Когда умирает поэт, остается вдова. Она, если баба стоящая, все написанное им соберет, постарается издать, выколотит из друзей воспоминания. Когда умирает поэтесса, муж, даже если он был, заниматься этим не будет. Поэтому надо писать

о поэтессах...». Верная своим словам, Инна Кашежева писала – о Юлии Друниной, о Светлане Кузнецовой, Антонине Баевой. А вот о ней практически не пишут. Ветшают в библиотеках неоцифрованные сборники, истлевают в альбомах редкие фотографии. Душа в заветной лире пережила прах и – хочется верить, убежит тления. Потому что мы помним!

*Мы пробивались сквозь табу,
Искали черный ход,
Чтоб превратить ее, толпу,
Опять в родной народ.
Мы поднимались в небеса,
Парили в облаках...
Остались наши голоса
Навеки в Лужниках» [Сибирцев 2015].*

Уже в конце 60-х годов Инна Кашежева обрела свой путь в поэзии, единственный и верный. С детских лет влюбилась в горы, в родину отца, и этот мотив любви отразился ярко в ее поэзии. Любовь – это особенный воздух родины, без которого не жить и не дышать. Как пишет О. Дерико, «Девушка-полукровка, житель мегаполиса, Москвы, остро чувствовала глубокое, коренное родство с Кавказом, Кабардой, горами. Инна ощущала его своим домом. Таким, где любят, ждут, согреют, пожалеют, ободрят, который невозможно оторвать от души:

*Если вдруг в снегу утопну я
На дороге в два следа,
Распахнешь ты бурку теплую
И согреешь, Кабарда!*

* * *

*О родина отца, о родина моя!
О вечная и сладкая та боль.*

Когда сердце в Москве, а душа в Кабарде, когда мучительно осмысливается жизнь на две родины и два мира, рождается настоящее:

*А в моей Кабарде жара
А в Москве у меня дожди...
Ты отважься и из вчера
В свой сегодняшний день гляди.
На Эльбрусе лежат снега,
Над Москвой плывут облака...
Горы вечно во мне болят,
Город вечно во мне живет [Дерико 2012].*

В середине 70-х годов она перестала быть эстрадным поэтом, просто песенником, и стала настоящей лирической поэтессой.

В конце 1980-х годов Инна Кашежева впала в глубокую депрессию и сознательно отошла от литературной среды.

Источники и литература

1. Инна Кашежева. Избранное. Нальчик: Эльбрус, 2014.
2. Лотман Ю. М. Современность между Востоком и Западом // Знамя. 1997. № 9. С. 157–162.

3. Дерико О. Инна Кашежева. Время вслух // <http://fond-adygi.ru/page/inna-kashezheva-vremja-vsluh> (Дата доступа: 07.03.2012).
4. Сибирцев В. Незаходящее солнце Инны Кашежевой // Федеральный журнал «Горец» // <https://gorets-media.ru/page/inna-kashezheva> (Дата доступа: 20.12.2015).
5. Смирнова Н. Свой – хоть однажды! – но Машук! // https://45parallel.net/inna_kashezheva/ (Дата доступа: 21.05.2016).

IDEOLOGICAL AND AESTHETIC PARADIGMS OF INNA KASHEZHEVA'S POETRY DURING THE «THAW»

Alkhasova Svetlana Mikhailovna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alkhas55@mail.ru

The purpose of the article is to study the stages of development of the creative path of Inna Kashezheva in the context of the trends in Russian literature in the mid-50s and late 60s. XX century, the era of the «thaw» and its subsequent stages. The issues of the development of the poet's creativity in the artistic and aesthetic dimension and its connection with the traditional symbols of the peoples of the Caucasus are considered. It is emphasized that as a result of the events in Prague in 1968 («Prague Spring»), the romantic hopes of a new generation of Russian poets disappeared in the late 1960s and early 1970s; for many cultural figures, these events became their personal tragedy and put an end to the «thaw» euphoria. The problem of social and spiritual needs of the era at the turn of the 50–60s is raised. and their refractions in art and literature.

It is shown that the poets of the «sixties» in their work loudly declared about the spiritual awakening of Russia, about the revival of the traditions of the «Silver Age» in Russian culture. For the first time, the article defines the main motives and ideological and artistic features of the poetry of Inna Kashezheva.

Keywords: Inna Kashezheva, lyric poet, period of «thaw», ideas of time, aesthetic consciousness, literary process.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-63-68

ТЕММОЛАНЫ ХАМИТ ЭМ ЖАЗМА МАЛКЪАР АДАБИЯТНЫ АЙНЫУУ

Сарбашланы Мустафаны кызы Алёна, филология илмуланы доктору, Гуманитар тинтиулени Институтуну «Федерал илму араны «Россей академияны илмуларыны Къабарты-Малкъар илму ара» деген Федерал кырал бюджет илму учрежденияны Филиалыны кырачай-малкъар адабият бёлюмюню таматасы, alenasarb@mail.ru

Илму иште малкъар жазычу Теммоланы Мухадинни жашау эм чыгъармачылык жолу тинтиледі, XX-чы ёмюрню башында жазма адабиятны кыралыуунда кышумчулугу белгиленеди. Жазычуну «Хорлаулары жырлары» деген жыйымдыгында чыгъармаланы тематика энчилиги, заманны ниет излемине кёре суратлау даражалары, миллет маданиятны айныуунда кёчюрмечилик ишини магъанасы чертиледи. Кыра сёзде жазылган «Рамазан» деген чыгъармасыны жасмасындан юзюкле сюзюледиле, аны ниет-суратлау шартлары ачыкланадыла.

Ачыкылама сёзле: Теммоланы Хамит, чыгъармачылык, малкъар адабият, тарых заман.

Малкъар жазма адабиятны ал сатырларында болган жазычулары санында Теммоланы Хамитни (1909 (10-?) – 1937) аты белгиледи. Аны жашауу эм чыгъармачылык кыдары озган ёмюрню башында болган тарых болумлагъа бойсунгандыла, алагъа кёре кыралгандыла.

Басхан элде школну бошагъандан сора жаш адам билим алыргъа итингенди, ол себепден 1926 жылда Нальчикде кыралган Ленин атлы окъутуу шахарчыкда (ЛУГ) педтехникумга окыргъа киргенди, анда орталык билим алганды. Ызы бла тууган элине кыйтып, малкъар тилден дерсле бергенди, Кыашхатауда интернатда да ишлегенди. Хамитни билимли, намыслы устаз болганы, аны адамлыгы сохталарыны эслеринде кыалгандыла. Уллу Ата журт урушну ветераны Чеченланы Шамилни эскериулері айтылганнга шагъатлык этедиле [Чеченов 2000].

Теммоланы Хамит 1934 жылда Железноводск шахарда газет ишчилени экиайлык курсларын бошаганды. 1934–1935 жыллада «Социалист Кыабарты-Малкъар» газетни жууаплы секретары болганды, маданият бёлюмюне башчылык этгенди. 1936–1937 жыллада Кыабарты-Малкъар китап басманы адабият кыулукчусу болуп ишлегенди.

Теммоланы Хамит 1934 жылда СССР-ны жазычуларыны Союзуна алыннганды. Уллу Совет энциклопедияны (1936) «Кыабарты-Малкъар АССР» деген бёлюмюнде малкъар жазычулары санында жаш поэтни аты сагъынылганды.

Теммоланы Хамитни жашау жолу кысха болган эсе да, алай бардырган иши бла миллет маданиятха тийишли юлюш кышханды. Жазычуну чыгъармачылык хазнасыны малкъар адабиятда жерини юсюнден филология илмуда белгиленеди [Урусбиева 1978; Теппеев 1981; Сарбашева 2003].

Хамит жазыу ишин 1930 жылда башлаганды. Ол алга кёчюрмечиликке эс бурганды: орусчадан малкъар тилге жаш поэт П. Германны «Ёргеден ёрге», М. Голодныйны «Партизан Железняк» деген белгили жырларын кёчюргенди. Жаш жазычуну чыгъармачылыгыны эстетика магъанасы заманны излемине тийишли болганды. 1930 жыллада кыра танымаган, окыугъа, жазыугъа энди

кёз ачып башлагъан малкъар окъуучуну тыш миллетли сёз усталаны чыгъармалары бла шагъырей этерге итине, А. Пушкинни «Чыганлыла» деген поэмасы бла орус халкъны маданияты бла танышдыргъанды. Кёчюрюлген чыгъарма ариу эм тынч окъулгъанды, магъанасы ангылашыныулу болгъанды.

Хамит къуру кёчюрюу иш бла чекленмегенди, назмула, очеркле да жазгъанды. Аланы саны кёп болмагъанды, болсада миллет адабиятыбызны ал атламларына себеплик этгенди. Аны биринчи назму жыйымдыгы 1935 жылда «Хорлаулары жырлары» деген ат бла басмалангъанды. Китапха жыйырмадан артыкъ назму эм орус тилден кёчюрмелери киргенди.

Хамит жангы заманны жарыкылыгына, тюзлюгюне ийнанганды. Аны жашау жоругъу да игиликке, тюзлюкке къуллукъ этиу бла байламлы болгъанды. Ол себепден къууанч сезимледен толу эдиле кёлюнден жазылгъан назму тизгинлери да («Жангы эл», «Насыплы жашау»). Хамитни назмулары заманны халине, ниет излемине кёре къуралгъандыла («Эркинлик ючюн кюрешюден», «Жюрек тамырлары титиретген иургу», «Унутулмазлыкъ Ленинге» эм д.а.к.). «Поэтни чыгъармаларыны асламында халкъны тюзлюкке, жашау тирликке талпыныуу, сабанчылары, малчылары умутлары бла ниетлери, аланы ата оякъларына, туугъан жерлерине сыймекликлери суратланады», – деп жазгъанды Мокаланы Магомед [Мокаев 2000].

Теммоланы Хамит эсини асламысын саясат болумлагъа берген эсе да, миллетине сыймеклигин, аны кенг эм жарыкъ жолгъа чыгъарын, айнырын жашырмай айтханды:

*Жашча, журтум, кючлю атла,
Санга къууанып къарайма.
Сенде жашагъан инсанны
Эм насыплыгъа санайма.
(Туугъан журтум) [Теммиев 1959: 35].*

Назмучуну лирика сезими аны туугъан жери бла, табийгъаты бла чексиз байламлыды. Жашауда болгъан тюрлениуени юсюнден (колхоз къурулуш, урунуу, окъуу-билим, жарыкъландыруу иш) хапарлау халда, «къургъакъ» тизгинле бла билдире эсе, табийгъатны суратлагъанда, ёхтем ауазы шатык эшитиледи:

*Таракъ тауларынг къарайдыла ышарып,
Салкъын аяз бла алгъыш этелле.
Акъ булутларынг башынгда узалып,
Къучакълап, ийнакълап, ёрге ётелле...
(Нальчик) [Теммиев 1959: 19].*

*Сакъ жауун аязып, эрттенде кюн тийсе,
Чууакъ кёкден таякъларын жерге ийсе,
Ма андады хауаны таза игиси, –
Къандырады кырдыкланы токъ ийиси...
(Жангы эл) [Теммиев 1959: 12].*

*Ёшюнюнгде акъ булутла тёшек этиб,
Юсюнге аладан сериун жетиб.
Салкъын сыртлада жатыб кийиклеринг,
Къайырылыб къарайла бийиклеринг...
(Кавказ таула) [Теммиев 1959: 50].*

Жазуучу суратлау сёзге усталыгын уллу лирика жанрда да сынаиды: ол 1936 жылда «Октябрь» деген поэмасын жазады эм аны «Жангы кюч» деген альманахта басмалайды.

Назмуладан тышында Хамит кыламын кыра сёзде да сынаганды. 1933 жылда ол «Рамазанны ал атламлары» деген очеркни жазганды. Жазуучу баш жигитини кыдарын тарых болумла бла байламлыкыда кёргюзтгенди.

2000 жылда заманны «жюгюню» тюбюнде «басдырылып» турган жазуучуну «Рамазан» деген повестини жазмасыны юзюклери «Заман» газетни бетлеринде басмаланнгандыла. Кыра сёз бла жазылган чыгярмада Хамитни тил байлыгы, суратлау мадарла бла хайырлана билгени шартды. (Биз этген оюмга кёре, бу чыгярманы мурдорунда «Рамазанны ал атламлары» деген очерки болганды.)

1930 жыллада жазылган чыгярмалада табийгыатны сыфатын кыураган суратлау тёреледен бири болганды. Озган заманны кесаматчылары ол шартны кемчиликке санагандыла. Алай табийгыат болумлагы эс буруу окыуучуну сюжет ыздан ажашдырмаганды, жаз тилге айланып, чыгярманы эстетика жанындан кючлендиргенди. Теммоланы Хамитни «Рамазан» деген повестини юзюклерин окыганда, анга бютюн тынгылы ийнанаса. Жазуучу заман тохдашдырган тёрелени бузмай, табийгыат суратлау мадар бла тири хайырланнганды. Юлгюге айтханда: *«Кёгде жулдузла бир бирлерине ышарып кыарай эдиле. Бир бирлерине кыонакыга баргянча, узун сары ызыкыла кыоюп уча эдиле. Таракы-таракы кыаяланы, ёре жухланы, сыйдам аркыа сыртланы артларындан жылытырап кыарай эдиле. Бугейлени, чыранланы суулары да, кеслерини тохтамай эшитдириучю жырларына тюрю-тюрю макыамла берип, шорхулдап бара эдиле. Минги тауну жанындан урган аяз кёкке чыгыа келген булутланы кесини ичинде эритип, тас этип кыоя эди.*

Бир кесекден толган айны жарыгы бийиклени тёппелерин жарытып, юслерине сары кийим кийдирип тебиреди. Айны жарыгы Рамазанны ыстауаты бла бирге кесини ичине жыйды...» [Теммоев 2000].

Дагыда: *«Тангны жарыгы кыаяланы башларына жетип ышартды, бир кесекден Минги Тауну башына кюн жетип, кюмюшню алтын суугыа боягянча, кыарап тоймазча ариу тюрсюню этди. Андан да энишге салына, кыалган тауланы да башларына кюн кесини ариу, толду жарыгыын берип, акы бармакылагы алтын оймакыла сукыгянча этди»* [Теммоев 2000]. Быллай юлгюге жазуучуну «хат» энчилигин, суратлау сёзюню жютюлюгюн, аны сезим байлыгы, дуниягы кёз кыарамы жарык болганын да кёргюзтедиле.

Повестини баш жигити сегизжыллык ёксюз жашчыкы Рамазанды. Аны кыдары Хочуланы Салихни «Сафар бла революция» деген хапарыны жигити Сафарны кыдарына ушайды: экиси да жалчылыкны азабын сынаган сабийледиле. Ёксюзлюк, жаланнгачлык, зорлук, артыктык сабийликке келишмеген затладыла. Болсада аладыла Рамазанча, Сафарчаланы сабий дунияларын ажымлы, мутхуз этгенле. Хочуланы Салихни жигити класс душманны кёрюп болмай, дерт алыргыа итине эсе, Рамазанчык алыкын аллай оюмладан узакды. Сынаган кыйынлыкларыны сылтаун жашчыкы жаланда ёксюзлюгюнде кёреди. *«Ол (Токыболат бий – С.А.) мени атам, анам болмай ёксюз кыалганым ючюн артыктык эте болур», – деп ахтынады жашчыкы»* [Теммоев 2000]. Алай кюйсюзлюкню сылтау заман туудурган тенгсизликдеди. Рамазанны юрегинде аз-аздан азатлыкыга итинген сезим айныйды. Аны тынгылы ачыклар муратда жазуучу кыра кыушну бла кыарыусуз жумарукыну араларында кюрешни кёргюзтеди, аланы сыфатларыны юсю бла жигитлерини жашауларын, кылыклары ачыкларгыа итинеди. *«Рамазан, элгенерек да болуп, ёрге кыараганда, бир уллу кыра кыуш хуна чауулну ичинден бир жумарукыну тюклерин боран этдирип, жытю, гылжы тырнаклары кыабыргыаларына беклеп, кыарын тюбюне кыысып, жыыйп, кётюрюп чегетге учду. Ол ариу кыанатлыкыны ол огырсуз кыушну зорлук, жыртыгучу тырнакларыны ичинде бир затдан да болушлук болмай, титиреп, буюгып баргянын кёргенде, Рамазан Токыболат аны кыалай кыйнагянын, сыйсызлагянын, хакыын ашагянын, дагыда кесине жетген кёп кыйынлыкылары эсине тюшюрдю.*

Жалчы жашчык бу саггышлагъа кёл ийип, жумарукъну сермеген кѳуш ол насыпсызны кѳалайда чачарыкѳды деп, чегетге кѳарап бир талай турду. Ол кѳолайсыз жумарукъну жыртыучу огѳурсуз кѳушну тырнакѳларындан ычхындырып, ариу таулада, жумушакѳ татыулу ёрюшлю, хычыуун сериуюнлю зыгѳыр этеклеринде эркинлик жашауда ёмюрюн азатлыкѳ болумгѳа салыргѳа бек суйгенлей кѳалды» [Теммоев 2000]. Адамланы бла чыпчыкѳланы кѳадарларын тенгешдириу чыгѳарманы мурдорун кѳурагѳан класс келишиусюзлукѳ бла байламлыды, ол суратлау чѳйреликни кѳчлендиреди.

Теммоланы Хамит, аны тѳлѳосюню келечилери Будаиланы Азрет, Улбашланы Ахмадия, Хочуланы Салих, Гуртуланы Берг, Этезланы Омар эм башхала, илмуда белгиленнгенича, суратлау ишлерин халкѳ чыгѳармачылыкѳны тѳрелерине кѳре кѳурагѳандыла, ол болум а жазма адабиятны айныууна уллу себеплик этгенди [Сарбашева, Узденова 2016: 39]. Болсада, биринчи жазылгѳан хапарла, назмула кемчиликледен азат болмагѳандыла: чакѳырыулукѳ, насийхатчылыкѳ, саясатчылыкѳ, хорлагѳан социализмни ниет излемине сыйынуу чыгѳармачылыкѳ жорукѳланы бузгѳандыла, лирикалыкѳны «тунчукѳдургѳандыла». Жашауда болгѳан тарых-жамауат тюрлениуле адабиятны кеслерини борчларына (бек биринчиден, окѳуу эм жарыкѳландырыу бла байламлы) бойсундургѳандыла [Сарбашева 2016: 21]. Белгиленнген шартла суратлау сѳзге усталаны фахмуларын эниш этмегендиле. Аланы чыгѳармаларында совет власть кѳурагѳан жашауну суратлау оюмлауда жангы сезимле да туугѳандыла. «Ол жылладагѳы назмулада жангы ниетлени жыйыу, ариу кѳылыкѳга юйретиу алыкѳа кѳарыусуз амалла бла бардырылады, – авторла адамны хар кюнде не этерге кереклисин белгиле жорукѳла бла чеклерге кѳурешедиле. Алай болгѳанлыкѳга да, назмулада жангылыкѳ сезилип турады» [Урусбиева 1981: 110].

Сагѳынылгѳан кемчиликледен азат болуп, чыгѳармачылыкѳн айнытырча, Теммоланы Хамитге заман, аны бла бирге уа сынау да керек эди. Белгилисича, XX ёмюрню 30-чу жыллары огѳурсуз жылла болгѳандыла, адамла да кѳп азап сынагѳандыла. «1930 жылланы эки бети бар эди. Бир бети – халкѳланы итиндирген жарыкѳ эди, огѳурлу, берекет, кѳарындашлыкѳ, шуѳхлукѳ тежеген. Башха бети – кѳара эди, кѳюйсюз, огѳурсуз, адамланы, миллетлени шош кѳапхан, – ол халкѳладан жашырын эди, аны кѳппе кѳералмагѳандыла» [Толгуров 2000: 51].

Кѳыралны кѳюйсюз, зорлукѳ жорукѳларыны хатасындан, жарсыгѳга, Теммоланы Хамитни жашау жолу замансыз юзюлген эди. Жаш назмучу 1937 жылда жалгѳан дау бла ажымлы жоюлгѳанды, «кезиусюз ёчюлген жулдузланы» санына тѳушгенди. 1958 жылда аны терслиги болмагѳаны (реабилитация этилип) тохташдырылгѳанды.

Кѳулийланы Кѳайсын «Беш жулдуз» деген назму циклинде тамата кѳалам нѳгерини бушуулу кѳадарына атап мудахлыкѳ бийлеген тизгинлени жазгѳан эди:

*Алай жеталмадын келлик кюнлеге,
Уллу сѳз-тил жетди сени ызынгдан,
Тенг болдунг кѳазауатда ёлгенлеге,
Жолда окѳ тийгенлей тау ауузунда!..*

*Сен да тау аузунда кетип баргѳанлай,
Жашил, жаш кюнлеринге да кѳууана,
Иги умутларынг алда тургѳанлай,
Жарты жолда тѳгюлдю таза кѳанынг [Кулиев 1980; 72].*

Теммоланы Хамитни «Хорлауланы жырлары» деген жангыз назму китабы экинчи кере 1959 жылда басмаланнганды. Бюгюнлюкде жазычуну чыгѳармачылыкѳ хазнасы жангыдан «жашау сынарѳа», кѳара сѳз бла жазылгѳан чыгѳармалары да кѳошулуп, жыйымдыкѳ кѳураллыкѳ баямды. XXI ёмюрню окѳуучусу Хамитни суратлау иши бла жууукѳ танышып, малкѳар адабиятны айныууну ал атламларында кѳошумчулугѳуна тийишли багѳа бичерге борчлуду.

Источники и литература

1. Кулиев К. Учуп баргъан къанатлыла. Нальчик: Эльбрус, 1980. 128 б.
2. Мокъаланы Магомед. Жалгъан дау жойгъан поэт // Заман. 2000. 16-чы декабрь.
3. Сарбашева А. Теммоев Хамит // Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в.) Биобиблиографический словарь. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 336–335.
4. Сарбашева А.М., Узденова Ф.Т. К проблеме взаимодействия фольклора и литературы в современном литературоведческом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Издательство Грамота, 2016. № 4–2 (58). С. 38–41.
5. Сарбашева А.М. Деактуализация духовного наследия на этапе становления балкарской литературы в начале XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Издательство Грамота, 2016. № 5–1 (59). С. 21–23.
6. Теммоев Х. Хорлаулары жырлары. Нальчик: Къабарты-Малкър китаб басмасы, 1959. 96 б.
7. Теммоев Х. Рамазан // Заман. 2000. 19, 20 декабрь.
8. Теппеев А. Литература 20–30-х годов // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 92–126.
9. Толгъурланы Зейтун. Малкър литература. Нальчик: Эльбрус, 2000.
10. Урусбийланы Фатима. Хорлагъан социализмни литературасы // Малкър литератураны историясыны очеркери. Нальчик: Эльбрус, 1978. Б. 102–122.
11. Чеченланы Шамил. Сюйген устазымы эсгере // Заман. 2000. 16-чы декабрь.

ХАМИТ ТЕММОЕВ И СТАНОВЛЕНИЕ БАЛКАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сарбашева Алена Мустафаевна, доктор филологических наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alenasarb@mail.ru

В статье рассматривается жизненный и творческий путь одного из представителей первой плеяды балкарских профессиональных писателей Хамида Теммоева. Отмечается его роль в становлении письменной словесности в начале XX века. Объектом внимания являются сборник стихов «Хорлаулары жырлары» («Песни побед»), отрывки из рукописи повести «Рамазан». Определяются идейно-художественные особенности произведений, в которых находят отражение характерные явления революционной эпохи.

Ключевые слова: Хамит Теммоев, творчество, балкарская литература, историческая эпоха.

KHAMIT TEMMOEV AND THE FORMATION OF BALKAR LITERATURE

Sarbasheva Alena Mustafaevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Sector of Karachai-Balkan Literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alenasarb@mail.ru

The article examines the life and creative path of one of the representatives of the first galaxy of Balkar professional writers Khamid Temmoev. Its role in the formation of written literature at the beginning of the 20th century is noted. The object of attention is the collection of poems «Khorlaulany zhyrlary» («Songs of Victories»), excerpts from the manuscript of the story «Ramadan». The ideological and artistic features of the works, which reflect the characteristic phenomena of the revolutionary era, are determined.

Keywords: Khamit Temmoev, creativity, Balkar literature, historical era.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-69-73

УДК 94(470.6)+395(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-74-82

ЧЕРКЕССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Алоев Тимур Хазраилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), aloborsa@mail.ru

Единство лингвокоммуникативного пространства черкесского этноса, представленного кяхским/нижним/западным и шхагским/верхним/восточным диалектами *адыгэбзэ*, не подвергалось сомнению, по крайней мере, с эпохи Средневековья. Однако в конце Кавказской войны абсолютное большинство черкесов было депортировано в Османскую империю. С этого времени черкесское население Кавказа представлено несколькими, относительно крупными анклавами. Последующее становление современного административно-территориального деления в 20-х гг. XX в. зафиксировало эту ситуацию. В институциональном плане это выразилось в закреплении «новых» этносов: шапсугов, адыгейцев, черкесов и кабардинцев в номенклатуре народов СССР. В этот период государство приступило к внедрению двух литературных норм для населения разных черкесских анклавов. В западных анклавах учреждался «адыгейский», в восточных – «кабардино-черкесский» языки. При этом были проигнорированы как общее самосознание, наиболее ярко выражающееся в едином самоназвании («адыгэ»), так и наличие единого эндолингвонима («адыгэбзэ») всех черкесов. Следовательно, возникновение новых литературных норм было детерминировано факторами экстралингвистического характера.

В силу того обстоятельства, что реализованный в 20-х гг. прошлого века модус интервенции в черкесское лингвокультурное пространство существенно отличался от моделей большевистского нацистроительства в других регионах в предпринятом исследовании задействованы элементы компаративной оптики. Так, в тексте выявляются две парадигмы нацистроительства, которым следовала большевистская власть в 20-х гг. на иноэтнической периферии. В первом случае, предельно комплиментарные установки в отношении зачастую «рыхлых» этнических массивов объяснялись стратегическими целями внешнеполитического курса нового государства. Так, создавая советские Карелию и Бурятию, режим видел в них «витрину» и плацдарм для последующей экспансии соответственно на родственные им Финляндию и Монголию. Вторая логика препарирования этнокультурных реалий на постимперском пространстве диктовалась ограниченностью ресурсов в условиях разрухи после Гражданской войны. К примеру, осетинский и мордовский кейсы полностью укладываются в подобную рамку.

На фоне подобной фактологии черкесский случай обнаруживает явную атипичность инструментария, избранного в его отношении. Даже для большевиков, отличавшихся высоким уровнем административно-преобразовательной алертности «черкесский вопрос» оказался столь неподатлив, что они предпочли законсервировать статус-кво унаследованный от царского режима.

Ключевые слова: диалекты, язык, этнос, черкесы, эндолингвоним.

В конституциях республик на Северном Кавказе, как правило, зафиксированы языки, обладающие статусом государственных на соответствующих территориях. Так, в качестве такового в Конституции Кабардино-Балкарии, наряду с другими занесен *кабардинский* (Конституция Кабардино-Балкарской Республики. Ст. 76).

В основном законе соседней Карачаево-Черкесии аналогичным образом постулируется положение *черкесского* языка [Конституция Карачаево-Черкесской Республики от 5 марта 1996 г. Ст. 11]. Учредительный документ самой западной северокавказской республики – Адыгеи также содержит утверждение о соответствующем статусе *адыгейского* языка [Конституция Республики Адыгея. Ст. 5].

Такое положение дел можно воспринять как подтверждение декларируемых современным российским государством федералистских установлений. А в контексте столь важных документов как «Закон о государственном языке» [Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. От 05.05.2014) «О государственном языке Российской Федерации. Ст. 1. П. 7 и закон «О языках народов РФ» (Закон РФ от 20.10.1991 № 1807-1 (ред. От 12.03.2014) «О языках народов Российской Федерации»], призванных обеспечить этнолингвистические аспекты федерализма так и вовсе может сложиться впечатление безупречного агрегирования федералистских опций на региональном уровне. Однако впечатление гармонии буквы и духа федерализма, подразумевающего заботу о языковом разнообразии, окажется не столь убедительным, если обратиться к текстам отмеченных документов на самих упомянутых «языках». В случае с Кабардино-Балкарией на *кабардинском*, Карачаево-Черкесии – черкесском и Адыгеи, соответственно, *адыгейском*. Во всех трех случаях мы будем иметь дело с одним-единственным и общим для всех представленных под различными номинациями идиомов эндолингвонимом – названием языка самими его носителями. Он звучит как *адыгэбзэ*. Так как эквивалентом самоназвания «адыгэ» является экзоэтноним «черкес», а лексема «бзэ» в переводе на русский означает «язык», во всех трех случаях речь идет об одном и том же черкесском языке. Разумеется, и язык этот принадлежит одновременно не трем (а, с учетом черкесов черноморского побережья, занесенных в реестр малочисленных народов РФ в качестве отдельного этноса, даже четырем), как следует из содержания упомянутых республиканских конституций, а единому черкесскому этносу.

Ретроспективный взгляд на обстоятельства возникновения столь странной, и дезориентирующей ситуации позволяет говорить во многих отношениях об экстраординарном прецеденте в опыте советского (и наследующего ему современному российскому) националстроительства и практиках языковой политики.

Чтобы проиллюстрировать данный тезис, имеет смысл предварительно составить представление об уровне и устойчивости этнического самосознания (на котором зиждется единый эндолингвоним) черкесов на протяжении многих столетий. Источники позволяют отследить его характеристики, вернее интегральный элемент с эпохи Средневековья. Так, описывая реалии XV в. генуэзец Дж. Интериано писал: «Зихи – называемые так на языках: простонародном (итальянском. – Т.А.), греческом и латинском, татарами и турками именуемые черкесы, сами себя называют – «адига» [Интериано Джорджио, 1974: 46]. К первой половине XVII в. относится документ, где пшышхуэ («великий князь») Большой Кабарды Шогеноко Алегуко обращает внимание на один из характерных обычаев «черкасов», к которым он относит себя [Кабардино-русские отношения: Сборник документов и материалов, 1957: 182]. Это тем более показательно, что Кабарда и составлявшие ее княжества к этому времени уже не первое столетие вели обособленную в политическом отношении жизнь. Также примечательно, что кабардинский князь рассуждает об особенностях, характерной для всего черкесского народа, как о само собой разумеющемся явлении. В этом плане довольно любопытными представляются сведения из составленного в 1727 г. в Коллегии иностранных дел «допроса» «двух человек черкесов», «которые в Крыму были в плену». Показательно, что на вопрос, «какой подлинно нации» разновременно попавшие в плен, имевшие существенную возрастную разницу, принадлежавшие к неодинаковым сословным и конфессиональным группам Тлостанок Сулиман и Базруко Абулганом указывали,

что являются представителями «горских черкес, кабардинские земли» [Архив Внешней политики Российской империи. Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 115/1, 1727. Д. 1. Л. 1–6]. Такое позиционирование, наряду с прочим, демонстрировало зрелость и устойчивость этнического самосознания, не допускавшего его подмены самоидентификацией иного уровня, в данном случае, базирующейся на понятии о политико-территориальной принадлежности.

Предельная четкость этнического самосознания черкесов в этот период иллюстрируется и суждением Хатокшоко Бамата, одного из видных политических деятелей Кабарды первой половины – середины XVIII в. В ходе общения с российским представителем капитаном Барковским в июне 1747 г. он информировал собеседника: «А черкесы – общее ж слово, все живущие в Кубане по сю сторону Черного моря даже до Брагунской деревни (на крайнем юго-востоке кабардинских княжеств. – Т.А.) темиргойцы, джадуги (бжедуги. – Т.А.), джена (жанеевцы. – Т.А.), атукаи (хатукаевцы. – Т.А.) и протчия» [КРО. Т. II. М., 1957. С. 141]. Обращает на себя внимание предусмотрительная концовка предложения князя, справедливо не ограничивавшего круг относившихся к черкесам локальных групп перечисленными единицами.

В следующем столетии, когда после заключения Адрианопольского трактата в сентябре 1829 г. у правительства России возникла насущная необходимость в адекватной информации и компетентных оценках ситуации на территориях, относительно которых Петербург получил со стороны Порты карт-бланш, был создан комитет «для устройства Закубанского края». В «журнале» этого органа, в частности, указывается: «Пространство между Малкою, или кочевьями Кабардинцев с их вассалами, и Черноморским берегом занято различными племенами, они все говорят почти одним с Кабардою наречием и суть не что иное, как отрасли многочисленного народа *Черкесского, который... сам себя именует Адиге* (курсив наш. – Т.А.)» [Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 890]. В этом документе имеется и другое, отличающееся не меньшей однозначностью сообщение. Оно гласит: «Воинственные поколения, известные в Европе под... названием *Черкесов*, а между ними самими под общим наименованием *Адиге* (курсив наш. – Т.А.), занимают всю северную и западную покатости Кавказских гор, начиная от Черного моря до р. Терека...» [Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 890]. Спустя несколько лет Хан-Гирей в своих «Записках...», в рубрике «наименование» предельно однозначно характеризует ситуацию с этническим самосознанием своего народа. Он пишет: «Племена, составляющие здесь описываемый народ... имеют два общих главнейших наименования: адгхе и черкесы. Первым они сами себя именуют... Второе дают им: россияне, турки, грузины и другие народы (курсив наш. – Т.А.)». Выдающийся кавказовед и археограф Адольф Берже в 1858 г., обозревая народы Кавказа, указывал на черкесов как «называющих себя Адиге» [Берже 1992: 16].

Прочное этническое самосознание закономерно обусловило четкую очерченность черкесской языковой общности. Данный аспект языковой ситуации у черкесов накануне крушения их страны и некоторое время спустя после него также исчерпывающе отражен в источниках. Так, вышеупомянутое экспертное суждение о том, что все черкесы от «черноморского берега» до Восточного Закубанья «говорят почти одним с Кабардою наречием», подтверждается как источниками русского происхождения, так и самими черкесами. Офицер Генерального штаба, служивший в Отдельном Кавказском корпусе И. Бларамберг в 1834 г. писал: «Черкесский язык полностью отличается от других известных языков; на совершенно чистом черкесском языке говорят в Большой и Малой Кабарде и в племени бесленеевцев... другие же черкесские племена, обитающие за Кубанью и вплоть до побережья Черного моря, говорят на диалектах, в большей или меньшей мере отличающихся от коренного языка» [Бларамберг, 1999: 146–147]. Примерно в это

же время бжедугский аристократ Хан-Гирей отмечал, что к *адыгэ* принадлежат люди, «говорящие одним черкесским языком, несмотря на различие наречий оно-го» [Султан Хан-Гирей, 2009: 124]. В другом месте он, детализируя и подтверждая мнение предыдущего автора, констатирует следующее. «Черкесский язык делится на два главнейших наречия, из коих первое, которым говорят кабардинцы и беслинейцы, почитается за чистейшее... Второе есть общее у всех прочих племен составляющих черкесский народ, и называется наречием **низовым**, т.е. которым говорят низовые черкесы» [Султан Хан-Гирей, 2009: 124]. Академик А.М. Шёгрэн, посетивший Кавказ в 1836–1837 гг. и предпринимавший попытки изучения некоторых языков региона, писал о «транскубанском» и «диалекте Кабарды» исключительно в рамках единого черкесского языка [Шёгрэн, 2010: 303–304]. Красноречиво и свидетельство Дж. Бэла, относящееся ко второй половине 30-х гг. XIX в. В нем отмечалось: «Местное название народа и черкесского языка – «адыге»... Этот язык употребляется на территории от восточных границ Кабарды до Черного моря» [Бэлл, 2007: 42]. Подобную картину наблюдал и К.Ф. Сталь, утверждая, что «на всем пространстве от Малой Кабарды до Черного моря господствует язык черкесский (адыге)». Вместе с тем автор признавал, что язык этот «разделяется на... наречия, удобопонятныя один для другого...» [Сталь, 1900: 114]. Представляется закономерным, что и признанные знатоки черкесского культурного контекста П. Тамбиев и Л. Лопатинский более ста лет назад фиксировали два «наречия» черкесского языка – кабардинское и кяхское. К последнему они разумно относили абадзехский и бжедугский «говоры» [Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, 1891. Вып. XII. С. 106; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, 1900. Вып. XXVII. С. 1–60]. Как видим, все приведенные мнения базируются на позиции наличия, характеризовавшейся полидиалектальностью и полицентричностью единой черкесской языковой общности.

Как же стало возможным, что недавно еще столь монолитная языковая общность в настоящее время предстает в конфигурации разрозненных лингвистических единиц?

Военно-политическим и демографическим базисом, предопределившим благоприятные условия для последующей интенсивной, масштабной экстралингвистической инвазии в пространство *адыгэбзэ* стала ситуация, сложившаяся в результате Геноцида (Лъапсэрых) черкесского народа со стороны Российской империи в 1860–1864 гг. [Милютин, 2004: 475; Фадеев, 2010: 179–184; Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления, 2013: 151]. Тогда, на излете Кавказской войны более полумиллиона черкесов, выживших в столетнем кровопролитии, были изгнаны с Родины. Бедствие, постигшее народ, было настолько всеобъемлющим, что очевидцы злодеяния выражались в самых безысходных интонациях относительно витальности жертв Геноцида. Исследователь кавказских языков П. Услар, не видя никаких перспектив к самобытному существованию этноса сообщал как о свершившемся факте, что «черкесы, которых знали греки еще 25 веков назад, уложены на кладбище народов» [Услар, 1869: 24]. Другие всего лишь отсрочивая неизбежный финал писали, что на их глазах: «особенно быстро исчезают народцы... черкесские, которые еще в половине нынешнего столетия (XIX в. – Т.А.) считались если не миллионами, то сотнями тысяч» [Вышгород, 1895: 3]. В любом случае несомненным выступал факт того, что с «окончанием Кавказской войны... в 1864 году... от стройного прежде и цельного [черкесского] народа остались небольшие клочки, в виде этнографических островков и полосок...» [Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Вып. XII, 1891: 1].

Однако вопреки, казалось бы, неминуемому растворению этих «островков» и «полосок» среди разрастающейся окружающей иноэтничной (преимущественно,

славяноязычной) стихии, черкесские анклавы к 1917 г. вышли из фазы постгеноцидальной фрустрации и стали демонстрировать явные симптомы к витальности. Новая власть с ее широкой программой по национальному вопросу не могла проигнорировать наличие крупных черкесских анклавов в Центральном Предкавказье и на Западном Кавказе (включая черноморское побережье). Однако вместо ожидавшегося инклюзивного подхода к решению проблем черкесов режим предпочел законсервировать, фактически закрепить результаты Геноцида шестидесятилетней давности. 12 января 1922 г. Декретом ВЦИК была образована Карачаево-Черкесская автономная область [Очерки истории Карачаево-Черкесии, Т. II, 1972: 89], спустя четыре дня другое административное образование учреждено в ареале самого восточного черкесского анклава под названием Кабардино-Балкария. [Боров, Думанов, Кажаров, 1999: 51]. Следом административно-территориальному «препарированию» подвергается и западная оконечность черкесского этнолингвокультурного «архипелага». При этом обнаружились определенные «номинативные» затруднения в реализации предначертаний «центра». Государственная система преодолевала их своеобразными бюрократическими процедурами направленной мимикрии. Имеет смысл артикулировать их алгоритм. Так, «27 июля 1922 г. Президиум ВЦИК принял постановление об образовании Черкесской (Адыгейской) автономной области». [Чирг, Денисова, Хлынина, 2002: 123]. Менее чем через месяц, 24 августа 1922 г. «во избежание недоразумений и путаницы, происходящих от смешения в разных ведомствах Карачаево-Черкесской и Черкесской (Адыгейской) автономных областей» постановлением Президиума ВЦИК область была переименована в Адыгейскую (Черкесскую) автономную область [Чирг, Денисова, Хлынина, 2002: 123]. Однако после почти шестилетнего благополучного существования автономии западных черкесов под указанным наименованием 3 августа 1928 г. в Москве было принято решение теперь уже «о переименовании Адыгейской (Черкесской) автономной области в Адыгейскую автономную область» [Чирг, Денисова, Хлынина, 2002: 123]. Если под предшествующим шестилетней давности изменением в названии автономии просматривается вполне прозрачное обоснование, то мотивация августовского «постановления» 1928 г. осталась не артикулированной. В любом случае нельзя не отметить, что такое решение изыало из рамок легального институционального пространства важнейший интегрирующий элемент, позволявший в перспективе продвигаться к единой черкесской автономии. Здесь важен учет того обстоятельства, что по переписи 1926 г. черкесское население как Кабардино-Балкарии, так и Карачаево-Черкесии, видимо по инерции фигурировало в номенклатуре этносов СССР под единым этнонимом. Постфактум представляется, что на таком фоне «черкесская» маркированность самого западного этнического анклава народа *адыгэ* определено подтачивала легитимность институциональной консервации положения, предписанного сверху «этнолингвогеографического» разрыва. Такая ситуация имплицитно содержала в себе потенциал для продвижения к политической интеграции, по крайней мере, трех крупнейших черкесских анклавов на Кавказе.

Таким образом, применение «априорного принудительного шаблона» этноконструирования со стороны государственной системы в отношении черкесов проявилось в их целенаправленной деконсолидации и дезинтеграции посредством игнорирования единства черкесского этноса, скрепленного прочным самосознанием и осознаваемым единством языка. Оно усугублялось стимулированием разрозненных сегментов черкесского социума, переживших Геноцид, в качестве сначала «новых» социалистических «народностей», а затем и этносов, зиждившихся на волюнтаристской реификации и настойчивом институциональном поощрении партикуляризированных массивов, каждый из которых относится к «разнопорядковым формам идентификации». Так, кабардинцы – это локальное подразделение этноса. Наименование «черкесы» в рамках легитимированной государством

этнической номенклатуры применяется только к тем же кабардинцам и небольшому числу бесленеевцев, проживающих в Карачаево-Черкесии, тогда как оно исторически является экзоэтнонимом всех *адыгэ*. Отдельного разъяснения требует возникновение номинации «адыгейцы» и его закрепление в институциональном пространстве. Уже в текстах XIX в. отражается стремление русских авторов отразить аутентичное звучание самоназвания черкесов. Практическая транскрипция *адыгэ* стало фиксироваться как адыге. Отсюда и прилагательное адыгейский, которое вплоть до 1920-х гг. выступало как синоним слова черкесский. Однако принципиально важно подчеркнуть, что в течение всего предыдущего периода номинация «адыгейцы», будучи синонимом наименования «черкесы», охватывала (а зачастую, в первую очередь, подразумевала) и кабардинцев. Проиллюстрируем этот тезис некоторыми примерами. В «Путеводителе по Кавказу» 1874 г. отмечается следующее: «Кабардинцы принадлежат к черкесскому племени адиге, живущему от Терека до Черного моря, по северному склону гор и по плоскости, лежащей на продолжении этого склона – нынешнему Закубанью. Несмотря на то, что адигейцы разделились на множество колен, они, все-таки, составляли самый сильный народ из всех племен Северного Кавказа, а кабардинцы между всеми адиге занимают первое место» [Владыкин. Ч. II, 1885: 158]. Во введении к своей работе по антропологии Я.Д. Вышгород писал: «...летом 1894 года я производил антропологические наблюдения над кабардинцами, самым видным – количественно и качественно – представителем адыгейского или черкесского племени» [Вышгород, 1895: 3]. Однако с началом большевистского нацистроительства номинация «адыгейцы» в рамках властного дискурса была отчуждена от наиболее демографически мощного и географически обширного массива этноса, тем самым радикально деформировав ее семантику. Это обстоятельство послужило базой для институциональной дезинтеграции единого языкового пространства. Заимствуя терминологию, предложенную К. Штейнке, такую операцию можно характеризовать как плоттотомию, т.е. рассечение языка. [Штейнке, Кн. I, 2006: 255].

Такая фактология позволяет говорить о нестандартности институционального инструментария, задействованного государственной системой в сфере нацистроительства и практик языковой политики. В самом деле, довольно известный и во многих отношениях справедливый тезис Т. Мартина о том, что Советский Союз будучи первой в мире империей положительной деятельности («affirmative action») проводил политику систематического содействия «развитию национального сознания этнических меньшинств» [Воронович, 2012. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/1/v42.html> (дата обращения: 24.02.2017 г.)], не соотносится с реализованной в отношении черкесов стратегией. Атипичность «методы» применявшейся государственной системой в отношении черкесов в ходе осуществлявшейся программы нацистроительства, явственно предстает в контексте основных установок, которым следовали большевики. В 1920-х гг. установившийся в России новый режим, насколько можно судить, проповедовал две парадигмы «национально-культурного строительства» на иноэтнической периферии. В первом случае большевики могли демонстрировать широкий спектр предпочтений от институционального конституирования достаточно рыхлых этнических единиц в качестве высоко консолидированного народа, доводить до реализации поступающие «снизу» важные инициативы культурного характера или же щедро наделять новообразованные политические агрегации обширными территориями (зачастую населенные другими этносами). На такое отношение можно было рассчитывать, если ареал расселения того или иного народа располагался на рубежах государства, а на противоположной стороне границы проживало этнически родственное ему население, т.е. просматривались предпосылки для реализации «пьемонтского принципа». Подобная модель в известной степени была реализована в Карелии и Бурятии. Относительно последних, к примеру, существует взгляд, что создание

национальной автономии «с самого начала рассматривалось большевиками (как на центральном, так и на локальном уровне) в контексте разрешения стратегических целей внешнеполитического курса советского правительства» [Варнавский, 2011: 278–279].

В этой связи примечательно, что когда «русские» губернии оспаривали включение в новообразованную Бурят-Монгольскую АССР «своих» территорий, Москва неизменно брала сторону последних [Елаев, 2000: 160–162, 167–169]. Ключевым фактором, обусловившим такую ситуацию, выступала коминтерновская доктрина, предполагавшая мировую революцию «в сопредельных странах Центральной Азии и роли Буреспублики как «форпоста социализма» на «Буддийском Востоке»» [Елаев, 2000: 160–162, 167–169]. На другом конце большевистского государства проводилась чрезвычайно схожая политика. Речь идет о форсированном создании в приграничье с Финляндией на базе этнически, лингвистически и территориально разобщенных близкородственных финнам этнических анклавов единой Карелии [Такала URL: <http://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=462> (дата обращения: 24.02.2017 г.)]. Разумеется, советское руководство рассматривало ее в качестве «витрины» и одновременно плацдарма, ориентированного на западных соседей.

Реализация второй модели большевистского нацистроительства, насколько можно судить, диктовалась более тривиальными соображениями. По-видимому, крайняя ограниченность ресурсов в условиях разрухи после гражданской войны подталкивала большевиков к идее о необходимости максимальной экономии на административном аппарате создаваемых национальных образований. В качестве примера можно обратиться к мордовскому и осетинскому кейсам. Исследователи констатируют, что у эрзи и мокши отдельные языки и отсутствует общее самоназвание в рамках функционирующих у них идиомов, «а этноним «мордва» используется лишь в тех случаях, когда языком общения служит русский» [Крюков, 1988. Вып. XVIII]. Но эти обстоятельства были проигнорированы государственной системой и в итоге была создана единая Мордовия.

Любопытная ситуация наблюдается и у соседей черкесов. О том, как она выглядела накануне старта большевистского этноконструирования можно составить определенное представление, обратившись к некоторым дореволюционным публикациям. В одном из них указывается: «Дигорцы – одно из мелких туземных племен Северного Кавказа; они отчасти родственны осетинам, с которыми имеют много общих народных характерных черт; резкая разница между теми и другими заключается только в наречиях, которые, хотя и имеют много слов одних и тех же корней, но все-таки, ни дигорец осетина, ни осетин дигорца, объясняясь каждый на своем языке, понимать не могут» [Статья В.Х., 1981: 236] На этом фоне сложившееся у определенной части ираноязычного населения кавказских гор мнение о том, что «дигорцы это наши малороссы» [Газета «Кавказ» № 31, 1865: 170] звучало как вердикт. И все-же отсутствие общего самоназвания, которое выступает ядром единого самосознания и лингвистической гомогенности, не помешали образованию единой осетинской автономии на северных склонах Центрального Кавказа.

Представленная картина большевистского нацистроительства показывает, что черкесы не попали под действие ни одной из двух основных стратегий, реализовавшихся в национальных регионах. Можно полагать, что столкнувшись с «черкесским вопросом», с его нестандартным комплексом проблем (относительно недавний травматический опыт тотальной трагедии, наличие самой большой по удельному весу в населении диаспоры среди этнических групп бывшей империи, стратегическая важность их этнической территории и т.д.), отличавшееся в иных случаях высокой степенью административно-преобразовательной «алертности» партийное руководство предпочло институционально зафиксировать доставшийся им в наследство статус-кво.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1878. Т. VII.
2. Архив Внешней политики Российской империи. Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 115/1, 1727. Д. 1. Л. 1–6.
3. *Берже Ад.* Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик: Эльбрус, 1992. 48 с.
4. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик: Эль-фа, 1999. 403 с.
5. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-фа, 1999. 182 с.
6. *Бэлл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов: В 2 т. / пер. с англ. К.А. Мальбахов. Нальчик: Эль-Фа, 2007. Т. II. 326 с.
7. *Варнаровский П.* Границы советской бурятской нации: «национально-культурное строительство» в Бурятии в 1926–1929 годах в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков // Изобретение империи: языки и практики. М.: Новое изд-во, 2011. С. 263–292.
8. *Воронович А.* Большевизм и национальный вопрос – от теории к практике // Отечественные записки. 2012. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/1/v42.html> (Дата обращения: 24.02.2017 г.).
9. *Высогород Я.Д.* Материалы для антропологии кабардинского народа (адыге). Санкт-Петербург: тип. А.М. Менделевича, 1895. 95 с.
10. Газета «Кавказ», 1865. № 31 // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. С. 170.
11. *Елаев А.А.* Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации, 2000. 349 с.
12. Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. От 12.03.2014) «О языках народов Российской Федерации» (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/).
13. *Интериано Джорджио.* Быт и страна Зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост., редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 43–52.
14. Кабардино-русские отношения: Сборник документов и материалов: В 2 т. Т. I. М.: АН. СССР, 1957.
15. Конституция Кабардино-Балкарской Республики. (ст. 76).
16. Конституция Карачаево-Черкесской Республики от 5 марта 1996 г. (с изменениями и дополнениями) (http://constitution.garant.ru/region/cons_karach/chapter/7/) (ст. 11).
17. Конституция Республики Адыгея (принята на XVI сессии Законодательного Собрания (Хасэ) – Парламента Республики Адыгея 10 марта 1995 года) (с изменениями и дополнениями) (http://constitution.garant.ru/region/cons_adig/chapter/1/#block_100) (ст. 5).
18. *Крюков М.В.* Этнос и субэтнос // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. М.: Наука, 1988. Вып. XVIII. С. 5–22.
19. *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856–1860. М.: «РОССПЭН», 2004. 560 с.
20. *Михаил Владыкин.* Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М.: тип. И. Родзевича и В. Исленьева, 1874. 518 с.
21. Основоположник российского кавказоведения академик Андрей Михайлович Шёгрен: Исследование. Тексты. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 948 с.
22. Очерки истории Карачаево-Черкесии. В 2 т. Т. II. Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставр. кн. изд-во, 1972. 448 с.
23. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Вып. XII.
24. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1900. Вып. XXVII.
25. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2014. С. 332–399.
26. Статья В.Х. Кое-что о дигорцах // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л.А. Чибиров. Цхинвали, 1981. С. 236–240.
27. *Султан Хан-Гирей.* Избранные труды и документы. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2009. 672 с.

28. Такала И.Р. «Граница на замке!». Особенности государственного террора в карельском приграничье 1920-х – первой половины 1930-х гг. URL: <http://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=462> (дата обращения: 24.02.2017 г.).
29. Услар П.К. Начало христианства в Закавказье // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II. Тифлис: Издание Кавказского горского управления, 1869. С. 1–24.
30. Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2010. 986 с.
31. Федеральный закон от 01.06.2005 №53-ФЗ (ред. От 05.05.2014) «О государственном языке Российской Федерации (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/22277adf3d159ebc071d2a7316137339be4b13b3/) (ст. 1. П. 7).
32. Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления. Материалы круглого стола. Нальчик: Тетраграф, 2013. 151 с.
33. Чирг А.Ю., Денисова Н.Н., Хлынина Т.П. Государственность Адыгеи: этапы становления и развития. Майкоп: Качество, 2002. 163 с.
34. Штейнке К. Глобализация – регионализация и лингвистика // Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. М.: «Наука», 2006. Кн. I. С. 249–258.

CIRCASSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONAL INTERVENTION

Aloev Timur Hazrailovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Department of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), aloborsa@mail.ru

The unity of lingvokommunity space of the Circassian ethnos presented with kjachian/lower/ western and Kabardian/top/east wasn't called by dialects of the Adyghe language in question, at least, since the Middle Ages era. However at the end of the Caucasian war the vast majority of Circassians has been deported to the Ottoman Empire. From now on the Circassian population of the Caucasus is presented by several, rather large enclaves. The subsequent adoption of modern administrative-territorial division in the 20th of the XX-th century has fixed this situation. In the institutional plan it was expressed in fixing of «new» ethnoses: Shapsugs, Adyghe, Circassians and Kabardians in the nomenclature of the people of the USSR. During this period the state has started introduction of two literary norms for the population of different Circassian enclaves. In the western enclaves «was established» adygei, in east – kabard-circassian languages. At the same time have been ignored as the general consciousness which is most brightly expressed in the uniform self-name («adyge») and existence of a uniform endolinguonim («adygebze») of all Circassians. Therefore, emergence of new literary norms has been determined by factors of extralinguistic character. Due to the fact that implemented in the 20-ies of the past century the mode of intervention in the Circassian linguistic cultural space was significantly different from the models of Bolshevik nation building in the other regions. In the undertaken research, the elements of comparative optics are involved. Thus, the text reveals two paradigms of nation-building, followed by Bolshevik power in the 1920s on the other-ethnic periphery. In the first case, the extremely complimentary attitudes towards the mostly «loose» ethnic massifs were explained by the strategic goals of the foreign policy of the new state. Thus, by creating Soviet Karelia and Buryatia, the regime saw a «shop window» in them and a springboard for subsequent expansion respectively to Finland and Mongolia, which are related to them. The second logic of the preparation of ethno-cultural realities in the post-imperial space was dictated by limited resources in the conditions of devastation after the Civil War. For example, the Ossetian and Mordovian cases fully fit into such a frame. Against the background of a similar factology, the Circassian case reveals a clear atypism in the tools chosen for it. Even for the Bolsheviks, who were distinguished by a high level of administrative-transformative alertness, the «Circassian question» proved to be so stubborn that they preferred to preserve the status quo they inherited from the royal regime.

Keywords: dialects, language, ethnos, Circassians, endolinguonim.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-74-82

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-83-90

«ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОЖАЛОВАНИЕ» АЛЕКСАНДРА III ОТ 21 МАЯ 1889 г. В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

Прасолов Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», (ИГИ КБНЦ РАН), dmpirasolov@gmail.com

Публикация архивных документов и материалов периодической печати об учреждении праздничных мероприятий, приуроченных к пожалованию Александром III 21 мая 1889 г. «в вечное и неотъемлемое пользование» «кабардинскому народу и сопредельным с ним пяти горским обществам» Зольских и Нагорных пастбищ. Коммеморация данного события была оформлена приговором съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ, которым учреждались ежегодные торжества в Нальчике и сельских обществах. Публикуемые источники иллюстрируют институционализацию инициатив не земского самоуправления кабардинцев и балкарцев, а также раскрывают некоторые особенности взаимодействия представителей местного населения и коронной администрации в разрешении актуальных проблем социально-экономического развития Нальчикского округа в конце XIX в.

Ключевые слова: кабардинцы, балкарцы, съезд доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ, А.М. Дондуков-Корсаков, Зольские и Горные пастбища, коммеморации.

23 июня 1889 г. в Нальчике состоялся съезд доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских [балкарских. – *Д.П.*] обществ. Поводом для внеочередного мероприятия стало торжественное объявление народным представителям о состоявшемся 21 мая 1889 г. «высочайшем пожаловании» Александром III т.н. запасных общественных земель – Зольских и Горных пастбищ «в постоянное и неотъемлемое пользование» Кабарды и пяти горских обществ, «до тех пор, пока означенное население будет вести себя, как приличествует верноподданным» [Аграрные... 2008: 82]. В ознаменование события народные представители постановили проводить 21 мая ежегодные праздничные мероприятия светского и религиозного содержания, а также выступили с рядом просветительских инициатив [АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29. Л. 121–122].

С окончательным включением Кабарды в административно-политическую систему Российской империи в 1822 г. вопрос о «закреплении за кабардинским народом издавна состоящих во владении его пастбищных мест по рекам Золке и Этоке» [Аграрные... С. 65] неоднократно заявлялся общественными представителями перед коронными властями и даже императором. В 1837 г. в ходе путешествия Николая I по Кавказу кабардинская депутация обратилась с просьбой о закреплении за ними предгорных и горных пастбищных земель. В 1842 г. «по доверенности народа кабардинского» ходатайство вновь было инициировано

[Территория и расселение...С. 42] и продолжено по случаю пожалования в 1843 г. Николаем I почетного знамени кабардинскому народу.

В 1884 г. во время проезда через Нальчикский округ Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и Командующего войсками Кавказского военного округа генерал-адъютанта А.М. Дондукова-Корсакова [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 34. Л. 1] депутаты от местного населения заявили «о своих нуждах, как-то: об оставлении в их собственности всех земель и лесов, которыми они теперь пользуются и т.п., и получили благоприятный ответ» [-вф. 1884]. Главноначальствующему было известно, что после издания в 1883 г. нового Учреждения об управлении Кавказским краем министерство Государственных имуществ обнаружило «стремление к обращению в казну всех земель на Кавказе, не получивших еще определенного назначения», что стало «главным поводом к возбуждению среди кабардинцев и горских обществ Терской области тревоги за участь состоящих в их законном владении земель» [РГИА. Ф. 565 Оп. 7. Д. 26947. Л. 9–9об.]. Как впоследствии писала тифлисская газета «Кавказ», «неосновательный и, может быть, злонамеренно пущенный слух о том, что и эти земли поступят в ведение казны, поверг всю Кабарду в полное отчаяние за свою будущность. От сохранения этих земель за народом зависело, очевидно, не только его благосостояние, но и самая возможность существования, так как громадное большинство кабардинцев живет исключительно почти коневодством и скотоводством». По данным газеты, в 1888 г. только на Зольских пастбищах находились 51 тысяча голов лошадей, 172500 голов рогатого скота и более 557 тысяч баранов [Поездка Главноначальствующего... 1889].

Еще в начале 1885 г. корреспондент «Кавказа» Z. сообщал из Нальчика тревожные слухи о том, «будто бы скоро объявится правительственное распоряжение о переходе в казну общественных кабардинских лесов и запасных пастбищных мест». Источник свидетельствовал, что «большинство представителей Кабарды поверило этому слуху, благодаря тому, что его привез из Владикавказа один из местных князей, в серьезности которого никто не имел основания сомневаться, и все бывшие в то время в Нальчике кабардинцы, безо всякого сговора, собрались вместе и долго рассуждали о том, что они должны делать при таких обстоятельствах и чем предупредить обнищание кабардинского народа, которое должно неминуемо последовать в случае осуществления этого слуха» [Мы получили из Нальчика... 1885]. Негативное последствие общественного беспокойства подтверждалось и наблюдениями Д.А. Вырубова. Позднее он писал: «В бытность мою начальником Нальчикского округа в 1887 г. прошел слух о выселении в Турцию кабардинцев во время рассмотрения вопроса о 315 тыс. дес. запасных пастбищ, и кабардинцы решили, в случае неблагоприятного для них решения, просить о разрешении выселения, что многие и заявляли мне почти официально» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 8. Д. 223. Л. 3–4].

В ходе путешествия императорской семьи по Кавказу во время пребывания Александра III во Владикавказе осенью 1888 г. «представители от сельских обществ Большой и Малой Кабарды подали на высочайшее имя прошение об окончательном закреплении за кабардинским народом на праве собственности запасных пастбищных земель и лесов». Начальник Терской области генерал-лейтенант А.М. Смекалов своим мнением поддержал ходатайство, а князь А.М. Дондуков-Корсаков оказал ему содействие при рассмотрении пастбищного вопроса в Комитете министров, где было признано «необходимым подтвердить кабардинскому народу», что общественные пастбища останутся в его «неотъемлемом пользовании». На основе этого мнения Александром III и было принято окончательное решение [Аграрные... 2008: 76–82]. Как отмечал начальник Нальчикского округа, «когда вопрос о запасных землях был решен Высочайшим повелением от 21 мая 1889 г. слухи [о выселении. – Д.П.] замолкли» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 8. Д. 223. Л. 4].

28 июня газета «Кавказ» опубликовала корреспонденцию из Нальчика с описанием массовых мероприятий, сопровождавших торжественное объявление «монаршей милости». Подробности события с участием многонационального населения, смешение светских и религиозных ритуальных средств, позволяют наглядно представить содержание, риторику и особенности проявлений имперской праздничной культуры в Нальчикском округе.

В коммеморации «высочайшего пожалования» 21 мая 1889 г. общественными доверенными была особенно отмечена роль генерал-адъютанта А.М. Дондукова-Корсакова. 19 июля он принял в Кисловодске «блестящую и многочисленную депутацию из представителей лучших и богатейших фамилий Кабарды», которая «в горячей речи, сказанной убеленным сединами штабс-ротмистром Шардановым, благодарила его за труды и заботы о благе кабардинского народа», пригласив посетить Нальчик. Во время его поездки в Нальчикский округ 3–6 августа 1889 г. ему была организована грандиозная встреча и массовые празднества, которые «князь главноначальствующий» провел «в тесном кругу почетнейших представителей Кабарды» [Поездка Главноначальствующего... 1889]. В знак признания его заслуг из Кабардинской общественной суммы учредили именную ежегодную стипендию размером 450 р., которую предоставляли кабардинцам и балкарцам, обучавшимся в высших или средних учебных заведениях за пределами Нальчикского округа [Максимов, Вертепов 1892. С. 163]. Наконец, в 1892 г. уже после выхода в отставку, А.М. Дондукову-Корсакову съездом доверенных Большой и Малой Кабарды было предложено «принять звание почетного представителя Кабардинского народа». Однако сначала по бюрократическим причинам, а вскоре и в связи с его смертью в 1893 г., эту общественную инициативу не удалось осуществить [Шумков 2015].

Учрежденные в 1889 г. торжества оставались регулярным праздничным мероприятием в Нальчикском округе, а к 21 мая почти ежегодно приурочивали весенние съезды доверенных. В политической культуре кабардинцев и балкарцев «высочайшее пожалование» Александра III стало одним из наиболее упоминаемых идеологических мотивов, мобилизующих верноподданническую государственно-политическую идентичность. Установленная памятная дата призвана была стать ключевым образом символической политики, культивирующим позитивный образ монарха и лиц, причастных к пожалованию, во множестве ситуаций общественной и частной жизни местного населения. Институционализированный 21 мая 1889 г. принцип совместной эксплуатации общественных пастбищ стал фактором углубления хозяйственных и поземельных связей кабардинских и балкарских сельских обществ, в рамках которых формировались экономические предпосылки единства административно-политического пространства Кабардино-Балкарии.

№ 1

Телеграмма из Владикавказа в Нальчик

начальник Терской области

начальнику Нальчикского округа

14 июня 1889 г.

Князь Дондуков-телеграфирует о состоявшемся Высочайшем повелении на оставление в постоянном неотъемлемом пользовании кабардинского народа и горских обществ запасных земель и лесов на условиях, указанных командующим войсками. Его сиятельство желает, чтобы объявление Высочайшей милости совершилось при торжественной обстановке. Рассчитываю прибыть [в] Нальчик двадцатого июня. Соберите [к] этому времени представителей Кабарды и горцев. Если можете, приезжайте завтра передать [в] подробностях.

Смекалов [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 163. Л. 4–4об.]

№2

Начальник Нальчикского округа Терской области

14 июня 1889 г.

Дать отдельные предписания начальникам участков и селений Нальчикского округа и горских обществ

Вследствие телеграммы Его П[ревосходительст]ва г[осподи]на начальника Терской области предлагаю Вам выслать от общества в сл. Нальчик к 8-ми часам утра 20 сего июня доверенных и почетных лиц для выслушания Высочайшего повеления об оставлении в постоянном пользовании кабардинского народа и горских обществ запасных земель и лесов [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 163. Л. 5–5об.].

Пометка карандашом начальника Нальчикского округа: всего 39 экземпляров. Достаточно ли для всех обществ – Разослано к нач. участков. В горские общества отдельно.

Подпись: Вырубов [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 163. Л. 6]

№ 3

начальнику Нальчикского округа

старшины селения Коголкинского 3 участка Нальчикского округа

17 июня 1889 г.

Рапорт

Вследствие предписания Вашего от 14 сего июня за № 1797, имею честь донести Вашему Высокоблагородию, что от вверенного мне селения к 20 числу сего м[еся]ца для выслушания Высочайшего повеления об оставлении в постоянном неотъемлемом пользовании кабардинского народа и горских обществ запасных земель и лесов, высланы вместе с сим в слободу Нальчик Касим Эристов, Едык Коголкин и доверенный Шамиль Паунежев.

И.д. сельского старшины Едык Коголкин [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 163. Л. 7–7об.]

№ 4

Начальнику Нальчикского округа

старшина селения Кучмазукинского

18/19 июня 1889 г.

Рапорт

Доверенных от общества подведомственного мне селения Калмыка Гетежева и Увжуко Алокова для выслушания Высочайшего повеления об оставлении в постоянном и неотъемлемом пользовании кабардинского народа и горских обществ запасных земель и лесов при сем к Вашему Высокоблагородию имею честь представить.

Старшина Эдык Кучмазукин [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 163. Л. 9]

№ 5

Начальнику Нальчикского округа

старшина селения Кучмазукинского

20 июня 1889 г.

Рапорт

Вследствие предписания начальника 1-го участка Нальчикского округа от 18-го сего июня за № 74 жители подведомственного мне селения узденей Алимурза Тамбиева и Кашлыка Кучмазукина для присутствования на джигитовке при сем к Вашему Высокоблагородию имею честь представить.

Старшина Эдык Кучмазукин [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 163. Л. 8]

№ 6

Публикация в газете «Кавказ»

Слобода Нальчик (Терской области), 28 июня (от собств. корр.)

Небывалое оживление овладело нашим местечком, лишь только пронесся слух, что в скором времени последует объявление Высочайшего соизволения об оставлении за населением запасных земель. Целые дни кабардинцы и горцы не расходились с улиц и садов, где горячо толковали о том, чем бы ознаменовать это важное для всех событие. Необходимо заметить что согласно Высочайшего повеления 28-го декабря 1869 года, при наделении сельских обществ землями, кабардинцам и некоторым горским обществам было отведено по числу 5969 дымов 245818 десятин, хотя на каждый дым и приходилось более 40 десятин земли, но с увеличением населения до 112830 дымов и с развитием коневодства и скотоводства, составляющих главное занятие жителей, чувствовался страх за будущее, так как не сегодня-завтра можно было ожидать перехода запасных земель в ведение министерства государственных имуществ, и тогда неизбежно пришлось бы сократить хозяйство и тем подорвать благосостояние народа. В виду этого, во время посещения в прошлом году Его Императорским Величеством Государем Императором Кавказа, депутация от кабардинцев обратилась к Его Величеству с просьбою об оставлении за населением 315383 десятин запасных земель. Решение этого важного вопроса в благоприятном для населения смысле волновало Кабарду, и все, кто только имел возможность, спешили в Нальчик, чтобы лично услышать радостную для народа весть.

Начальник Терской области генерал-лейтенант А.М. Смекалов, имевший объявить Монаршее соизволение, прибыл из Владикавказа вместе с приглашенными на торжества гостями на ст. Котляревскую 22-го июня, где был встречен начальником округа подполковником Д.А. Вырубовым. Почетный караул от лихой кабардинской молодежи и милиция со стрельбой и джигитовкой конвоировали его превосходительство до Нальчика на расстояние 47 верст. По дороге в с. Ново-ивановском А.М. принял от малороссийских поселян хлеб-соль и посетил вновь выстроенный храм. В нескольких верстах от слободы поезд встретили старшины и депутаты, которые присоединились к конвою, проводили генерала до квартиры начальника округа, где было приготовлено помещение для А.М. и его семейства. Там ожидали почетные представители от кабардинцев и горцев, почетный караул от квартирующей в слободе роты резервного батальона, все служащие, депутации с хлебом-солью от слобожан и Александровской немецкой колонии.

На другой день во вновь разбитом парке, изукрашенном флагами и вензелями, на площадке, где выстроен был из зелени павильон, собрались депутаты, почетные представители, служащие в полной парадной форме, мусульманское духовенство в разноцветных мантиях и чалмах, и тысячи народа.

Около часу дня вынесено было народное знамя, пожалованное кабардинцам Императором Николаем I, встреченное хором музыки Северского драгунского полка, выписанным из Владикавказа. Вскоре прибыл и начальник области, который остановился под знаменем и среди торжественной тишины объявил великую милость Государеву об оставлении в постоянном неотъемлемом пользовании кабардинского народа и горских обществ 315383 десятин пастбищных и лесных земель.

Вслед за объявлением Высочайшего соизволения, мусульманское духовенство совершило торжественное моление о здравии и долгоденствии Всемилоштивейшего монарха и всего Царствующего дома. Раздавшиеся затем звуки народного гимна сопровождались восторженными криками «ура» и «берекет-берсен». Радость народа не знала границ.

По окончании народного гимна уполномоченные обратились к начальнику области с ходатайством просить г. Главноначальствующего повергнуть к стопам Его Императорского Величества чувства их беспредельной преданности за высокомилоштивное внимание к их народным нуждам. В то же время те же уполномоченные, желая увековечить день столь благоприятно разрешившегося для них поземельного вопроса, заявили г.-л. Смекалову, что они определили: 1) ежегодно

21 мая, в день состоявшегося Высочайшего соизволения, совершать торжественные моления во всех аульных мечетях о здравии и долгоденствии Их Величеств, с напоминанием о неизреченной милости к нему обожаемого Монарха; 2) в этот же знаменательный день учредить в Нальчике народную скачку с ассигнованием 400 р. на призы для лучших лошадей; 3) установить ежегодный сбор с 6100 руб., которые, с присоединением к ним отпускаемых из общественных сумм 4900 руб., должны служить средствами для преобразования существующей горской школы в учебное заведение, наиболее соответствующее пользам населения, причем ходатайствовать о присвоении преобразованному учебному заведению наименования училища Императора Александра Третьего, и 4) на особый ежегодный сбор в размере 1200 руб. учредить в средних и высших учебных заведениях две стипендии имени Его Величества и две стипендии имени Государыни Императрицы.

Затем присутствовавшие при торжественном объявлении Высочайшей милости были приглашены к обеденному столу, устроенному в павильоне, а для массы народа было приготовлено обильное угощение в аллеях парка.

Провозглашены были тосты за здоровье Их Императорских Величеств и Государя Наследника Цесаревича, при неоднократно повторенном гимне, сопровождаемое восторженным сердечным «ура» и трогательными по глубине чувств заявлениями старейших и почетнейших представителей народа.

Тост за здоровье г. Главноначальствующего, считаемого кабардинцами главным виновником излитых на них Монарших щедрот, был горячо встречен присутствовавшими, и кабардинцы убедительно просили начальника области исходатайствовать разрешения его сиятельства на принятие от них депутации в Кисловодске.

По окончании обеда кабардинская молодежь под звуки национальной музыки начала танцы. Лезгинка чередовалась с сандараки; кабардинки в своих оригинальных украшенных золотом костюмах и высоких серебряных шапках удивляли всех грацией. В 7 час. вечера состоялась джигитовка местной туземной молодежи. Как кабардинцы, так и горцы не ударили лицом в грязь: много было разбито выстрелами на скаку папах, а один молодец, Айдебулов, двумя выстрелами на полном карьере сбил два яйца, положенных на землю.

Вечером весь парк был красиво иллюминирован плошками, фонарями, кострами и смоленными бочками; гулянье продолжалось всю ночь, при звуках музыки и песнях народа. Ужин в павильоне окончился в четыре часа утра.

На другой день начальник области выехал во Владикавказ, провожаемый депутатами и массой народа [Слобода Нальчик 1889]

№ 7

*Начальнику Нальчикского округа
старшины сел. Хасаутского*

2 июля 1889 г.

Рапорт

На предписание от 14 июня за № 1797 имею честь донести Вашему Высокоблагородию, что доверенные и почетные лица для выслушания Высочайшего повеления об оставлении в постоянном и неотъемлемом пользовании кабардинского народа и горских обществ запасных земель и лесов мною не высланы по случаю получения предписания за № 1797 [только] 29 июня.

сельский старшина М. Жерештиев [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 163. Л. 12–12об.]

№ 8

*Начальник Терской области
начальнику Нальчикского округа*

Из Кисловодска

5/VII 1889 г.

Командующий войсками сегодня прислал из Батума телеграмму следующего содержания. Телеграмма Ваша о празднестве 23 июня в Нальчике доведена мною до сведения государя Императора. Его Величество по прочтении моей телеграммы высочайше соизволил разрешить принятие установленных представителями кабардинского народа в память радостного события пожертвований и вместе с тем повелел благодарить жертвователей от имени Их Императорских Величеств.

Поспешаю сообщить о сем Вам для объяснения через представителей верно-му и доблестному кабардинскому народу.

князь Дондуков. Прошу распорядиться объявлением содержания телеграммы князя на полных сельских сходах.

генерал-лейтенант Смекалов [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 163. Л. 2–3].

№ 9

господину начальнику Нальчикского округа

старшина селения Коголкинского 3 участка Нальчикского округа

14 июля 1889 г.

Рапорт

Имею честь донести Вашему Высокоблагородию, что предписание Ваше от 4 сего июля за № 2035, в котором изложена телеграмма, присланная из Батума командующим войсками Кавказского военного округа, сего числа обществу вверенного мне селения объявлено, которое по выслушании Всемилостивейшей благодарности от Их Императорских величеств кабардинскому народу и в память Высочайшего повеления об оставлении в постоянном неотъемлемом пользовании Кабардинского народа и Горских обществ запасных земель и лесов, определило с настоящего дня еженедельно в пятницу в сельской мечети служить молебствие и читать молитву о здравии и благоденствии Их величеств и всего царствующего дома.

И.д. сельского старшины Едык Коголкин [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 163. Л. 10–11]

Источники и литература

1. - въ. Нальчик // Терек. 1884. № 2. С. 4.
2. Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования в 2-х томах. Т. II. / сост. П.А. Кузьминов. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 552 с.
3. АИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
4. Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Вып.1. Осетины, ингуши, кабардинцы. Владикавказ: Тип. Обл. Прав. Терской Обл., 1892. 187 с.
5. Мы получили из Нальчика... // Кавказ. 1885. № 42. С. 2. Отд. Кавказская жизнь.
6. Поездка Главноначальствующего по краю // Кавказ. 1889. 19 ноября. № 308. С. 1.
7. РГИА – Российский государственный исторический архив
8. Слобода Нальчик (Терской области), 28 июня (от собств. корр.) // Кавказ. 1889. № 175. С. 2. Отд. Кавказская жизнь.
9. Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – нач. XX веков: Сборник документов / предисловие и составление Х.М. Думанова. Нальчик: Нарт, 1992. 272 с.
10. УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики
11. ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

12. Шумков А.Л. «За все заботы о благе кабардинского народа». О несостоявшемся присвоении почетного звания князю А.М. Дондукову-Корсакову // Проблемы генеалогии и этнонимии народов Северного Кавказа. Материалы круглого стола памяти А.А. Максимова (г. Нальчик 17 октября 2014 г.). Нальчик, 2015. С. 138–149.

**«THE HIGHEST GIFT» OF ALEXANDER III
OF MAY 21, 1889 IN THE PUBLIC LIFE
OF KABARDINIANS AND BALKARS**

Prasolov Dmitry Nikolaevich, Candidate of History, Head of the Ethnology and Ethnography Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dmprasolov@gmail.com

The publication of archival documents and materials of the periodical press about the establishment of festive events timed to the granting by Alexander III on May 21, 1889 ‘in eternal and inalienable use’ to ‘the Kabardian people and five mountain [Balkarian. – *D.P.*] communities adjacent to it’ of Zolsky and Nagorny pastures. The commemoration of this event was formalized by the congress of the trustees of Grand and Minor Kabarda and five mountain communities, in which the annual celebrations in Nalchik and rural societies were established. The published sources illustrate institutionalization of initiatives of not zemstvo self-government of Kabardians and Balkars, and also reveal some features of interaction between representatives of local population and crown administration in the solution of actual problems of social-economic development of Nalchiksky okrug in the late of 19th.

Keywords: Kabardians, Balkars, congress of entrusted Grand and Minor Kabarda and five mountain communities, A.M. Dondukov-Korsakov, Zolsky and Gorny pastures, commemorations.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-83-90

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-91-106

МИХАИЛ МЕДВЕДЕВ: «АДЫГСКАЯ ТЕМА ВОШЛА В ЗОЛОТОЙ ФОНД РОССИЙСКОЙ ГЕРАЛЬДИКИ»

Нефляшева Наима Аминовна, кандидат исторических наук, доцент, Институт Африки РАН, innef@mail.ru

Медведев Михаил Юрьевич, историк, специалист в области геральдики и смежных дисциплин, Государственный советник 3 класса, член профильной комиссии Геральдического совета при Президенте РФ, Председатель гильдии Геральдических художников России, Санкт-Петербург, csusilly@gmail.com

В интервью российского историка-медиевиста, члена профильной комиссии Геральдического совета при Президенте РФ, члена-корреспондента Международной академии геральдики и председателя Гильдии геральдических художников России Михаила Юрьевича Медведева выделяются ключевые вехи становления геральдической традиции у адыгов. Отмечается, что знакомство адыгских народов с геральдикой состоялось в Леванте, когда множество адыгов было вовлечено в становление и процветание мамлюкских держав, и под влиянием «франков» (крестоносцев и паломников) черкесские мамлюки стали пользоваться настоящими гербами. По его мнению, с XVIII века Кавказ стал знакомиться с геральдикой уже при посредстве России. Элита царства Московского с интересом относилась к гербовым обычаям и практикам своих западных и северных соседей, но правила геральдики, структура герба, вопросы права на герб до XVII века в России были неизвестны. В интервью особое внимание обращается на земельную эмблему, известную как «печать кабардинская». Другим символом, относящимся к адыгам, был всадник с копьем, отражавший царский титул «государя и обладателя Черкасских и Горских князей». Он относился не только к черкесам (адыгам), но и к княжествам иных кавказских народов. Тем не менее на первом месте были упомянуты черкесы, и именно к ним эта «печать» относилась в первую очередь. Дается характеристика геральдических поисков таких известных семей, как Лопухины, Чевкины, произошедших от князя древних адыгов, Редеди (Ридаде). Ключевое место занимает характеристика геральдических символов герба князей Черкасских. По мнению М.Ю. Медведева, символика российских монархов послужила основой для выражения князьями Черкасскими своей генеалогической идентичности. В то же время возможно говорить о влиянии адыгских символов на имперскую традицию.

Ключевые слова: Российская империя, Черкасские, геральдика, герб, адыги.

Михаил Юрьевич Медведев, историк-медиевист, выпускник Санкт-Петербургского государственного университета, в начале 1990-х гг., будучи сотрудником музея СПбГУ, принимал участие в обсуждении государственных геральдических символов Республики Адыгея. В частности, им были даны развернутые гербоведческие рекомендации по будущему гербу Адыгеи. Аналитическая записка «История черкесских гербов», опубликованная в 1992 г. в газете «Джэртэджэжь», вызвала в то время живой интерес.

Сегодня Михаил Медведев – геральдист с высокой международной репутацией, член профильной комиссии Геральдического совета при Президенте РФ, член-корреспондент Международной академии геральдики и председатель Гильдии геральдических художников России.

Наима Нефляшева: Слово «геральдика», как указывает известный историк, председатель Геральдического Совета при Президенте Российской Федерации – государственный герольдмейстер Г.В. Вилинбахов, *«происходит от немецкого Herald (Heeralt), то есть ветеран, как назывались в Германии в средние века люди, известные своей доблестью и храбростью и назначавшиеся для почетного присутствия на торжествах, турнирах и боях; на них первоначально возлагались обязанности следить за соблюдением обычаев рыцарства»*. У понятия «геральдика» несколько значений. Остановимся на одном из них. Геральдика – это практика создания и использования системы геральдических знаков, которая существует с момента появления общества, понятий «свой» – «чужой», различий семьи от семьи, рода от рода, племени от племени, и включает в себя создание, регистрацию и бытование геральдических знаков. В адыгovedении история черкесских геральдических символов практически не изучена. Я могу сослаться на статьи А.А. Максидова, Е.В. Пчелова, С.Х. Хотко. С учетом растущего интереса к символам процесса государствогенеза это очень интересно.

Михаил Медведев: Знаки собственности и репрезентативная символика исторически употреблялись адыгами, и известные во множестве адыгские тамги, по всей видимости, продолжают многовековую традицию, однако было бы неверно именовать все это геральдикой. Геральдика, гербы – это специфический феномен, характеризующийся, в частности, одновременным действием кода формы и цветового кода, своеобразной структурой (главные фигуры помещаются в поле щита и т.д.) и другими важными особенностями. Сегодня геральдика – универсальный язык, который так же вышел за пределы Европы, как бумага или порох – за пределы Китая; но в первые века своего существования этот язык был «своим» лишь для части Европы. Иногда понятие геральдики применяют расширительно, есть и специалисты, отстаивающие подобную вольность. Но никакой ясности такие допущения не вносят. Я в свое время потратил немало времени, полемизируя с переносом геральдических стереотипов исследования на русские древности – в частности, на знаки Рюриковичей. Думаю, что и старинные адыгские эмблемы имеет смысл изучать как таковые, без избыточных допущений, сравнивая, но не смешивая с образцами иных эмблематических культур. А наш разговор – именно о гербах.

Первое знакомство адыгских народов с геральдикой состоялось в Леванте. Множество адыгов было вовлечено в становление и процветание мамлюкских держав, которые не только успешно вытесняли крестоносцев, но и перенимали у них некоторые обычаи. В частности, под влиянием «франков» (крестоносцев и паломников) мамлюки стали пользоваться самыми настоящими гербами. Правила мамлюкской геральдики были во многом своеобразны, она была в некоторых отношениях проще и аскетичнее европейской. К сожалению, этот культурный опыт оказался не слишком долговечным: он не смог выйти за пределы средневековья.

С XVIII века Кавказ стал знакомиться с геральдикой уже при посредстве России, которая сама задержалась в этом отношении лет на пятьсот по сравнению с Западной Европой. Жители царства Московского с живейшим интересом относились к гербовым обычаям и практикам своих западных и северных соседей, но правила геральдики, структура герба, вопросы права на герб – все это было неизвестно в России до XVII века.

Подражая «цесарским», польским и шведским земельным гербам, московские цари приняли отдельные эмблемы для своих разных владений (и эти эмблемы широко употреблялись в придворном обиходе), но это были не «правильные» гербы, а произвольно нарисованные композиции. Первым российским монархом, принявшим эмблемы для своих владений, стал Иоанн IV Грозный. На его большой государственной печати российский орел оказался окружен, как венком, маленькими композициями, обозначающими царства, княжества и прочие земли в соответствии с царским титулом. Впоследствии титул менялся, дополнялся, и соответственно развивалась

«коллекция» земельных эмблем. Часто их звали печатями, хотя далеко не всегда действительно в соответствующих землях употреблялись печати с такими изображениями.

Сегодня в научно-популярном нарративе очень живучи мифы о «старинных гербах российских городов», о «первом русском гербовнике» 1670-х годов и так далее. Это неверные определения; речь идет об эмблемах, которые еще не были гербами – поскольку геральдические правила и обычаи, касающиеся форм, расцветок и их сочетаний, были попросту неизвестны в Московском государстве. Старательно подражая гербам, художники и чиновники московского двора попросту «не умели их делать».

Наима Нефляшева: При обсуждении в начале 1990-х гг. будущих геральдических символов республик Северного Кавказа тема международной геральдической практики, геральдической традиции актуализировалась. Какие геральдические памятники, связанные с адыгами, на ваш взгляд, наиболее интересны?

Из ваших уст было бы интересно услышать, что такое «печать кабардинская»...

Михаил Медведев: Как раз одной из земельных эмблем, наиболее узнаваемо воспроизводивших западную геральдическую стилистику, была «печать кабардинская». Именно в нее был включен такой типично гербовый элемент, как «сердцевой щиток», причем с полумесяцем.

Другим символом, прямо относящимся к адыгам, был всадник с копьем, отражавший царский титул «государя и обладателя Черкасских и Горских князей». Как показывает само построение титула, он относился не только к черкесам (адыгам), но и к княжествам иных кавказских народов. Тем не менее на первом месте были упомянуты черкесы, и именно к ним эта «печать» относилась в первую очередь.

За исключением немногих семейств, иммигрировавших с Запада, русские роды, в том числе и самые именитые, тоже не имели гербов. Лишь реформа 1682 года, уничтожившая в России местничество и таким образом реформировавшая всю систему почестей, освободила место для нового понимания фамильной идентичности и, как следствие, для родовой геральдики.

Наима Нефляшева: Какие русские аристократические фамилии первыми завели себе гербы, какие символы брали за основу, где искали геральдическое вдохновение и как реагировала царская власть на посягательство на царскую prerogative – иметь собственный герб?

Михаил Медведев: В числе первых представителей российской знати, которые воспользовались переменной и завели себе гербы, были князья литовского происхождения, потомки Гедимины. Они, как и их однородцы в Речи Посполитой, помещали в своих гербах литовского всадника. Князья исконно русские, происходившие от той или иной ветви потомства Рюрика, следовали той же модели. Они брали за основу своих гербов одну (или несколько) из земельных эмблем, употреблявшихся царем. Выбор земельных эмблем должен был иллюстрировать то, где именно правили непосредственные предки хозяина герба. Это было очень близко к дерзости, к узурпации монарших прав – но со стороны верховной власти не последовало ни неудовольствия, ни тем более наказаний: ведь в далекой исторической перспективе права княжеских семей и царского дома действительно смыкались. Кто бы, например, стал пенять князю Приимкову-Ростовскому на то, что он «печатается» ростовской эмблемой – оленем? Само его имя было достаточным обоснованием. Точно так же потомки ярославских Рюриковичей обзавелись гербами с ярославской эмблемой (медведь с секирой), к которой они для более

тщательной иллюстрации родовой истории обычно добавляли киевского ангела и смоленскую пушку. И так далее, и тому подобное.

Надо сказать, что со временем царские земельные эмблемы тоже были отредактированы на геральдический лад и стали самыми настоящими гербами. Но это окончательно произошло лишь в 1720-х годах.

Дворянские роды, происходившие не от Рюрика и не от Гедимины, были вынуждены искать и находить другие источники геральдического вдохновения. Обращаться к царским земельным эмблемам было бы неуместно. Род Апраксина, возводящий себя к знатному ордынскому татарину, попробовал было воспользоваться в своем гербе астраханской эмблемой (корона над саблей), но тут грянуло приятное событие: возведение одной из ветвей рода в графское достоинство. По этому случаю адмиралу Апраксину была дана грамота на новую, графскую версию его герба, в которой эмблема была отредактирована, узурпация – исправлена. (Впрочем, регистрация гербов была не налажена, и за порядком было не уследить. Нетитулованные ветви рода Апраксиных так и сохранили герб с короной и саблей).

Наима Нефляшева: От сыновей адыгского князя Редеди произошли многие знатные фамилии – Лопухины, Чевкины, Колтовские... Из-за своего происхождения они имели право помещать в гербе знаки княжеского достоинства. Какие символы они использовали на щитах родовых гербов?

Михаил Медведев: Гербы Лопухиных, Чевкиных и некоторых других русских семей, произошедших от прославленного князя древних адыгов, Редеди (Ридаде), – причудливый пример. Не найдя подходящей территориальной эмблемы в числе принадлежащих царю, эти семейства обратились к относительно близнему зарубежью и воспользовались гербом герцогства Померанского. Возможно, название герцогства (имеющее славянское происхождение и означающего «поморье», «приморье») ввело в заблуждение обрусевших потомков Редеди: они могли вообразить, что этот герб подойдет и для черноморского приморья, где правил их великий предок. Возможно, сыграла некоторую роль и архаичная шапка, венчавшая шлем герцогов Померанских: она могла быть сочтена похожей на восточный головной убор. Мы еще вспомним об этой детали.

И все же, помимо исконно русских князей, были семейства, не без оснований воспользовавшиеся царскими земельными эмблемами. Например, князья Сибирские, потомки хана Кучума, положили в основу своего герба символику царства Сибирского, какой она сложилась при царском дворе.

Наима Нефляшева: О геральдических знаках князей Черкасских расскажите подробнее... Как трактуется символы, изображенные на их гербе?

Михаил Медведев: Князья Черкасские, потомки владетельного князя Инала, занимали высокое место среди российской знати. Их герб, разделенный на пять полей (четыре поля большого щита и малый щиток), предсказуемо содержит в первом поле всадника «Черкасских и Горских князей», а во втором – кабардинский символ. Далее следуют лев, стреляющий из лука, и две сплетенные змеи, а в среднем щитке – держава, царская инсигния.

Сохранилось описание и толкование герба, предположительно составленное в 1798 году самими Черкасскими (князьями Борисом Михайловичем, Петром и Алексеем Александровичами) и представленное в Сенат московским дворянством. Этот текст весьма любопытен. В описании кабардинской части мы обнаруживаем путаницу: элемент, на котором воспроизведен полумесяц, трактуется одновременно и как щит, и как колчан (и в самом деле – вытянутый барочный щит-картуш, показанный на итоговом рисунке, легко принять за колчан). Это показывает, что в тексте сведены воедино разные понимания герба Черкасских, и что приведенные в нем толкования не первичны.

Но каковы же эти толкования? Черкасская и кабардинская части объяснены просто: первая «означает воинские издревле подвиги князей Черкасских», вторая – то, что «Черкасские были владетелями и Кабардинской земли». Лев-лучник «объясняет преимущественное искусство черкас в пускании стрел и храбрость предводительствовавших ими князей их», а змеи «приняты в герб потому, что сие изображение в Египте употребляемое, служило всегда клеймом для горских народов». Отсылка к Египту здесь объясняется легендой (принятой во внимание при создании герба и, кстати, вполне вероятной с научной точки зрения), которая отождествляет князя-первопредка Инала с одним из мамлюкских султанов Египта.

Наконец, держава в щитке «служит памятником владетельного происхождения князей Черкасских и брачных союзов их» с царской династией.

Происхождение и значение композиции в третьей части (лев с луком и стрелой) заслуживает отдельного обсуждения. Нет ли здесь переключки со львом, несущим стрелу или стрелы в пасти, который известен по ранним версиям гербов князей Юсуповых и Урусовых? Как известно, эти два семейства также претендовали на происхождение от правителей Египта. Учитывая это, можно заподозрить общий с Юсуповыми мотив, заслуживающий отдельного исследования.

В четвертой части большого щита – две переплетенные змеи. Было бы очень интересно проследить, какие горские символы действительно имели такой вид. Но мне кажется более вероятным, что это – указание на Крымское ханство. Две сплетенные змеи, до сих пор видимые над входом в Бахчисарайский дворец, служили одной из эмблем Гиреев, крымских Чингизидов; происхождение этой эмблемы описано в татарской легенде. Как известно, адыгские община и войско были стабильным элементом крымской государственности при Гиреях. И напротив, многие младшие линии дома Гиреев интегрировались в адыгскую аристократию и многократно породнились с домом Инала. Отразил ли герб Черкасских связи с Гиреями Крыма или с местными, кавказскими – это тоже заслуживает дальнейших исследований.

Наконец, в сердцевом щитке у князей Черкасских мы видим золотую державу в горностаевом поле, гордый символ царской власти. Черкасским князьям было мало воспользоваться земельными эмблемами из царской «коллекции», они еще и поместили в самом центре герба указание на суверенный статус предков, риторически поставив их вровень с царями.

И, наконец, замечательной деталью, достойно венчающей всю композицию герба Черкасских, явилась их уникальная княжеская шапка, непохожая на другие шапки и венцы в гербах российских князей. Согласно официально утвержденному и вошедшему в Гербовник описанию, это «шапка с пером, имеющая вид чалмы, которая наложена на золотую корону» (а в исходном описании упомянуты еще драгоценные камни и «сизое перо»), причем тип короны соответствует царскому достоинству. Оба описания – поданное на утверждение и вошедшее в Гербовник – непосредственно относят этот замечательный венец к персоне Инала.

Не странно ли, что для обозначения владетельного статуса своих предков, среди которых были уже мусульмане, князья Черкасские воспользовались инсигнией христианских монархов – державой, «государственным яблоком» с венчающим его крестом? – Немного странно, но здесь есть своя логика. В московском окружении держава воспринималась как условный показатель статуса, а не атрибут конкретный правителя (или тем более знак вероисповедания). Показательно, что шапка-корона-чалма, приписываемая именно Иналу, не имеет креста в наверху. Между тем обычные княжеские шапки российской аристократии были увенчаны державой с крестом, а также имели горностаевую опушку. Возможно, щиток с державой на горностаевом фоне служил некоторой компенсацией отсутствия этих элементов в составе шапки – чтобы никто не мог решить, что Черкасские в чем-то уступают Рюриковичам.

Как мы видим, потомки адыгской знати, выехавшие на Русь, гордились своими корнями до такой степени, что их гербы заметно выделялись из общего ряда.

Наима Нефляшева: И это было интегральной частью российской геральдической традиции.

Михаил Медведев: Да, безусловно. Надо сказать, что некоторые роды «восточного» происхождения (князья Ширинские-Шихматовы, нетитулованные чингизиды Чириковы и пр.) включили в свои гербы восточные головные уборы. Можно предположить, что именно князья Черкасские подали им пример. Самый ранний случай чалмы в российском дворянском гербе зафиксирован у Нарбековых (с 1680-х годов), но они не были столь знамениты и влиятельны.

Более того. Мы уже обсудили, как символика российских монархов послужила основой для выражения князьями Черкасскими своей генеалогической идентичности. Но влияние было и обратным! Еще в середине XVIII века, задолго до того, как князья Черкасские подали свой герб на императорское утверждение, короначалма Инала со щегольски наклоненным пером стала появляться над императорским титульным черкасским гербом, а затем и над кабардинским. Именно так были увенчаны оба этих гербовых щита на Государственном знамени Российской империи вплоть до реформы 1850-х годов. Теоретически это убранство никто не отменял, оно просто вышло из официального употребления, но можно считать, что этот исторический атрибут до сих пор относится к арсеналу черкесско/кабардинской государственной символики. Именно его в 1990-х годах я предлагал в качестве возможного элемента герба Адыгеи.

Вообще это интересный вопрос: что на что влияло? Например, символ Кабарды, принятый еще царями Московскими, выделяющийся из общего ряда земельных «печатей» одновременно строго геральдическим обликом и исламской тематикой: был ли он основан на каких-то исконно адыгских знаках или сочинен в Москве исходя из представления о кабардинской специфике? Мы этого не знаем. К началу XIX века относятся случаи использования на знаменах скрещенных стрел и звезд как общекабардинского символа. Но это на полтора века позднее, чем появление такого символа в российском государственном обиходе. Учитывая тесные контакты, мы вполне можем предположить, что Кабарда приняла символ, имеющий российское происхождение. Что же, история геральдики знала не менее курьезные случаи: например, для испанского королевства Галисии герб сочинили англичане, и он почти случайно стал употребляться самими галисийцами... Но вернемся на Кавказ.

Наима Нефляшева: Да, на Кавказ. Мы говорили о гербах адыгов, интегрированных в элиту Российской империи. А есть ли, например, случаи гербов кавказизированной черкесской знати? Как известно, грузинская геральдика развивалась очень своеобразно.

Михаил Медведев: Да, конечно. Известен герб князей Черкезишвили – потомков кабардинского аристократа XVII века Аладага (Аледжуко). Владения этого рода в Кахетии именовались «Сачеркезо» – «Черкесская страна», хотя жили там грузины-кахетинцы. В гербе рода Черкезишвили были запечатлены полосы и звезды. Возможно, эта геральдически безупречная композиция была вдохновлена знаменем Аладага: для известных ныне старинных адыгских знамен вполне обычны полосы и вышитые звезды. Есть нетитулованный грузинский род того же имени, происходящий, по-видимому, от кабардинского воина, служившего Аладагу и переехавшего в Грузию вместе с господином; герб этого рода неизвестен.

Любопытно, что в числе грузинских князей, подтвердивших свои гербы в России, есть род Бегтабеговых, чей герб составлен из двух земельных гербов – черкасско-горского и кабардинского – и выглядит так, как будто Бегтабеговы состоят в ближайшем родстве с Черкасскими. Но в действительности ситуация – прямо обратная: уже на русской службе Бегтабеговы отличились в кампаниях на Кавказе, сражаясь с кабардинцами и шапсугами, и уже в 1830-х годах довольно

неизобретательно решили увековечить это помещением в гербе соответствующих земельных символов. С точки зрения геральдики службу на той или иной территории вполне можно отображать отсылкой к земельному гербу, но это должна быть отсылка, намек, а не просто использование герба территории в его неизменном виде.

Однако герб Беттабеговых был утвержден именно таким – по явному недосмотру геральдических чиновников николаевского времени, не разобравшихся в происхождении как черкасской, так и грузинской знати. Надо заметить, что Николай I был немало озабочен произошедшим упадком геральдических искусства и науки в России и стремился улучшить положение, однако это удалось лишь при последующих императорах. А между тем обширный фундамент для развития адыгской темы в российской геральдике уже был заложен, вошел, так сказать, в ее золотой фонд.

Остается пожалеть, что это наследие было так исчезающе мало востребовано при становлении современной символики адыгских народов и их соседей в 1990-х годах и в новом столетии.

Но ведь процесс только начинается, не правда ли? Прежде всего я жду очень многого от развития родовой и личной геральдики, хотя и муниципальные, и государственные символы тоже имеют перспективу развития в сторону большей чуткости к традициям.

1) Дворяне Лопухины 1796

2) Герб кн. Лопухиных-Демидовых
(Общий гербовник дворянских родов Российской империи)

3) Герб дворян Колтовских
(Общий гербовник дворянских родов Российской империи)

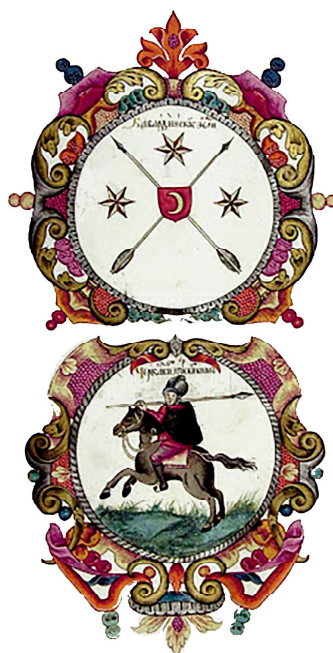

von Koltofskoi.

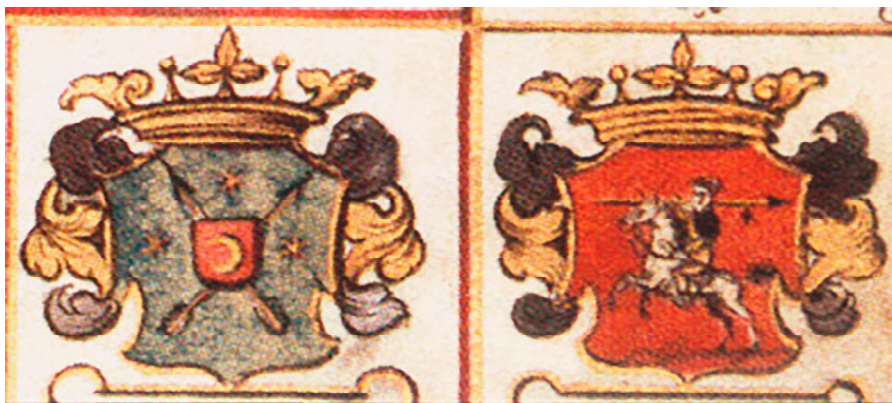
Е.

Russ. Uradel.

4) Колтовские

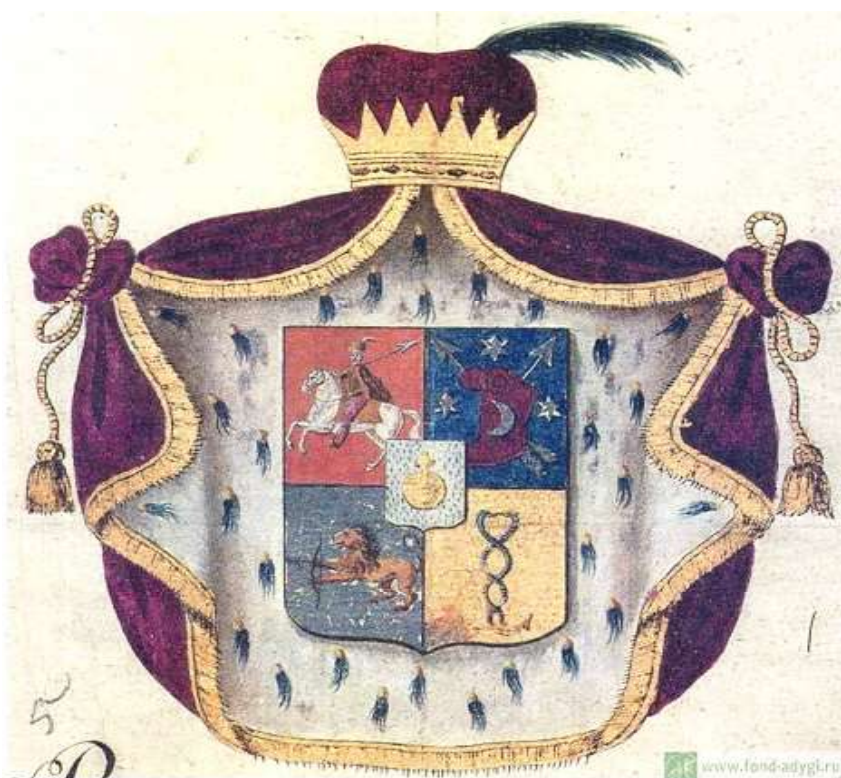
5) Титулярник

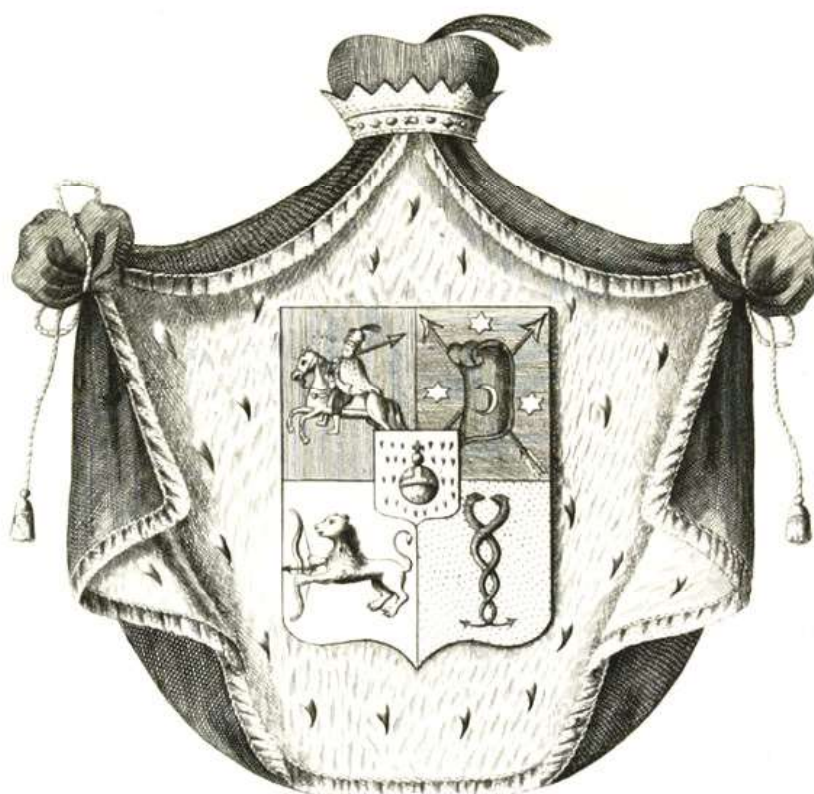
6) Щитки кабардинский и черкесско-горский на грамоте Петра Великого

7) Герб кн. Черкасских (Общий гербовник)

8) Герб кн. Черкасских

9) Герб кн. Черкасских (ОГ, ч-б)

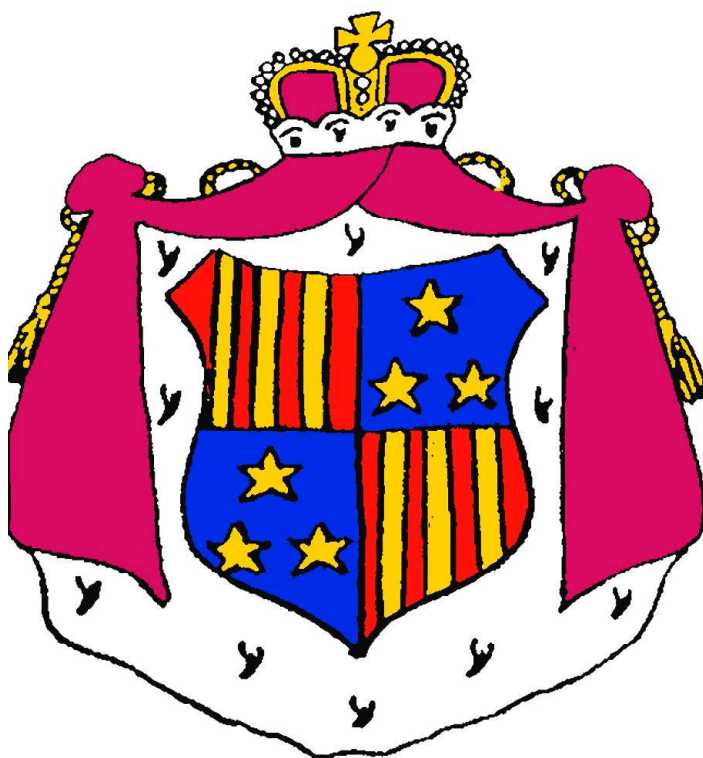
10) Герб «Черкасских князей государя» с императорской грамоты

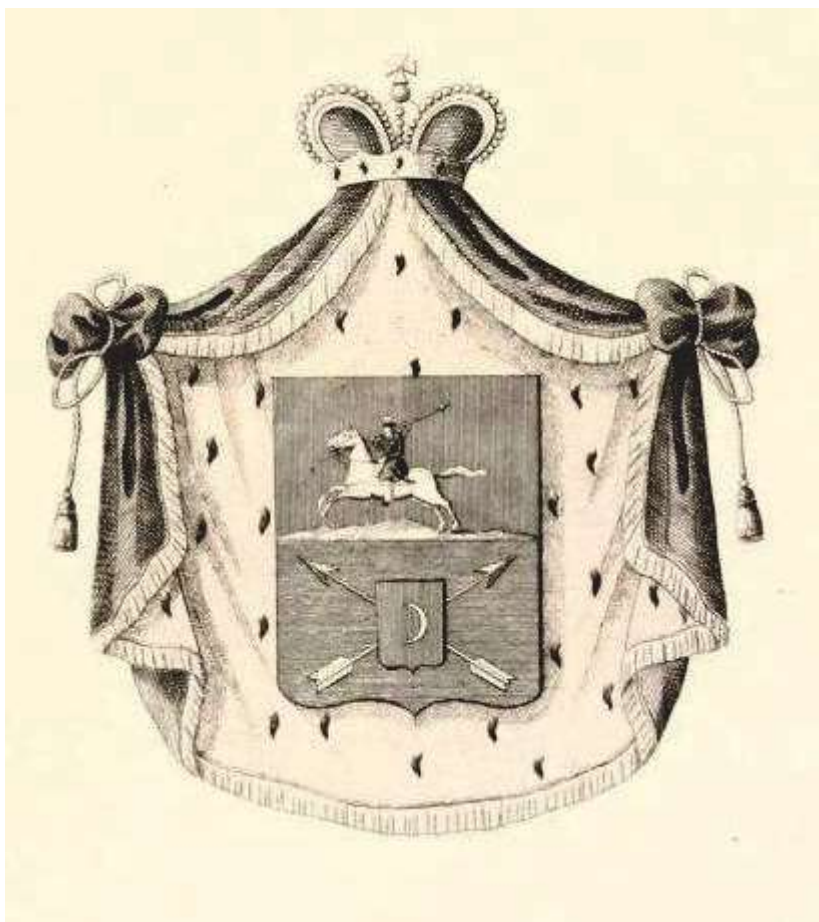
11) Жалованная грамота, данная Ломоносову на землю в Копорском уезде

12) Государственное знамя-панир

13) Герб князей Черкезишвили в версии В. Цихинского

14) Герб кн. Бектабеговых (ОГ, ч-б)

**MIKHAIL MEDVEDEV: «CIRCASSIAN MOTIVES ARE INTEGRATED
INTO THE GOLDEN FUND OF RUSSIAN HERALDRY»**

Nefliasheva N.A., PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, innef@mail.ru

Medvedev M.Y., Historian, the State Counselor of the 3rd class, Member of the Heraldry Council to the President of Russia (1999–2019), Chairman of the Guild of Heraldic Artists [Russia] and Associate member of the International Academy of Heraldry, St. Petersburg, crusilly@gmail.com

The interview highlights the key issues of spread the heraldic tradition among the Circassians. It is noted that the acquaintance of the Circassian peoples with heraldry took place in the Levant, when many Circassians were involved in the formation of the Mamluk powers, and under the influence of the «Franks» (crusaders and pilgrims), Circassian Mamluks began to use real emblems. In the author's opinion, since the 18th century, the Caucasus began to get acquainted with heraldry already through Russia. The elite of the kingdom of Moscow was interested in the customs and practices of their western and northern neighbors, but the rules of heraldry, the structure of the coat of arms, and questions of the right to bear the arms were unknown in Russia until the 17th century. In the interview, particular attention is paid to the land emblem known as the «Kabardian seal». Another symbol related to the Circassians was a horseman with a spear, reflecting the royal title of «the sovereign and owner of the Cherkasskii and Mountain princes.» He belonged not only to the Circassians (Adygs), but also to the principalities of other Caucasian peoples. Nevertheless, the Circassians were mentioned in the first place, and it was to them that

this «seal» belonged in the first place. The interview characterizes the heraldic inspiration for such famous families like the Lopukhins, Chevkins, descended from the prince of the ancient Circassians, Rededya (Ridade). The key issue in the interview is analysis of the heraldic symbols of the coat of arms of the princes of Cherkasski's. According to the author, the symbolism of the Russian monarchs served as the basis for the expression of the princes of Cherkassky their genealogical identity. At the same time, the influence of the Adyghe symbols on the imperial tradition also took place.

Keywords: Russian Empire, Cherkasskiy, heraldry, coat of arms, Circassians.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-91-106

УЛАКЪЛАНЫ МАХТИГЕ – 70 ЖЫЛ

Махийланы Хамангерийни кызы Людмила, Гуманитар тинтиулени Институту – Федерал илму ара «Россей илму арасыны Кыбарты-Малкыар илму арасы» деген Федерал кырал бюджет илму учреждениясыны филиалыны кырачай-малкыар тил бёлюмюню тамата илму кыулукчысу, директорну орунбасары, филология илмуланы кандидаты, liudmila.makhiieva@mail.ru.

Локияланы Магомедни кызы Жаухар, Гуманитар тинтиулени Институту – Федерал илму ара «Россей илму арасыны Кыбарты-Малкыар илму арасы» деген Федерал кырал бюджет илму учреждениясыны филиалыны кырачай-малкыар фольклор бёлюмюню кичи илму кыулукчысу, lokaeva.zh@mail.ru.

Статья белгили тюрколог, филология илмуланы доктору, профессор, Кырачай-Черкес эм Кыбарты-Малкыар республикаланы илмусуну сыйлы кыулукчысу, Халкыла аралы тюрк академияны академиги, Россейни тюркологларыны комитетини члени Улакъланы Зейтунну жашы Махтини 70-жыллык юбилейине жораланады. Улакь улу кёп жылланы ичинде, кырачай-малкыар, тюрк тиллени, саулайда Россей илмуну айнытууга уллу кыйын салады. Аны тилни энчиликлерин, жүрютюлюуюн эм тюрлениулерин тинтиуге жораланган илму ишлерине, китапларына, сёзлюклерине, статьяларына алимле бийик багъа береди. Ол онтогуз китапны, 170-ге жууук илму статьяны авторду. Улакъланы Махти республиканы илму эм жамауат-маданият жумушларына да тири кыатышады, миллетини хар жумушуна да кыйгыра билген, белгили алимди. Башында саналган затла алимни илму ишини магъаналыгына, тюрк тиллени тинтиуге бла, саулай филология илмуну айнытууга уллу кыйын салганын, бююнго заманны излемлерине кёре жумушланы тамамлаганын шартлайдыла.

Баш магъаналы сёзле: белгили алим, тюрколог, профессор, кырачай-малкыар филология, социолнгвистика, лексикография, терминология.

Улакъланы Зейтунну жашы Махтиге 2021 жылда 26 февральда 70 жыл толганды. Улакъланы Махти 1951 жылда Кыргызы ССР-ны Чуйский районуну Дон-Арик элинде тууганды. Аны сабий жыллары кёчгюнчюлюкте ётгенди. Улакъланы юйюрлери сюргонден ата-бабаларыны жерине кыйтхандан сора, ол, 1968 жылда Лашкута элни школун бошоп, 1969 жылда Кыбарты-Малкыар кырал университетни тарых-филология факультетини орус-малкыар бёлюмюне окьургъа киреди. 1974 жылда университетни тауусуп, Кыбарты-Малкыарны илму-излем институтуну (бусагъатдагы Кыбарты-Малкыар илму арасыны гуманитар тинтиуле бардырган институту) кырачай-малкыар тил бёлюмюнде ишге тохтайды. Ол арсарсыз илмуну жолун сайлайды. 1976 жылда кыралыбызны ара шахары Москвада Тил билим институтну тюрк эм монгол бёлюмюню аспирантурасында окьургъа кёлленеди.

Кеси халкыны кёлден чыгъармачылыгын жыйып, китапла жарашдырган акылман, илмуну, жазуу ишни да кыйматын, кыйынлыгын да уста билген, окьургъа тебиреген жашын аллына олтуртуп: «Мен сен илмуну жолун сайлаганынга бек ырызма. Халкыбызны кёлден чыгъармачылыгында, тарыхында, тил билимде да алыкына тамамланырыкь ишле кёпдюле. «Эл жарсыуун эр этер, эр жарсыуун эл этер» деген бурунгулуну акыл сёзлери барды. Аллай жумушланы сенича жашла тамамламасала, ким тамамлар? Алай, билип кый, «Илму бла кюрешиген ийне бла кёр кызганчады», эсингде болсун

«Алим болгъандан эсе, адам болгъан кыйында» илмуну жолунда, халкынгга, миллетинге жарарча алим болсанг, аны бла бирге уа адамлыкъ сырынгы бийик тутсанг, мени бек ыразы этериксе, миллетни, кыралны аллында да уланлыкъ, инсан борчунгу да толтурлукъса...» – деп, андан сора да кѣп насийхат сѣз айтып, жүрек ыразылыгъын берип ашырады.

Атасыны ол сѣзлери бюгюн да, аны жашау жолунда кѣп затны оюмлатханлай, адамлыкъны бла алимликни бирча багъалай билирге, илму жолда таукел жүрюрге кѣллендиргенлей турадыла.

Улакъланы Махти, аспирантурада окъууун бошап, «*Термины животноводства в карачаево-балкарском языке*» [Улаков 1983] деген ат бла диссертациясын жетишимли кѣруулап, ишлеген Институтуна кыйтады, анда ол кесини усталыгъын айнытады, бир ненча жылдан кырачай-малкыар тил секторгъа башчылыкъ этеди.

Ол жыллада кырачай-малкыар тил бѣлюмню алимлери бла бирге ючтомлукъ ангылатма сѣзлюкню биринчи томун хазырлайдыла. Кысха заманны ичинде аны коллективде профсоюзну таматасына айырадыла. Тутхан ишин тийишли бардыргъанын, иш кѣллюлюгюн кѣрюп тургъан профессор Гугов Р.Х. (ол заманда Кыбарты-Малкыар илму-излем институтну директору) аны илму иш жаны бла директорну экинчиси этерге излейди. Коллективни ыразылыгъы бла Институтну илму совети республиканы Правительствосуна тилек кыагъыт жибереди. Правительство республиканы Президентинден ыразылыкъ алгъандан сора, Улакъланы Махтини ол кѣуллукъгъа саладыла.

Алай бла, илму тинтиулени жашаугъа сингдире, тюрлю-тюрлю кырал комиссияланы ишлерине кытышады, терс-тюз жерлерин кѣргюзтүп, оюмун, насийхат сѣзюн айтады. Аллай тюбешиулени биринде, Институтда илму иш кылай кыралгъаныны, баргъаныны юсюнден аны Кыбарты-Малкыар Республиканы биринчи Президенти Коков В.М. эм вице-президенти Губин Г.С. энчи чакъырып сѣлешедиле. Ол алагъа кырачай-малкыар тилни ючтомлукъ ангылатма сѣзлюгюнню биринчи тому хазыр болгъанын эм аны басмаларгъа ахча тыйгъыч болуп тургъанын айтады. Заманнга кѣре, ол республикагъа, кыралгъа да кыйын кезиу эди, болсада, Правительствону Председатели (ол замандагъы) Черкесланы Г.М. сѣзлюкню чыгъарыргъа кырал бюджетден ахча бѣлдюреди. Бу жумушланы тындырыуда халкыны жарсыларын хар заманда терен ангылагъан Зумакулланы Б.М. билеклик этеди. Сѣзлюкню томлары хазыр бола баргъаны бла ала башха-башха жыллада 5 минг тираж бла басмадан чыгъадыла. Ол жетишимлери бла кыанатланган жаш алим кесини доктор илму ишин кѣолгъа алады эм 1994 жылда «Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка» [Улаков 1994] деген ат бла монографиясын басмалайды, анга эм ол темагъа басмаланган илму статьяларына таянып, 1996 жылда Мосвада Тил билим институтну диссертация советинде доктор диссертациясын жетишимли кѣруулайды.

1999 жылны январь айындан башлап, бюгюннге дери, Улакъланы Зейтунну жашы Махти Россейни Илму Академиясыны Кыбарты-Малкыар илму арасыны таматасыны илму жаны бла экинчиси болуп ишлейди. Илмуну бюгюнгю излемлерине кѣре айнытуугъа уллу кыйын салады. Республиканы илму бла байламлы, миллет-политика эм маданият ишлерине тири кытышады, андан тышында да Институтну кырачай-малкыар тил бѣлюмню баш илму кѣуллукъчусу болуп, кѣп жылланы бет жарыктылы урунады.

Ол тюрк лексикологияны бла лексикографияны, заманнга кѣре тюрлениу амалларын энчилеп, терен тинтеди, кырачай-малкыар тил билимде кѣп ачыкъланмагъан соруулагъа жууап излейди. Аны онтогъуз илму китабы, ол санда сѣзлюклери, илму-методика ишлери, 170-ге жууукъ илму статьялары басмалангандыла. Ала, белгили тюркологла чертгенча, кырачай-малкыар тил билимни угъай да, саулайда тюркологияны, лингвистиканы бай хазнасыдыла.

Улакъланы Махти окъутуу ишге да уллу кыйын салганды. Ол 2000–2006 жыллада Къабарты-Малкъар кырал университетни кырачай-малкъар тил эм адабият кафедрасында профессор болуп ишлегенди.

Аны «История карачаево-балкарского языка» (кысха лекция дерслери) [Улаков 2001], «Письменные памятники тюркских языков как источник истории современного карачаево-балкарского языка (спецкурс)» [Улаков, Чеченов 2003], «Очерки истории карачаево-балкарского языка» [Улаков 2005], «Карачаево-балкарско-русский словарь лингвистических терминов» [Улаков, Махиева 2008] эм дагыда кѣп башха дерсликлерни бла китаплары, сѣзлюклери студентлеге, магистрлеге, аспирантлагъа, алимлеге, устазлагъа да, билимлерин кючлер онг бередиле.

Белгили алимни арт жыллада басмаланган илму китапларыны, статьяларыны юсюнден айтханда, алада жашауну тюрлениулери бла байламлы тил билимде жангылыклагъа аслам эс бурулады. Сѣз ючюн, Шимал Кавказны тиллерини энчиликлерин ачыкылауа, кырачай-малкъар тилни терминологиясына жораланган ишлерин да энчи айтыргъа тийишлиди: «Языковая ситуация в Кабардино-Балкарской республике: состояние и проблемы» [Башиева, Улаков, Хамдохова 2016], «Правовой статус кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков как один из способов их защиты и сохранения» [Башиева, Улаков 2015], «Проблемы терминологии карачаево-балкарского языка» [Улаков, Махиева 2019] эм д.б. Бу илму ишледе битеудуния кырам бла бирликде ъз тилге энчи кыйгырылулукъ, аны сакълар, айнытыр, журютюр, тинтир амалла да изленедиле эм аз санлы миллетлени миллет тиллерин сакълау бла байламлы кѣп соруулагъа кыралладыла.

Улакъланы Махтини алимлени кыаууму бла бирге чыгъаргъан «Трансформация системы ценностей населения Кабардино-Балкарии в современных условиях» деген монография Россейни илмула академиясыны 2019 жылда жетишимлерини тизмесине киргенди [Кушхабиев, Улаков и др. 2019].

Сынамлы алим, Къабарты-Малкъар илму араны гуманитар тинтиуле бардыргъан институтуну кырачай-малкъар тил бѣлюмюню илму кюллукъчулары бла бирге жарашдыргъан «Къарачай-малкъар тилни ангылатма ючтомлукъ сѣзлюгюн» [КъМТАС I 1996; КъМТАС II 2002; КъМТАС III 2005], «Къарачай-малкъар тилни синонимлерини сѣзлюгюн» [КъМТСС 2017], «Современный карачаево-балкарский язык» [СКБЯ 1 2016; СКБЯ 2 2018] деген эки кесекли илму ишни, жаланда кырачай-малкъар тилге угъай, саулай тюркологияда уллу магъанасы эм кыйматы болгъаны Россейни тюркологларыны комитетинде чертилгенди. «Современный карачаево-балкарский язык» деген академиялы илму ишни проектине илму жаны бла башчылыкъ Улакъланы Махти этгенди.

Андан сора да ол алимлени эм адабиятыбызны келечилерини юслеринден иги кесек статья, очерк да жазганды [Улаков 2010], бир талай илму китапны, илму жыйымдыкны редакторуду, аланы асламысыны редколлегияларыны члениди. «Известия КБНЦ РАН» деген белгили илму журналны баш редакторуну экинчисиди. Республиканы телевидения бла радио бериулерине да дайым да тири къатышханлай турады.

Улакъланы Махти миллетни, республиканы да тамблагъы кюнюн теренден оюмлагъан, саулайда тил билимге эм тюрк дунияны ниет маданиятына уллу кюшумчулукъ этген, жаш тѣлюню илму жолун ызлагъан, республикагъа, кыралгъа да жарарча алимлени хазырлагъан огъурлу насийхатчыды, бийик даражалы алимди. Аны монографиялары бла статьялары саулайда тюркологиягъа уллу кюшумчулукъ этедиле, Россейде эм СНГ-ны кыралларында, узакъ тыш кыраллада да басмаланадыла. Дуниягъа кѣз кырамы да кенг болгъан алим, тамблагъы кюнню ъчюлмезлик жарыгъы билим бла илму болгъанын теренден ангылайды, не жаны бла да анга кюшумчулукъ этерге излейди.

Бююнлюкде гуманитар тинтиуле бардыргъан институтда, ол къурагъан лингвофольклористика илму школ жетишимли ишлейди. Профессор, кёп жылланы Къабарты-Малкъар кырал университетни диссертация советини члени болгъанлай келеди, республикада, андан тышында да кандидат эм доктор диссертацияларын къоруулагъанлагъа жакъчылыкъ (оппонентлик) да этеди, Халкъла аралы илму конференциялагъа, конгресслеге, симпозиумлагъа, форумлагъа да тири къатышады.

Улакъланы Махти ишни юсюнде кёп затха юйретген насийхатчыларына, артыгъыракъ да Ахматланы Ибрагимге, Гугов Рашадха, Иванов Пётрге хар заманда да жюрек ыразылыгъын билдиреди. Ол ишлеген жеринде таматалагъа, тенглерине билеклик эте, уллу сый, намыс да бере биледи, ала да аны сыйлы кёредиле. Баям, ол затланы бирикдирген адамлыкъ, огъурлулукъ, тюзлюк эм дагъыда алача башха шартладыла.

Устазлыкъ ишини юсюнден айтханда уа, аны башчылыгъы бла оннга жууукъ аспирант, илму ишлерин жетишимли къоруулап, филология илмуланы кандидаты деген атха тийишли болгъандыла эм, илму башчылары юйретген жолдан таймай, тилибизге, маданиятыбызгъа да тийишли къуллукъ этедиле.

Улакъланы Махти илмуда жетишимлери эм жамауат-кырал ишлеге тири къатышханы ючюн *Къабарты-Малкъарны сыйлы грамотасы* бла (1996), *Россейни илмула академиясыны сыйлы грамотасы* бла (1999), *Къабарты-Малкъарны Парламентини сыйлы грамотасы* бла (2011), *Къабарты-Малкъарны Айырыу комиссиясыны сыйлы грамотасы* бла (2007), *РИА-ны Къабарты-Малкъар илму арасыны Президиумуну сыйлы грамотасы* бла (2011), *Къабарты-Малкъарны Гуманитар тинтиуле бардыргъан институтуну сыйлы грамотасы* бла (2016), Къарачайда бардырылгъан «ХІ Крымшамхаловские чтения по проблемам карачаево-балкарской культуры» деген форумда «*Современный карачаево-балкарский язык*» деген проект ючюн «Наука» деген номинацияда (2018), «*Къулийланы Къайсынны*» (2019), «*За мир и гуманизм на Кавказе*» (2021), «*250 лет единения Ингушетии с Россией*» (2021) деген майдалла бла саугъаланнганды. Ол «*Къарачай-Черкес республиканы илмусуну сыйлы къыллукъчусу*» (1998) эм «*Къабарты-Малкъар республиканы илмусуну сыйлы къуллукъчусу*» (2001) деген атлагъа тийишли болгъанды.

Улакъланы Махти хар заманда да халкъыны кёлден чыгъармачылыгъына уллу эс бёлгенди, миллетини ниет хазнасын сыйлай, багъалай билгенди. Аны юсюнден филология илмуланы доктору, профессор Кетенчиланы Мусса кесини статьясында былай жазады: «Улакъланы Махти халкъны кёлден чыгъармачылыгъына къачан да сакъ кёзден къарагъанды. Фольклор – халкъны оюм шауданыды, анда тёлюлени жашау сынауу, миллет энчилиги да кёргозтюлюнеди. Халкъны кёлден чыгъармачылыгъы эм миллет адет-тёреси – бизни бююннгю билимбизни, жетишимлерибизни да мурдорудула» [Кетенчиев 2001]. Баям, ол затны теренден ангылау Улакъ улуну илму экспедицияланы къуаргъа эм ол экспедициялагъа къатышыргъа кёллендиргендиле. Алай бла, Къабарты-Малкъар илму араны гуманитар тинтиуле бардыргъан институтуну келчилери бла бирге кёп кере Къабарты-Малкъар эм Къарачай-Черкес республикалада, Тюркде, Шамда (Сирияда), Иорданияда да илму-фольклор экспедициялагъа тири къатышханды. Ол экспедициялада жыйылгъан материалланы асламысы бююн да Къабарты-Малкъар гуманитар тинтиуле бардыргъан институтну фоноархивинде сакъланадыла, материалладан къуралгъан бериуле бююн-бюгече да радиода, телевиденияда да кезиуден-кезиуге бериле турадыла.

Ол экспедицияны баш борчу – адыгыла бла къарачай-малкъырлыланы тыш къыраллада диаспораларын илму жаны бла жокъларгъа республиканы жамауаты Правительствосуна борчлайды. Жумушну тынгылы къуаргъа төрт къуллукъчуну (Улакъланы Махтини, Рахайланы Анатолийни, Елеев Лукьянны эм Семенов

Юрийни) Турциягъа, Сириягъа эм Иорданиягъа жибередиле. Ала он кюнню ичинде экспедиция ишлерик шахарла, жерлешлерибизге бериллик соруула, алимлени ашар-жашар жерлери, айланыр улоулары дегенча затланы юслеринден келишим этип келедиле. Ызы бла илму экспедиция (эки къауумдан къуралгъан: малкъар эм къабарты) ючайлыкъ жолгъа кетеди. Иш тынгылы къуралгъаны себебли, экспедицияны келечилери чырмаусуз, жетишимли ишлеп, иги кесек материал да жыйып республикагъа къайтадыла. Экспедициягъа къатышханланы, биринчи болуп, республиканы ол замандагъы президенти Коков В.М. бла Правительствосуну башчысы Черкесланы Г.М., институтну директору Думанов Х.М. бла бирге Улакъланы Махтини кеслерине чакъырып, тынгылы хапар сурайдыла.

Экспедициягъа къатышханла бла республиканы журналистлери радио бла, телевидения бла да иги кесек бериу этедиле, газетледе, журналлада да кёп сейир материал басмалайдыла: къыз къачыргъанны, сабийни бешикте салгъанны, ёлюкню асырагъанны эм дагъыда кёп затны юсюнден хапар айтылады, аланы энчиликлери белгиленеди. Ол экспедицияны хайырындан эки жанындан да кёп тукъумла байламлыкъ жюрютюп башлайдыла; тыш къыраллы жерлешлерибиз да Кавказдан тынгылы хапар биледиле. Андан сора да саулайда малкъар миллетге Сирияда жашагъан таулуланы атындан институтну атына жылы салам къагъыт келгенин алимле бюгюн да тансыкълап эсгередиле. Айхайда, аллай халкъла аралы илму экспедицияны илму эм политика магъанасы бек улуу эди. Ол материалладан къуралгъан бериуле бусагъатда да радиода, телевиденияда да кезиуден –кезиуге бериле турадыла.

Жашауун илму бла байламлы этген алим, экспедицияланы магъанасын теренден ангылап, 1992 жылда, кезиулю экспедицияланы заманында, Турцияны Самсун шахарында тюрк тилден курсланы ётюп, билимин ёсдюргенди, курслагъа къатышхан битеу тюрк тилли халкъланы келечилери бла танышханды эм кёбюсю бла шуёхлукъ жюрютеди. Ол зат а саулай тюрк дуняны бютюнда кючлерге, бирикдириге, артыгъыракъ да Халкъла аралы тюрк академияны къуаргъа улуу себеблик этгенди. Улакъ улу ол академияны Къабарты-Малкъар бёлюмоне бир къауум жылны башчылыкъ этип тургъанды.

Бусагъатда, дуняда хар затха да, ол санда илмугъа да кёз къарам тюрленип, аны тамамлауда излемле кючленип барадыла. Профессор, биринчилени санында болуп, жангычылыкъла бла кеси уста шагъырей болады эм башха алимлеге да билимни, илмуну жолунда жюрюр амалланы юйретеди.

Алим адам, халкъыны кёлден чыгъармачылыгъын, ана тилин, адабиятын, тарыхын уста билирге, миллетни, республиканы, къыралны да тамблагъы кюнюн терен оюмлап, хар ишине да тири къатышыргъа борчлуду. Улакъ улу, хар ишин ол ангыламгъа тамам сыйындырып, илмугъа, жамауатха да тийишлисича къуллукъ эте биледи, миллетини, тукъумуну, туугъан элини да атларын иги бла айтдырады.

Бюгюнлюкде 70-жыллыкъ юбилейине жетишген оюмлу оноучу, белгили алим, жаш адамланы билимни, илмуну жолуна тюзете *«къарыулу бирни жыгъар, билимни мингни жыгъар»* деп, шош ышарыуун бла жарыкълыгъын саугъалай, насийхат сёзюн айта, адамлыкъ, алимлик жолда да юлгюлю болургъа юйретеди.

Биз илму жолда кёплеге билеклик этип тургъан, багъалы алим къарындашыбызны, огъурлу устазыбызны къууанчлы байрамы бла жүрекден алгъышлайбыз! Улуу Аллах илмуну жолунда жангы жетишимлеге жол ача, энтта да кёп жылланы аллыбызда жүрюрча кюч да, къарыу да, саулукъ да, узакъ ёмюр да берсин дейбиз!

Хайырланылгъан литература

1. *Башиева С.К., Улаков М.З.* Правовой статус кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков как один из способов их защиты и сохранения // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 1 (63). С. 284–289.

2. Башиева С.К., Улаков М.З., Хамдохова Ж.М. Языковая ситуация в Кабардино-Балкарской республике: состояние и проблемы. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2016. 172 с.
3. Кетенчиев М.Б. Жизнь дана на добрые дела // Кабардино-Балкарская правда. 2001. 21 фев.
4. Куишабиев А.В., Улаков М.З., Алхасов М.М., Табаксоев И.А. Трансформация системы ценностей населения Кабардино-Балкарии в современных условиях. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2019. 192 с.
5. *КъМТАС I* – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюгю. Ючтомлукъ. Т. I. А–Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 1019 б. (Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. Т. I. А–Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 1019 с.).
6. *КъМТАС II* – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюгю. Ючтомлукъ. Т. II. З–Р. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 1171 б. (Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. Т. II. З–Р. Нальчик: Эль-фа, 2002. 1171 с.).
7. *КъМТАС III* – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюгю. Ючтомлукъ. Т. III. С–Я. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 1159 б. (Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. Т. III. С–Я. Нальчик: Эль-фа, 2005. 1159 с.).
8. *КъМТСС 2017* – Къарачай-малкъар тилни синонимлерини сѣзлюгю. Нальчик: «Печатный двор» басма ара, 2017. 556 б. (Словарь синонимов карачаево-балкарского языка. Нальчик: Печатный двор, 2017. 556 с.).
9. *СКБЯ 1 2016* – Современный карачаево-балкарский язык. В 2-х ч. Ч. 1. Нальчик: Печатный двор, 2016. 442 с.
10. *СКБЯ 2 2018* – Современный карачаево-балкарский язык. В 2-х ч. Ч. 2. Нальчик: Печатный двор, 2018. 480 с.
11. Улаков М.З. Избранные труды. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2010. 364 с.
12. Улаков М.З. История карачаево-балкарского языка (курс лекций). Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2001. 78 с.
13. Улаков М.З. Махиева Л.Х. Карачаево-балкарско-русский словарь лингвистических терминов. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2008. 104 с.
14. Улаков М.З. Очерки истории карачаево-балкарского языка (учебное пособие). Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2005. 105 с.
15. Улаков М.З. Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1994. 116 с.
16. Улаков М.З. Термины животноводства в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1983. 22 с.
17. Улаков М.З., Махиева Л.Х. Проблемы терминологии карачаево-балкарского языка. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2019. 118 с.
18. Улаков М.З., Чеченов А.А. Письменные памятники тюркских языков как источник истории современного карачаево-балкарского языка (спецкурс). Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2003. 51 с.

МАХТИ ЗЕЙТУНОВИЧУ УЛАКОВУ – 70 ЛЕТ

Махиева Людмила Хамангериевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), liudmila.makhiieva@mail.ru.

Локьяева Жаухар Магомедовна, младший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), lokyaeva.zh@mail.ru.

Статья посвящена юбилею ведущего тюрколога – языковеда, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки КЧР и КБР, академика Международной тюркской академии, члена Российского комитета тюркологов Махти Зейтуновича Улакова. В течение многих лет он успешно сочетает руководящую должность и научную деятельность. Как видный языковед-тюрколог, талантливый педагог и умелый организатор науки

М.З. Улаков внес, бесспорно, весомый вклад в развитие не только карачаево-балкарского языкознания, тюркологии, но и отечественной науки. Он является автором 19 книг и около 170 научных статей. Научные труды М.З. Улакова. по различным разделам родного языкознания и социалингвистики известны далеко за пределами республики и даже страны.

Наряду с научной и организационной деятельностью он внес большой вклад и в дело подготовки научных кадров. Под его научным руководством успешно защитили работы около десятка диссертантов. В 2000–2006 гг. он занимал должность профессора кафедры карачаево-балкарского языка и литературы КБГУ и издал несколько работ, адресованных студентам, аспирантам и соискателям. Он неоднократно приглашался и в разные годы успешно работал председателем Государственных экзаменационных комиссий в КБГУ и КЧГУ.

Монографии, словари, учебники и учебные пособия, написанные М.З. Улаковым, являются настольными книгами всех, кто интересуется карачаево-балкарской филологией.

Ключевые слова: известный ученый, тюрколог, профессор, карачаево-балкарская филология, социалингвистика, лексикография, терминология.

MAHTI ZEITUNOVICH ULAKOV – 70 YEARS

Mahieva Lyudmila Hamangerievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Scientific Worker of the Sector of Karachay-Balkarian Language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), lyudmila.makhiieva@mail.ru.

Lokyaeva Jauhar Magomedovna, Junior Scientific Worker of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), lokyeva.zh@mail.ru.

The article is devoted to the anniversary of the leading Turkologist – linguist, Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of the KChR and KBR, academician of the International Turkic Academy, member of the Russian Committee of Turkologists Mahti Zeitunovich Ulakov. For many years he successfully combines a managerial position and scientific activity. As a prominent linguist-Turkologist, a talented teacher, and a skillful organizer of science, M.Z. Ulakov undoubtedly made a significant contribution to the development of not only Karachay-Balkarian linguistics, Turkology, but also domestic science. He is the author of 19 books and about 170 scientific articles. Scientific works of M.Z. Ulakov on various branches of native linguistics and sociolinguistics are known far beyond the borders of the republic and even the country.

Along with scientific and organizational activities, he made a great contribution to the training of scientific personnel. Under his supervision successfully defended the work of about a dozen post-graduate students. In 2000–2006 he held the position of professor of the Department of Karachay-Balkarian Language and Literature of KBSU and published several works, addressed to students, postgraduates and applicants. He was repeatedly invited and in different years successfully worked as the chairman of the State Examination Commissions in KBSU and KChSU.

Monographs, dictionaries, textbooks and training manuals, written by M.Z. Ulakov, are the reference books of all those, who are interested in Karachay-Balkarian philology.

Keywords: famous scientist, Turkologist, professor, Karachay-Balkarian philology, sociolinguistics, lexicography, terminology.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа. Журнал не публикует рекламные материалы.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на размещение статьи в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Все материалы, поступившие для публикации, проходят обязательное рецензирование.

Члены редакционного совета и/или приглашенные эксперты осуществляют внутреннее рецензирование и определяют соответствие статьи концепции журнала; оценивают качество представленных материалов: оценивают полноту и глубину раскрытия темы, достоверность фактологической информации, допустимость научных положений и выводов, корректность формулировок, определяют тип публикации (статья, краткое сообщение, рецензия, сообщение о научном мероприятии, материалы к словарю и пр.), определяют степень новизны исследования и научную ценность публикации, оценивают композиционную завершенность текста, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала; дают рекомендации разной степени обязательности, в том числе замечания, касающиеся формулировок; принимают рекомендации о возможности допустить статью к публикации, о том, в каком номере журнала будет опубликована статья.

Рецензирование проводится конфиденциально. Имена рецензентов не сообщаются авторам. В случае, если статья требует доработки, автору рецензируемой статьи предоставляется возможность ознакомиться с той частью рецензии, которая содержит замечания, вопросы, рекомендации, необходимые к исполнению. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста. Статьи не публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия / главный редактор может отказать в публикации статьи, если она будет оценена как не соответствующая требованиям журнала и/или оформленная с нарушением этических стандартов. Рукописи после рецензирования не возвращаются. Редакция вправе не вступать в переписку с авторами относительно причин (оснований) отказа в публикации статьи.

Сформированный номер утверждается к выпуску главным редактором журнала.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами;
- страницы формата A4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу – шрифт полужирный, размер 14 пт;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт, размещение по центру;
- сведения об авторе(ах) располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине по образцу:

Кузьминов Иван Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kuzminov@mail.ru

- аннотация статьи на русском языке (не менее 150 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине;
- источники и литература;
- данные о статье на английском языке (шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, междустрочный интервал – 1):
 - заглавие статьи прописными (заглавными) буквами;
 - сведения об авторе;
 - abstract (резюме) (не менее 150 слов);
 - key words (5–7 слов).

2. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

2.1. Основной текст

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли она современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2.2. Ссылки и список литературы

Ссылки на источники и литературу в тексте статьи приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора или начало заглавия работы, год публикации работы и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Караулов 2000: 141] или [Бархударов 1975: 31–33].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Анфимов 1950: 73–75; Кантария 1968: 83, 87]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Пейсонель 1789; Пейсонель 1974].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы [Бондарко А.В. 1990; Бондарко Л.В. 1977].

При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *c* к году издания [Иванов 2010a], [Иванов 2010b].

При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Влахов, Флорин 2006: 40]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать «и др.» – в случае русскоязычного источника [Антонов и др. 1999], «et al.» – в случае с источником на английском языке [Kuipers et al. 1961].

Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Лики войны ... 1996: 45], [Методика расчета ... 2007: 17]. Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБККЕА [АБККЕА 1974: 200].

Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15]; [АИГИКБНЦРАН. П. 1. П. 1].

При ссылке на словарь указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [ТСРЯ, т. 1: 81] или [РКЧС: 15].

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

Источники и литература приводятся списком после основного текста с заголовком по центру. Список источников и литературы указывается строго в алфавитном порядке, набирается с абзачным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка.

Пример оформления списка литературы

Источники и литература

1. *АИГИКБНЦРАН* – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

2. *АП* – Адыгэ псалъалъэ. Москва: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).

3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

4. *Къыцокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман). Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.

5. *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: Учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (Дата обращения: 25.08.2015).

6. *Карданов Б.М.* Русско-кабардино-черкесский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 1055 с.

7. Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / Сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

8. *Малкондуев Х.Х.* Этнонимы, топонимы и антропонимы в карачаево-балкарском эпосе «Нарты» и древних памятниках как исторический источник // Известия СОИГСИ. 2018. № 28 (67). С. 146–154.

9. *Новиков В.И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (Дата обращения: 12.12.2015).

10. *Павишук А.В.* Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля»): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 198 с.

11. *РГАДА* – Российский государственный архив древних актов.

12. *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

13. *ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

14. *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

Усл. печ. л.
10,2

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 277

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*